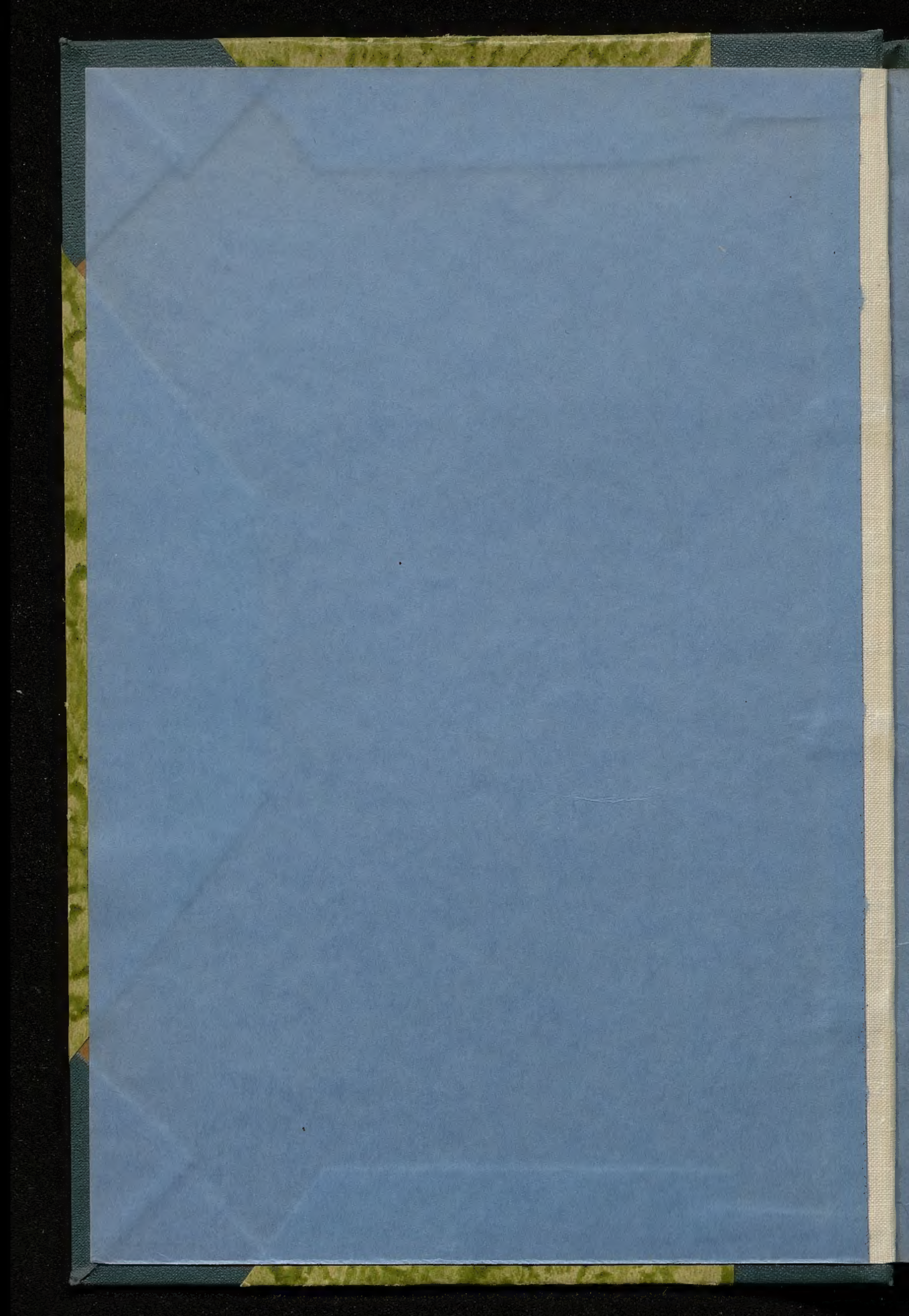
ВКП(б). Моск. организ. Окт. район. XV Октябрь М., 1932

пролетарии всех стран соединяйтесь!

XV Октябрь

Сборник

октябрьского районного комитета всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

МОСКВА — 1932

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

XV ОКТЯБРЬ

СБОРНИК

ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОННОГО КОМИТЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Н. ДНЕПРОВОЙ
О. ЧЕЛПАНОВОЙ

МОСКВА — 1932

Обложка работы худ. А. П. РАДИЩЕВА

Ответственный редактор Н. Днепрова ● Техредактор О. Челпанова ● 12,5 печ.
Статформат Б. 176×250 ● Сдано в набор 23 октября ● Подпис. к печати 29 октябр
Отпечатано в 13-й типографии Мособлполиграфа, Б. Дмитровка, 26
В количестве 5.000 экз. ● Заказ № 3407 ● Мособлит № 3348

Октябрьская революция, дав власть советам и через советы — трудящимся и эксплоатируемым классам, вызвала сопротивление эксплоататоров и в подавлении этого сопротивления вполне обнаружила себя, как начало социалистической революции.

(ЛЕНИН)

„Мировое значение Октябрьской революции состоит не только в том, что она является великим почином одной страны в деле прорыва системы империализма и первым очагом социализма в океане империалистических стран, но также и в том, что она составляет первый этап мировой революции и могучую базу ее дальнейшего развертывания".

(СТАЛИН)

Октябрьская революция первый раз в человеческой истории создала и укрепила диктатуру пролетариата в огромной стране, воплотила в жизнь новый, советский тип государства и положила начало международной революции пролетариата.

(Программа Ком. Интернационала)

В. И. Ленин.

„...Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье начать постройку советского государства, начать этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства нового класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего повсюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата“.

(ЛЕНИН)

„Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в боях за Октябрьскую революцию.

Со знаменем Ленина добились мы решающих успехов в борьбе за победу социалистического строительства.

С этим же знаменем победим в пролетарской революции во всем мире".

(СТАЛИН)

Районный комитет партии считает необходимым отметить ударную работу 13-й типографии Мособлполиграфа, отпечатавшей настоящий сборник.

Своевременный выпуск сборника был бы невозможен без подлинно-ударной работы НАБОРНОГО и БРОШИРОВОЧНОГО цехов типографии, без большевистского руководства этим делом со стороны партийной организации типографии.

Особо Районный комитет отмечает работу секретаря ячейки ВКП(б) тов. ШОЛОВА, директора типографии тов. ВИКТОРОВА, технорука тов. ТКАЧЕВА, зав. наборным цехом тов. ЕРМОЛАЕВА, принявших активное участие в оформлении и выпуске сборника, под непосредственным руководством и при участии которых велись все производственные процессы.

Райком отмечает ударную работу ударников наборного и брошировочного цехов следующих товарищей: ТВЕРДЕНКО, ЗВЕРЕВА, КУЛЕШОВОЙ, ХОХЛОВА, УСАНОВОЙ, КУЗЬМЕНКО, ШАВРОВОЙ, ВАГИНОЙ, ЖУКОВОЙ, ДЕНИСОВА, ИВЛЮШОВОЙ, ОЗЕРЕЦКОГО, КУПРИЯНОВОЙ, АНАНЬИНА, МАРТЕНС, ДОМОГАЦКОГО, СТРЕЛЬЦОВА, ТОВАРА, МАРТЫНОВА П. Н. СМИРНОВА А. Ф., КОРОЛЕВА, ЕЖОВА, ЛАВРУХИНОЙ, АНИСИМОВОЙ, СМИРНОВА П. Д., СТАРИКОВА, АНДРЕЕВА, ЛЕЗИНА, АРХАРОВА, ВАСИЛЬЕВА САУШКИНА, БАРИНОВА, ШИРОКОВА, ЧЕПЕЛЕВА, СМИРНОВА Н. Л., ЯРОСЛАВЦЕВА, АСТАПОВА, НОВИКОВА, ДЕНИСОВА, ТИХОНОВА, ЭНИБЕКОВОЙ и ЧИЧАГОВА, производивших в порядке субботника набор, верстку и правку сборника; товарищей: ГРИГОРЬЕВА, ЛЮБУШКИНА, РАЗОРЕНОВА, РАДИКОВА, САФРОНОВА, ЛЕТАЛИНА, ТОЛПЫГИНА, КОЗЛОВОЙ, ПЕТРОВА и ЛЫСЕНКОВА, производивших в порядке субботника переплетно-брошировочные работы.

Райком отмечает также ударную работу 13-й цинкографии, клишеровавшей все иллюстрации для сборника под непосредственным руководством директора цинкографии тов. ОДРИ и секретаря ячейки тов. СУЧИЛИНА, ударника фото-механического цеха.

Районный комитет отмечает активное участие, которое приняли в оформлении сборника художник тов. Л. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН, фоторепортеры тт. Е. МИКУЛИНА, А. ШАЙХЕТ и МАТВЕЕВ.

РК ВКП(б).

Н. Андреасян

15 ЛЕТ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Мы празднуем пятнадцатую годовщину Октябрьской революции, той революции, которая «первый раз в человеческой истории создала и укрепила диктатуру пролетариата в огромной стране, воплотила в жизнь новый советский тип государства и положила начало международной революции пролетариата» (из программы Коминтерна).

Пятнадцать лет революции — это пятнадцать лет героической победоносной борьбы пролетариата нашей страны под руководством коммунистической партии во главе с тов. Лениным и его лучшим учеником и соратником тов. Сталиным за построение социализма.

Это победоносное движение вперед было бы невозможно без героической революционной борьбы пролетариата, сумевшего возглавить и повести за собой трудящиеся массы крестьянства как для полного свержения капитализма, так и для окончательного создания и упрочения социализма.

Это победоносное движение было бы невозможно без руководства пролетариатом со стороны авангарда рабочего класса — большевистской партии. «Без партии железной и закаленной в борьбе, писал тов. Ленин, — без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на нее, вести успешно такую борьбу невозможно». «Без партии, способной собрать вокруг себя массовые организации пролетариата и централизовать в ходе борьбы руководство всем движением, пролетариат в России не смог бы осуществить свою революционную диктатуру» (Сталин).

Только благодаря революционному союзу пролетариата с трудящимися массами крестьянства, при сохранении гегемонии пролетариата в этом Союзе, благодаря руководству пролетариатом со стороны большевистской партии, усвоившей весь исторический опыт, предше-

ствующей революционной борьбы мирового пролетариата, лучшие героические традиции парижских коммунаров, возможно было разрешить в Октябре 1917 года коренной вопрос революции — вопрос о власти.

Это всемирно-историческая победа пролетарской революции была достигнута в непримиримой борьбе с прямыми классовыми врагами — помещиками и буржуазией — и их агентурой контрреволюционными партиями меньшевиков и эсеров.

Эта победа была достигнута именно благодаря железному единству рядов партии, твердо проводящих в жизнь ленинскую линию, благодаря непримиримой борьбе со всеми оттенками оппортунизма, завершившего теперь исторический круг своего развития и докатившегося до открытой контрреволюции.

«Если нашей партии удалось создать в себе внутреннее единство и небывалую сплоченность своих рядов, то это прежде всего потому что она сумела во-время очиститься от скверны оппортунизма... Партия укрепляется тем, что очищает себя от оппортунистических элементов» (Сталин).

Уже на самых подступах к Октябрю партия решительно разоблачила предательскую деятельность Зиновьева и Каменева, выступавших против партии в вопросе борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, проявивших тем самым неверие в силы пролетариата, в возможность его революционного союза с трудящимися массами крестьянства в борьбе за победу пролетарской революции. Зиновьев и Каменев вели ожесточенную борьбу против линии партии на вооруженное восстание.

Ленин беспощадно вскрыл предательство Зиновьева и Каменева. «Можно ли представить себе поступок более изменческий, более штрейкбрехерский?», писал он.

Позднее Ленин указывал, что позорная деятельность Зиновьева и Каменева в Октябрьские дни не являлась случайностью. Последующие события показали всю правильность этой ленинской оценки. Борьба против партии на 14-м С'езде, предательские выступления против партии и диктатуры пролетариата перед 15-м С'ездом, исключение из партии, последний обман и измена партии, выразившиеся в соучастии и содействии контрреволюционной группе Рютина, Иванова, Галкина и др., — идеологов капиталистической реставрации в СССР, — таков предательский путь Каменева и Зиновьева.

Партия разбила «левых» коммунистов, «рабочую оппозицию», разгромила троцкизм — передовой отряд буржуазной контрреволюции, наголову разбила правых оппортунистов, отражающих сопротивление гибнущего кулачества и являющихся его прямой агентурой.

Под руководством ленинского ЦК и вождя мирового пролетариата т. Сталина, партия вела и ведет непримиримую борьбу на два фронта, с правым оппортунизмом, как главной опасностью на данном этапе, и с «левым» оппортунизмом, с остатками контрреволюционного троцкизма, с осколками всех и всяческих бывших оппозиций, скатившихся окончательно в болото кулацкой контрреволюции, с примиренчеством и укрывательством по отношению к ним.

Неуклонно проводя в жизнь генеральную линию, опираясь на доверие и поддержку широчайших масс рабочих, колхозников и трудящихся, партия победоносно ведет социалистическое строительство.

Всякие толкования правых и «левых» о невозможности строительства социализма в нашей стране разбиты всей практикой пятнадцатилетнего существования страны Советов.

К 15-й годовщине Октября мы приходим с величайшими достижениями на всех участках социалистической стройки.

Страна Советов успешно завершает первую пятилетку.

Мы завершили «самое важное и самое трудное — по выражению Ленина — дело подведения экономического фундамента для нового социалистического здания». 17-я партийная конференция подчеркнула, что «важнейшим итогом социалистического строительства первой пятилетки является окончательный подрыв корней капитализма в деревне, предрешающий полную ликвидацию капиталистических элементов и полное уничтожение классов. Завершение построения фундамента социализма в СССР означает, что Ленинский вопрос «кто кого» решен против капитализма в пользу социализма полностью бесповоротно и в городе и в деревне».

В 1932 году — четвертом году первой пятилетки, СССР окончательно утвердился на социалистическом пути.

Мы осуществили указания тов. Сталина, сделанные им на XIV с'езде партии, «...превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, способную производить собственными силами необходимое оборудование».

Выросла наша промышленная продукция. В 1931 г. она составляла уже 277,1 проц. по отношению к продукции царской России в 1913 г. Валовая продукция машиностроения — этой основы тяжелой промышленности — составляет 3.646 млн. рублей в 1931 г. и 6.800 млн. рублей в 1932 г. против 307 млн. руб. в 1913 г. Уголь, нефть, металлургия — все эти отрасли промышленности выросли у нас до размеров, совершенно недосягаемых для царской России. Мощность наших электростанций составляет в 1932 г. 5,5 млн. квт. по сравнению с 1 млн. квт. в 1913 г.

Из года в год возрастают капитальные вложения в нашу промышленность. Если в 1922 г. ассигнования на капитальное строительство составляли 20 млн. руб., то в 1932 г. они составляют 12 млрд. руб.

Мы построили и пустили в ход сотни новых заводов-гигантов вооруженных первоклаcной техникой, сотни новых шахт и рудников, новых электростанций.

Магнитогорск, Кузнецкстрой, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, автомобильный завод им. Сталина, Саратовский завод комбайнов, завод «Шарикоподшипник» им. Кагановича, Березниковский химкомбинат, Днепрогэс и многие другие — вот славный список достижений советской индустрии.

Из года в год мы укрепляем экономическую независимость СССР, учимся и научаемся строить все своими силами из своих материалов. Мы научились делать свои советские блюминги, крекинги, электровозы, теплоходы, тракторы, комбайны, моторы, гигантские дизеля, свои машины и станки.

Мы снабдили наше сельское хозяйство первоклассным сельскохозяйственным оборудованием. На 1 июля 1932 г. мы имели в нашем сельском хозяйстве 147.800 тракторов, 10 тысяч автомобилей, десятки тысяч комбайнов, сноповязалок, сенокосилок и других сложных сельскохозяйственных машин.

Мощное развитие химической промышленности дало нам возможность удобрить наши социалистические поля сотнями тысяч тонн химических удобрений.

На основе индустриализации мы превратили наше мелкое и мельчайшее сельское хозяйство в самое крупное в мире социалистическое сельское хозяйство. Мы завершили в основных, сырьевых и зерновых районах сплошную коллективизацию и ликвидацию на этой основе кулачества как класса.

Наша деревня окончательно и бесповоротно стала на социалистический путь развития. Колхозник стал центральной фигурой нашего земледелия и прочной опорой советской власти в деревне.

На основе мощного роста тяжелой индустрии и социалистического сектора сельского хозяйства созданы все предпосылки для дальнейшего еще более быстрого роста благосостояния широких масс рабочих, колхозников и трудящихся. На этой основе, как подчеркнул сентябрьский пленум ЦК нашей партии, «стало возможным более быстрое развертывание легкой и пищевой промышленности и расширение производства предметов широкого потребления» (из резолюции пленума).

Наряду с ростом материального благосостояния растет и культурный уровень широчайших масс. Наша страна из страны почти сплошной неграмотности превращается в страну с 80 проц. грамотного населения.

Растет число культурно-просветительных учреждений — школ, клубов, библиотек, читален, театров, кино и т. д., и т. п. Если в 1914 г. в царской России было охвачено учебой 7,8 млн. детей, то в 1932 г. у нас школьной сетью охвачено 20 млн. детей.

Успешно заканчивая первую пятилетку в четыре года, мы обеспечили переход к выполнению второй пятилетки, «основной политической задачей которой является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества» (из рез. 17-й партконференции).

Все эти успехи на различных участках строительства социализма еще и еще раз подтверждают правильность генеральной линии нашей партии. И еще и еще раз показывают всю контрреволюционную сущность оппортунистов всех мастей, прямой агентуры классового врага, пытавшихся задержать или сорвать наше победоносное социалистическое наступление.

Без руководства дисциплинированной и сплоченной большевистской партии, руководимой ленинским ЦК во главе с тов. Сталиным, идущей всегда с массами и во главе масс, непримиримо ведущей борьбу с классовым врагом и его агентурой, без этого руководства — все наши успехи были бы немыслимы. Нужно твердо запомнить слова тов. Сталина: «Партия нужна пролетариату не только для завоевания диктатуры, она еще больше нужна ему для того, чтобы удержать диктатуру, укрепить и расширить ее в интересах полной победы социализма».

Вместе со всем рабочим классом Советского союза пролетариат нашего Октябрьского района под руководством своей партийной организации дрался на всех фронтах социалистической стройки, одержав ряд побед в борьбе за социализм.

Под руководством МК—МГК ВКП(б) во главе с тов. Кагановичем — наша районная парторганизация и руководимый ею пролетариат района добились значительных успехов в борьбе за промфинплан, за выполнение пятилетки в четыре года, за дальнейшее улучшения материально-бытового и культурного обслуживания рабочего класса.

Наш район существует как самостоятельная административно-хозяйственная и партийная единица всего 2 года. Но за это время мы

имеем бурный рост по всем отраслям нашего районного хозяйства. Выросла валовая продукция нашей промышленности. Если в 1930 г. она составляла 244.873 тыс. руб., то в 1932 г. она составляет уже 323.231 руб.

Огромный рост капиталовложений в нашу промышленность позволил реконструировать целый ряд предприятий района, которые превратились в заводы общемосковского и общесоюзного значения (Тормозной, з-д им. Дзержинского, з-д отопительных приборов им. Войкова и др.).

Значительно выросло число промышленных рабочих, занятых на предприятиях нашего района.

На основе технической реконструкции наших предприятий и бурного роста производственной активности рабочих, выразившейся в росте соцсоревнования и ударничества, значительно (в полтора, два раза) выросла производительность труда.

Ряд заводов нашего района, выполняя лозунг тов. Сталина об овладении техникой, освоил и осваивает целый ряд новых производств, освобождающих нашу страну от импорта. Тормозной завод освоил производство тормозов системы Казанцева и осваивает массовое производство лучших в мире тормозов Матросова.

Завод им. Дзержинского освоил производство первого советского арифмометра «Феликс». Завод «Самоточка» поставил у себя производство строгального и долбежного станков.

Отдельные предприятия нашего района на основе широкого развертывания партийно-массовой работы, на основе подлинного соцсоревнования и ударничества сумели досрочно выполнить промфинплан и добиться значительного улучшения качества выпускаемой продукции (ф-ка им. П. Алексеева).

Наряду с успехами в работе нашей промышленности мы имеем ряд достижений и на других участках нашей работы.

Значительно улучшилось городское хозяйство района. Выполняя решения партии и правительства — наши районные организации по-большевистски дерутся за превращение Москвы в образцовую столицу пролетарского государства.

В районе развернуто большое жилищное строительство. Только в одном 1932 г. на жилищное строительство и надстройки ассигнована сумма в 3 млн. рублей.

Мы перестроили старые рабочие казармы, фабрик им. П. Алексеева и «Пролетарский труд», превратив их в образцовые рабочие общежития.

Большая работа проделана по ремонту старого жилищного фонда, ремонту центрального отопления, водопровода, канализации. Мы имеем значительные достижения в улучшении коммунального хозяйства района, в улучшении его санитарного состояния, дорожного строительства.

Значительно расширено культурно-бытовое строительство. Новые ясли, детские сады, школы, клубы, амбулатории и т. д. обслуживают рабочих и трудящихся нашего района.

Этих успехов наша районная организация добилась на основе правильного и неуклонного проведения в жизнь генеральной линии нашей партии, в непримиримой борьбе с классовым врагом и его агентурой — оппортунистами всех мастей.

Эти успехи стали возможны благодаря тесной сплоченности нашей районной партийной организации вокруг ленинского ЦК и его вождя тов. Сталина, благодаря железному единству наших рядов, под непосредственным руководством нашего районного комитета и Московского комитета партии во главе с тов. Кагановичем, борящихся за по-

бедоносное окончание первой пятилетки и вступление во вторую пятилетку.

Однако, наряду с огромными достижениями, в нашей работе есть еще ряд серьезнейших недостатков.

Итоги выполнения промфинплана предприятиями нашего района за три квартала 1932 г. говорят о том, что ряд предприятий недовыполняет промфинплан, не умеет организовать большевистскую борьбу за качество выпускаемой продукции, за снижение себестоимости.

На ряде предприятий соцсоревнование проводится формально, налицо значительная текучесть рабочей силы, прогулы по неуважительным причинам.

Некоторые предприятия до сих пор не сумели развернуть подлинно большевистской борьбы за решительное увеличение производства предметов ширпотреба, за улучшение питания и снабжения рабочих, за создание собственной продовольственной базы.

Мы еще не сумели развернуть как следует колхозно-советскую торговлю.

Ряд ячеек нашего района не успел еще достаточно развернуть партийно-массовую работу и поставить на должную высоту дело марксистско-ленинского воспитания.

В нашей работе есть еще много трудностей. Но не нам, большевикам, пугаться этих трудностей. Наши трудности — это трудности роста, трудности продвижения вперед.

Преодоление их связано с преодолением сопротивления классового врага. «Наши трудности являются не трудностями мелких и случайных «неполадок», а трудностями классовой борьбы... За нашими трудностями скрываются наши классовые враги... Для преодоления трудностей необходимо, прежде всего, отбить атаки капиталистических элементов, подавить сопротивление и расчистить таким образом дорогу для быстрого продвижения вперед... Самый характер наших трудностей, являющихся трудностями роста, дает нам возможности, необходимые для подавления классовых врагов» (Сталин).

Следовательно преодоление этих трудностей не в отступлении, не в реставрации капитализма, как это предлагают перерожденцы-контрреволюционеры, ставшие врагами партии и рабочего класса, а в дальнейшем наступательном движении вперед по пути осуществления генеральной линии нашей партии.

Подходя к 15-й годовщине Октябрьской революции и оглядываясь на путь, пройденный нашей страной за эти годы, мы можем с гордостью сказать, что осуществляются слова тов. Сталина: «Мы должны двигаться вперед так, чтобы рабочий класс всего мира, глядя на нас мог сказать: «вот он мой передовой отряд, вот она, моя рабочая власть, вот оно мое отечество...» :

Совет союза социалистических республик действительно является ударной бригадой мировой революции. И бурные успехи нашего социалистического строительства становятся еще более разительными на фоне все углубляющегося кризиса, раздирающего капиталистический мир.

Наступил конец относительной стабилизации капитализма. Осуществились слова тов. Сталина, сказанные на XVI с'езде партии: «Из частичной стабилизации вырастает усиление кризиса капитализма. Нарастающий кризис развали-

вает стабилизацию — такова диалектика капитализма в настоящий момент».

В капиталистическом мире совершается «переход к новому туру крупных столкновений между классами и между государствами, к новому туру революций и войн» (из резол. XII пленума ИККИ).

Конец относительной стабилизации капитализма выражается в небывалом обострении противоречий между империалистическими хищниками, которые ищут выхода из кризиса в новой мировой бойне и в подготовке контрреволюционной войны против СССР. И «лишь твердая политика мира, проводимая СССР, страх буржуазии перед превращением империалистической войны в войну гражданскую, перед перспективой колониальных восстаний пока еще сдерживают вползание в войну и интервенцию» (из рез. XII пленума ИККИ).

Растет революционная активность широчайших масс рабочих и трудящихся капиталистического мира, многомиллионных масс угнетенных народов колониальных и полуколониальных стран, видящих в победоносном пути пролетарской революции в Советской республике, в борьбе за диктатуру пролетариата единственный путь выхода из кризиса.

Победоносное социалистическое строительство в Советском союзе становится все более и более могущественной силой, способствующей революционному под'ему в капиталистических странах. И наши успехи являются лучшей поддержкой для героического авангарда пролетариата, для братских компартий ведущих свою работу в неслыханно тяжелых условиях фашистского террора, под градом свирепых преследований, вдохновляют трудящиеся массы капиталистических и полуколониальных стран на борьбу за свержение капиталистического строя.

«Опираясь на опыт и уроки победоносной Октябрьской революции, на уроки героической гражданской войны и социалистического строительства, проникнувшись духом ленинизма и закалившись на опыте своей собственной революционной классовой борьбы, коммунистические партии в империалистических, колониальных и полуколониальных странах под руководством Коммунистического интернационала сплачивают свои силы для решительной борьбы против диктатуры буржуазии, за диктатуру пролетариата». (Из обращения XII пленума ИККИ к ВКП(б) и к трудящимся СССР).

Наш Союз приближается к вступлению во второе пятилетие, которое ставит перед нами задачу ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании людей.

Но мы идем вперед в условиях ожесточенной классовой борьбы.

«Мы заложили фундамент социализма, и к концу второй пятилетки не будем иметь классов, — указывал тов. Каганович на II городской и III областной Московской конференции ВКП(б).

Но смешно было бы думать, что процесс ликвидации капиталистических элементов и классов вообще пойдет гладко, самотеком и не вызовет обострения классовой борьбы на известных этапах. Наоборот, мы должны предвидеть неизбежность этого: процесс ликвидации капиталистических элементов и классов вообще будет сопровождаться сопротивлением уничтожаемых остатков капиталистических элементов и обострением классовой борьбы.

Ликвидация капиталистических элементов включает в себя неизбежность беспощадного подавления и в дальнейшем сопротивления классового врага, имеющего еще к тому же поддержку в капиталистическом мире, в окружении которого нам предстоит решать задачи второго пятилетия. Мы должны будем, следовательно, и в дальнейшем крепить пролетарскую диктатуру, советское государство как орудие ликвидации классов и построения бесклассового социалистического общества».

В этой борьбе мы должны еще больше сплотиться вокруг ленинского ЦК и нашего любимого вождя, руководителя и учителя тов. Сталина. Мы должны еще больше повысить свою классовую бдительность, пресекая в корне малейшую попытку затормозить наше победоносное социалистическое наступление по всему фронту.

Под лозунгом непримиримой борьбы с классовым врагом и его агентурой победила партия в Октябре. Под этим лозунгом партия одержала блестящие победы на фронтах гражданской войны и социалистического строительства.

Под этим же лозунгом должны мы итти вперед в борьбе за социализм.

И наша Октябрьская партийная организация, сплотив еще больше свои ряды вокруг ленинского ЦК и вождя мирового пролетариата тов. Сталина, под руководством РК и МК МГК ВКП(б) пойдет вперед по пути к окончательной победе социализма.

1

„Без генеральной репетиции революция 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна“.

(ЛЕНИН)

Петр Львов

НА БАРРИКАДАХ

Беспрерывно ухал грохот орудийной пальбы, сотрясал воздух, звеня, дребезжали оконные стекла. Каменная стена куталась пылью. То там, то здесь осыпался кирпич, появлялись новые пробоины. По Пименовской визжала картечь. Зловеще качались содранные вывески, водосточные трубы. С крыш, с карнизов сыпался снег. Угол Садовой-Каретной пересекала баррикада, разодранная чугунной метелью.

Нас тридцать два дружинника на крыше ресторана «Волна»[1]. Над головами жужжат свинцовые шмели. Рев пушечных глоток вызывает звон в ушах. Кажется, что лопается небо, рушатся дома. Лежа на холодном железе, мы стреляем молча, в одну цель. Над нами летают дымящиеся патроны, выбрасываемые автоматическими затворами маузеров.

Рабочий Рожков на животе подполз к слуховому окну и крикнул простуженным голосом:

— Раненый есть!

В полосе света, падавшего на чердак, показалась девушка с ларчиком-аптечкою. Раненый товарищ Фокин, корчась и оставляя на снегу пятна крови, провалился на чердак...

Там, где ураганном реве взлетали осколки разрушенной баррикады, из ворот казарм жандармы силились выкатить третью пушку. Движением руки я подозвал Клюева.

[1] Угол Садово-Каретной и Пименовской улиц.

— Митя, мы в опасности.

— Вижу, — хрипло пробурчал рабочий-кожевник.

— Возьми пяток боевиков и проберись туда... Мы должны сейчас же привести в негодность пушки.

— Как?

Я пристально смотрю в глаза товарища. В них вспыхивает огонек дикого безумия. Клюев напряженно думает, а затем спрашивает:

— Бомбами?

— Да. Придется пробираться через заборы, дворы...

Четыре дружинника один за другим спустились на чердак вслед за Клюевым.

Дом вздрогнул, загудел, и заколебавшаяся крыша, казалось, сорвалась, и вот-вот сейчас опрокинет нас неведомо куда. Затворы безостановочно выбрасывают пустые патроны. Я вижу, как столяр Козлов зашатался и упал на углу Каретного. Клюев и «казак» поволокли его к дому Серебреникова. У ворот остановились, положив Козлова на мостовую. Оба наклонялись несколько раз к лицу и наконец быстро ушли.

Бросив последний взгляд на неподвижный труп, я приложился щекою к ложу ружья, все внимание сосредоточив на курке и мушке. Во мне не было жалости ни к товарищам, ни к себе. Думы, чувства — все было устремлено к врагу? На баррикады нас привела ненависть. Мы дрались, чтобы победить, презирая смерть и страдания.

На чердаке раздался тревожный крик:

— Товарищ! Внизу загорелось!..

Курки перестали выбивать искры огня. Задыхаясь в дымном смраде, мы спускались во второй этаж. Внизу — шум. Жильцы, ресторанная прислуга тушили пожар...

У Петровских ворот, где грохотали стальные глотки орудий, взметнулся сотрясающий взрыв. Звякая из окон посыпались стекла. Пушки замолчали. В пролеты зловещей тишины только врезались ружейные залпы.

Когда мы столпились за углом, второй оглушительный взрыв сорвал фонарь и опрокинули будки. Мы торжествовали, радовались, что наши боевики выполнили задачу. Теперь — пойдем в наступление. Неудержимая радость толкала нас в бой. К победе или к смерти. Каждый думал только о победе.

Пробираясь через проволочные заграждения, ко мне приблизился Никита Деев. Понурив взгляд, он передал мне сводку:

— Дела неважные...

И крепко выругался.

Прочитав телеграмму об аресте Петербугского совета рабочих депутатов, я пришел в бешенство.

— Мы хотим взорвать мосты, — пробасил Деев.

— Ничего не поможет. Николаевская дорога, очевидно, уже в руках правительственных войск.

— Что же делать?

— В штабе был?

— Иду оттуда.

— Ну?..

— Решили драться.

Мы цепью поползли к разрушенной баррикаде. Рикошетом отскакивая от стального щита, пули визжали по всем направлениям. Кандыба вдруг свернулся на бок, выронив из рук маузер. Мы ползли дальше, оставив товарища с окровавленной головой...

* * *

Тихо... Жутко...

В ночной мгле зашуршала проволока. От костра мы мигом рассыпались в разные стороны. Чу! Из секрета раздался окрик:

— Кто идет?

— Свои! — отозвался уверенный голос.

— Пароль?

— Марс.

Снова по тишине пополз шорох проволоки. От Триумфальных послышался говор. Приближаются ровные шаги...

На пятно света дружинники привели рослого человека в папахе и черном полушубке. Густые усы, казалось, опустились от тяжести. Незнакомец остановил на мне тревожный взгляд.

— Обыскать! — сказал я Клюеву.

Когда распахнули шубу, заблестели пуговицы полицейского мундира.

— Как сюда попал? — спросил я.

— Хлеба шел искать, — пролепетал полицейский. — Дети с голода помирают...

— Ночью хлеба не найдешь.

— Думал, проберусь к знакомым...

— Та-ак... А ну-кось, расскажи, где полиция собрана?

— Не знаю, вот те Христос...

— Говори!

Я вынул из кобуры револьвер.

— Ну-ну?! Последний раз предупреждаю!

Полицейский упал на колени и завыл:

— Пощадите! Детей махоньких имею...

Царапая морозный воздух скорюченными пальцами, полицейский прерывисто, с дрожью в голосе, рассказал, где была помещена засада.

Когда отряд утонул в темноте, я отправился в Волхонский переулок.

Темно. Ни звука. Москва недвижима, мертва, но в притаившейся тишине, казалось, что враг подстерегает за каждым углом. Каждый шаг, каждое движение сопровождались напряженной настороженностью. Шорох ветра — и тот заставлял спускать предохранитель. Ухнул выстрел — и опять тихо, пустынно. Я почему-то подумал о полицейском. Мне показалось, что он обманул и убежал от дружинников, скрывшись в лабиринте Миусской площади. Стало неловко, стыдно, что доверился ему. Думалось, что мы, рабочие, должны надеяться только на себя...

У семинарии кто-то свистнул.

На цыпочках, прижимаясь к стене, я стал спускаться к Самотеке.

* * *

Надя бодрствовала. Павел Плохов, литератор, коренастый молодой парень, печатал на гектографе прокламации. Я

исал воззвания к солдатам, бросая рев-
ивые взгляды на товарища. Мы оба лю-
били Надю, любили украдкою, скрывая
от нее и друг от друга. Сегодня девуш-
ка помогала Павлу. Я злился. И это бы-
ло хорошо: приподнимало настроение,
не чувствовалось усталости.

— Готово? — спросила Надя, подой-
дя ко мне.

— Кончено!

Я обрадовался. И влекущая улыбка и ласкающий взгляд — все, казалось, вливало в меня счастье и бодрость. Девушка взяла из моих рук оригинал и прочитала вслух. Плохов авторитетно заметил:

— У Петра прокламации выходят хлестко.

Когда перед окнами упала на лицо ночи белизна рассвета, я обессилел и задремал, но в мыслях пламенели слова:

«Солдаты ростовцы!..»

Проснулся от толчка. Перед мною стояла мать. Я растерянно осмотрел комнату. Надя спала на кровати, Плохов храпел на столе. На табуретке — ворох прокламаций. Гектограф валялся на полу.

— Петенька, я пришла проведать тебя, — проговорила мать, приглаживая мои всклокоченные кудри.

Я взглянул на стрелки. До боя — один лишь час. До девяти обе стороны не стреляли, пропуская обывателей за продуктами. Мать пробралась с Пресни. Так приходила она каждое утро узнать, жив ли я.

Чтобы мать во-время добралась до дома, я старался скорее выпроводить ее. Она долго целовала меня и ушла растревоженная, сдерживая рыданья.

Затянув ремнем теплую тужурку, я толкнул товарища в бок.

— Ты опять идешь? — вскочив, спросил Плохов.

— Да. Эти прокламации немедленно отправь в казармы!

— Ладно! — Павел вытер губы — Ну, прощай!

Мы поцеловались.

Взглянув на спящую Надю, я взял оружие, патроны — и за дверь.

* * *

Надеясь, что на Николаевской дороге взорвут мосты, мы несколько дней вели ожесточенные атаки на жандармские казармы и полицейские участки. Все дружинники, сражавшиеся в разных районах Москвы, верили в победу, верили, что колеблющийся Ростовский полк примкнет к нам. Нещадно бросались силы на новые бои. Пресненцы на-голову разбили казаков, миусовцы осаждали Бутырскую тюрьму, фармацевты обезоружили отряд жандармов. На многих окраинах рабочие взяли власть в свои руки.

Это было вчера.

Сегодня с утра доносился с Каланчевки гул тяжелых орудий. У вокзалов рязанцы сражались с Семеновским полком, прибывшим в Москву на подавление восстания. Канонада приближалась к Садовой, и это приближение орудийного грохота говорило нам, что каланчевские дружинники разбиты, отступают. К полудню мы получили весть о новом поражении: Ростовский полк, добившись выдачи мыла, позорно, предательски сдал оружие. Мы поняли, что будем разбиты, но никто из нас не согласился оставить баррикады без боя.

Наш отряд был переброшен в Подвески; чтобы овладеть Сущевской частью и освободить арестованных товарищей.

Перебегая рассыпной цепью, мы ложились за тумбы, стреляли и опять двигались вперед. Полицейские отступали вглубь, за сараи. В нише ворот девушка с ларчиком делала перевязку раненому Грише-пекарю.

За углом снова формировалась дружина булочников. Там и здесь ползли раненые. От жандармских казарм продвигалась орудийная пальба. Пименовскую бороздила картечь. Мы ползли, стреляли. Мы задались целью овладеть Сущевской частью и не останавливались. Над нами беспрерывно жужжали пули.

Запихнув в карманы бомбы, Клюев и Рожков перевалились через забор.

Грохот отбросил девушку с ларчиком к подвалу. Там, где стояли пожарные бочки, остались лишь одни щепки.

Иванцо бросил петарду. Треск... Взвился столб огня — и все затянуло смрадом. С криком «ура» мы завладели площадкой.

Когда разбитая дружина булочников опять вступила в бой, перебегая на наши позиции, девушка с ларчиком кинулась к раненому, барахтавшемуся посреди мостовой. Из форточки окна угольного дома с облезлой штукатуркой высунулась рука с наганом. Резкий одинокий

треск утонул в волнах залпов. Из рук девушки выпал ларчик. Схватившись за грудь, она медленно гнулась к земле, словно сдунутая ветром.

Иванцо волчьими прыжками очутился возле убитой. Поднял, поцеловал и снова опустил на мостовую.

Я с ожесточением задергал проволоку звонка. Из сторожки высунулась лохматая голова с рыжей бородой.

— Ты — дворник? — спросил я, кладя палец на курок.

— Чаго тебе надобно?

— Кто стрелял?

— Почем я знаю!

— Кто в крайней квартире живет?

— Люди... Кто же еще?

Я навел дуло.

— Живо об'яви жильцам, если не выдадут, станем кидать в окна бомбы!

С разодранной штаниной и в распоясанной рубахе, дворник зашлепал босыми ногами к крыльцу.

— Ваше благородие, требуют, — донесся из сеней его сиплый голос.

— Скажи — не нашлось.

— Бомбами грозят... Велено сказать жильцам, ежели что, весь дом подымут на воздух.

Захлопали двери. Послышался усиливающийся говор. Кто-то надрывисто закричал:

— Мы-то за что станем страдать!

К стеклам окон прилипали встревоженные лица. Беготня, брань, вопли — все сгрудилось в сенях. Голоса вырывались на улицу:

— Тащи его силком!

— Не погибать же нам понапрасну!

— Убил — и отвечай сам!

Выбежав из подворотни, дворник замахал руками:

— Сейчас подадим в исправности!

Сверху свалился топот множества ног. Жильцы выволокли полицейского чиновника. Лысоголовый суб'ект в крахмальной рубашке и с расстегнутым жилетом, толкая полицейского в спину, говорил с соболезнованием, прерывисто:

— И жалко тебя, а ничего не поделаешь. Жить каждому хочется...

Молодой человек, поправляя свалившееся пенснэ, шел сбоку и деликатно давал полицейскому напутственные наставления:

— Будьте мужественны. Знайте: вы — дворянин. Так сказать, честь — прежде всего...

Краснолицый парень, толстая женщина, черноусый мужчина в поддевке, старик в лисьей шубе тащили полицейского за руки. Женщина горланила пискливо:

— Раз не жалел других, не бойся и сам! Иди с богом! Нечего нас подводить...

Силясь задержаться, полицейский упирался ногами. Дворник, поддергивая штаны, сказал нерешительно:

— Поскорее, ваше благородие... Ноги озябли.

Я взвел пистолет. Жильцы шарахнулись в сторону. Женщина перекрестилась, пятясь к стене:

— Господь ему судья...

Здоровенный, рослый Иванцо загородил полицейского спиною.

— Только я имею право на него!

Иванцо схватил полицейского за шиворот и потащил на Долгоруковскую. Вслед за ним зашагали два дружинника.

Мы снова вплелись в цепи бойцов. Жандармы заняли соседний переулок, грозя нас отрезать. Городовые продвинулись к воротам. С каланчи градом посыпались пули. Мы начали отступать на Долгоруковскую.

За углом, у булочной мы стали совещаться: что делать? Решили пробираться на Пресню, к центральным силам. В Оружейном переулке наткнулись на обстрел полицейских. Жандармы успели завладеть и Страстной площадью.

Когда мы переходили Тверскую, Грише-пекарю осколок картечи свернул челюсть. Девушки с ларчиком нет. Пекарь, уткнув подбородок в шапку, отстал.

На Живодерке мы засели в доме Егорова. Передовой отряд семеновцев уже приближался к Триумфальным. Завязалась перестрелка. Семеновцы направили артиллерийский огонь на аптеку Рубановского. Посыпались кирпичи, взлетела сорванная вывеска. Из крыльца выбежал обезумевший ремесленник. Махая руками, он закричал в пространство неведомо кому:

— Убийцы! Зачем стреляете в мирных жителей?!

И когда ремесленник вышел на Садовую, его с раздробленной головой отбросило к палисаднику.

* * *

На Кудринской — разрушенные баррикады, трупы убитых. С колокольни

Покрова строчили пулеметы. Укрепившись за заводом Биге, семеновцы вели наступление на фабрику Шмидта. Дружинники защищали Горбатый мост.

У ресторана, где разместился штаб, ржала кучка пьяных офицеров, смотревших, как солдаты догола раздели студента.

— Ну, ученый, сказывай, ты супротив царя? — спрашивал ухмылявшийся унтер, закручивая рыжий ус.

Студент молчал, дрожа костлявым телом.

— Беги, а то замерзнешь! — крикнул молоденький поручик.

Студент, скорчившись и закрыв ладонями переднюю часть, тронулся неуверенным шагом к Медынке, где помещалось общежитие университета. Унтер взял у солдата ружье... Студент упал на сугроб, перевернулся и застыл, скрючив ноги.

— Глаз верный у тебя, — равнодушно заметил солдат, гревший у костра руки.

— Бью метко! — с бахвальством отозвался унтер.

Из ресторана вышел Мин с раскрасневшимся лицом.

— Что вы тут делаете, господа офицеры? — спросил командир.

— Смотрим, господин полковник, как забавляются солдаты, — отрапортовал седоусый капитан.

Мы застряли недалеко, в лабиринтах Медынки. Нервный, торопливый молодой башмачник Володя Рыбаков настоятельно требует открыть стрельбу по семеновцам. Я и Клюев возражаем: там, где мы скрывались, сплошная деревянная стройка, заселенная рабочими. Семеновцы в один миг могли все разрушить, сжечь.

Перед нами неразрешимый вопрос: как пробраться на Пресню? Володя посоветовал проникнуть в Волков переулок через Георгиевскую площадь. Его предложение оказалось самым подходящим. Стали ждать вечера, чтобы переползти незамеченными.

Когда хмурые сумерки разбросали тени, хмельные офицеры придумали для солдат новую забаву. Обложив двухэтажный деревянный дом горючими материалами, подожгли, со всех сторон. Обезумевшие жильцы прыгали из окон и, добежав до средины двора, падали подкошенные пулеметными пулями. Женщина, выбежав на улицу, увидала смеющихся офицеров и опять кинулась в огонь. Крики, вопли, стоны — все утонуло в пожарище.

Солдаты смотрели. На их тупых лицах отражалось багровое зарево.

Никишка-слесарь не выдержал, пополз к развалинам разрушенного кирпичного дома... Чу! Сухо треснул выстрел маузера. Офицер повалился на ступеньки крыльца. Солдаты кинулись к развалинам, вскинув винтовки наперевес...

Мы поползли, прикрытые темнотою ночи. Над Преснею зловеще висело зарево.

Я вспомнил мать, отца, сестренок. Они там, где огонь перекидывался с дома на дом, где снова все попало под власть произвола, насилия. Жив ли теперь мой брат Иван, шестнадцатилетний дружинник?..

* * *

Одиночка Таганской тюрьмы. Из-за косяка я смотрю сквозь железные квадраты решотки, поджидая мать. Я изучил посетителей, знаю, кто к кому пришел. Каждый раз в «день свиданий» меня с утра порабощает окно. Каждую минуту рискую, что часовой, воспользовавшись моей оплошностью, заработает три рубля, если не промахнется, убьет наповал. Оба следим друг за другом: солдат выжидает момент, держа наготове ружье, я выглядываю из-за простенка, стараясь оставаться незаметным.

Сегодня морозно. Часовой притаптывает ногами, закинув винтовку за плечо. Я хорошо вижу каждого посетителя. Жду с нетерпением, когда появится мать. Напряженно смотрю на угол переулка, из которого она всегда выходит. Думаю, имеются ли какие вести от брата Ивана, высланного из Москвы... Я скрываю от матери, что предан военному суду и что мне предстоит смертная казнь. На свиданьях всегда говорю ей, что против меня нет никаких улик, скоро освободят. Сегодня она непременно спросит, когда я выйду на волю. Опять буду обманывать. А дальше?.. Я с ужасом представляю эшафот, где болтается мое тело... Что будет с матерью, когда она узнает, что я казнен? Как быть?.. Решаю подготовить е заблаговременно.

Сверху спустился по стене четкий стук. Прислушиваюсь к раздельным буквам: меня вызывает товарищ. Спрыгнув

с табуретки и взяв медную кружку, я принялся выбивать ответ:

— Коля... Я слушаю...

— Петя, я получил от сестры письмо. Пишет — мать стала заговариваться.

— Отчего.

— Кто-то сказал ей, что меня казнят.

Я окаменел, я перестал отвечать на настойчивый зов товарища. В мыслях виселица, мать... Вдруг сорвавшись с места, я, как зверь, забегал по одиночке. Думы рвались из каменного сундука на волю. Хотелось быть не там, где мать, родные, а там, где опасность, борьба. Сейчас я не чувствовал себя побежденным, — я знал, что многие товарищи остались на воле, я рвался к ним, я верил в победу.

Опять стена заговорила:

— Сейчас получена весть о том, что царь дарует по серебряной медали всем николаевцам за преданность и спасение трона.

Я пришел в ярость. Многие рабочие Николаевской дороги дрались на баррикадах и теперь сидят в тюрьме. Но награда бросает и на них позорную тень.

Вспомнив о свиданьи, я кинулся к окну. Мать стояла у ворот с тревожно устремленным взглядом на тюрьму. Когда увидала меня, она счастливо заулыбалась, замахала платком. Мать обрадовалась, что со мною ничего не случилось. Как я скажу ей правду?.. Что будет с ней?..

А впрочем, дело не во мне и даже не в ней, в матери.

Пусть погибну я, Коля, другие товарищи. Пусть временно восторжествует реакция... Я знаю: впереди новые, решительные бои — и победы. Эх, скорее бы! Ведь нас много! Мы — сила!..

М. Рамзин

Памятные дни

Берзин Петр Мартынович стоит среди станков инструментального цеха Тормозного завода. Познакомившись, я приступаю к делу с места в карьер. Он, крепко сложенный, с крупными чертами лица, чуть сгорбленный, стоит и слушает. Лицо его спокойно. Глаза смотрят прямо и открыто. Свет, пробивая грязноватое, запыленное окно, ложится на пол, лезет по засаленной рабочей куртке и, добираясь до серебристых волос, играет в непричесанных прядях.

Стараюсь возможно полнее об'яснить ему свою задачу. Мне кажется, что я говорю неубедительно, и боюсь кончить. Боюсь, что, когда я закрою рот, он мягко и осторожно положит мне свою тяжелую руку на плечо и скажет:

— Не могу, товарищ. Занят.

Но он говорит другое. Он из моей длинной и, видимо, путаной речи понял только главное: что к пятнадцатилетию Октябрьской революции выпускается сборник и его просят рассказать свои воспоминания.

— Давно ведь, товарищ, — говорит он, как видно, уступая просьбе, — трудно сразу вспомнить.

Я знаю, что смена кончается в четыре. Смотрю на часы. Минутная стрелка повисла на «без четверти».

И Петр Мартынович, строго следуя этому точному порядку, говорит:

— Приходите через пятнадцать минут в калильную.

Я иду по заводу. Вот почти четырехугольный цех СП. Токарные станки в нем набиты, словно на складе. Трансмиссий нет. Электрические моторы жужжат, как сотня аэропланов. Десятки резцов визжат оглушительно. Кажется, закричи я во все горло — не услышу собственного голоса. Но я вижу, как заведующий цехом, т. Никифоров, тоже старый партизан, мелькает то у одного станка, то у другого и разговаривает с рабочими точно в тихой и спокойной комнате.

Интересна история завода.

В 1914 году, когда русская царская миллионная армия в кровавой капиталистической войне сдавала город за городом германскому империализму, из Риги эвакуировали этот завод. Одна часть станков попала в Харьков, другая — в Москву. И вот эта половинка осела на Лесной. Так же как и на других заводах, станки лихорадочно работали на войну. Они выкачивали смерть не в одиночку, а пачками: они шлифовали тридцатидвухсекундные дистанционные трубки для трехдюймовых орудий.

Потом, когда завод пережил революцию, выбросил на защиту диктатуры пролетариата сотни преданных борцов, когда пережил разруху, гражданскую войну, — он начал расти. С боков его

сжимали каменные стены домов и преграждала путь территория трамвайного парка, а под носом пересекла дорогу улица. И завод полез вверх. Он построил широкие светлые цехи, опутался сетью электропроводов. Шумящий и громыхающий двигатель с паутиной ремней и передач заменило незаметное, по невидимым жилам льющееся электричество. Завод стал больше в несколько раз. И на воротах посеребренными буквами засверкало название: «Государственный тормозной завод ВОВАТ».

То же — и в Харькове. Несколько десятков станков в руках рабочих в советской атмосфере дали хорошие побеги. Там тоже небольшая мастерская превратилась в крупный завод.

Я возвращаюсь в инструментальную. До смены еще пять минут. Петр Мартынович ведет меня в узенькую комнату, в которой стоят маленький столик и два стула, и просит подождать: работа еще не окончена.

Я сижу у окна и смотрю на чисто прибранный дворик.

Наконец приходит Петр Мартынович, моет руки и садится рядом, облокачивается на стол, ворошит волосы, словно перебирая пальцами свои мысли, и рассказывает.

* * *

Он начинает рассказывать про тяжелую, обидную жизнь. Про произвол мастеров, их неограниченную власть. У него в памяти проходят дикие картины насилий, надругательства над женщинами, которых мастера принуждали к сожительству, и безжалостных расправ с непокорными, которых просто выгоняли на улицу.

Наконец — 1915 год. Перед рождеством голодные рабочие не выдерживают невыносимых условий и об'являют забастовку. Но на сцену вылезли меньшевики, полились тихо журчащие ручьи уговоров; хорошо оплаченная кучка рабочих составляла опору администрации. «Рождество» и голод сделали свое дело. Забастовка сорвалась.

Не принесла и Февральская революция рабочим лучшей доли. Война шла, дороговизна росла, жизнь становилась все хуже.

В то время завод был военным. Нажимали на рабочих сильно. Все было пущено в ход, чтобы держать рабочих на цепи обманов и угроз. Меньшевики верховодили. Вождем у них был слесарь Ларионов. Он же — председатель завкома. Для администрации меньшевики были лучшими помощниками. Директор Ломов был левым эсером, однако пел с меньшевиками в одну дудку. Ну, ясно, меньшевики работали, как хотели. Заседали в кабинете директора наверху. А большевистский комитет собирался подальше от глаз ищеек, в подвале. Там обсуждали все вопросы, там готовились к схватке.

Большевиков было мало, человек сто, но силу они имели большую.

Большевиков, конечно, знали на заводе, но работали большевики все же нелегально.

Меньшевики видели, что рабочие жадно глотают большевистские слова, и стремились всячески ограничить массовую работу. Незадолго до Октября меньшевистский завком вынес постановление, запрещавшее всякие собрания и групповые обсуждения без ведома и предварительной санкции завкома. Наверно, скопировали под горячую руку какое-нибудь постановление полицейского управления.

Петр Мартынович дальше рассказывает о борьбе с меньшевиками. Он говорит медленно, стараясь вспомнить все события по порядку, так я почти успеваю все записывать.

...Я хорошо говорить не мог, — продолжает Берзин, — и большей частью вел индивидуальные беседы с товарищами, беспартийными рабочими, и тяготел к активным действиям, был дружинником. Я не мог давать глубоких политических оценок тогдашним событиям, но по-своему хорошо понимал, в чем гвоздь. Да рабочие и без того сами знали, куда ведет Временное правительство. Многие совершенно не верили меньшевикам, многие осторожно слушали и молчали. Трехтысячная масса рабочих бродила, как в квашне. С виду все было будто спокойно, волны заводской жизни катились, плескались. Но глубже — рокотало, бурлило, вздрагивало...

К нам на завод часто приезжал т. Ярославский. Почти ежедневно бывала на заводе секретарь Сущевско-Марьинского района, т. Людвенская.

Помнится один из таких митингов перед самым Октябрем, во время Демократического совещания.

Теплая, ясная сентябрьская погода. Утром все рабочие высыпали на двор и заполнили его весь, точно в эту яму вывалились тысячи людей из громадного ведра, и эта живая масса расплылась, закопошилась, заговорила, зашумела...

Тут же были наши вожди. Спокойный и уверенный Щукин. Каждому, кто смотрел на него, казалось, что вопросы им давно решены и продуманы, и то что он делает и что просит или предлагает сделать, — обязательно будет сделано. Аболь — горячий и взволнованный. Он перескакивает, как угорь с руки на руку, появляется то у одной группы рабочих, то у другой — и везде зажигает, раздувает огонь классовой борьбы. Бросает жгучие искры слов в сухие кучи готовых костров революции. Прохоров, Батышев. Все они — крепкая опора партии. Организаторы.

Прибежал Ларионов. Он грозно потребовал ответа:

— Кто созвал собрание без разрешения завкома?

И потребовал разойтись.

Он петушился, кричал, угрожал. Разумеется, рабочие подняли его на смех и ближе придвинулись к трибуне. Ему пришлось уступить и замолчать.

На митинге страсти разгорелись. Большевики твердо и смело разоблачали гнилую политику меньшевиков контрреволюционность Временного правительства, предостерегали рабочих, что Демократическое совещание созвано с целью обмана: в нем преобладают представители эксплоататорских классов, подготовляется переход власти к реакционным элементам.

Меньшевики всячески вертелись, как ужи на палке. Пустые свои речи наряжали в пышные революционные слова. Обещания лились рекой. На огромном полотне голубого неба они рисовали молочные реки и кисельные берега. Они видели в Демократическом совещании спасение революции. Это сборище офицеров, попов и дворян было, по их убеждению, высшей справедливостью, звездой демократической революции. Меньшевики говорили рабочим:

— Ждите! Прекрасное впереди. А пока нужно напряжение, нужны жертвы.

Они призывали приветствовать Демократическое совещание. Но рабочие ждать не хотели. Слишком выпирало из вкладчивых, бархатных меньшевистских речей острие юнкерского штыка.

После выступления т. Ярославского все рабочие с пением «Интернационала» ушли с завода. Об'явлена была в знак протеста однодневная забастовка. Остались только меньшевики, эсеры и их подлизалы.

Помнится еще одно собрание, на котором голосовали по поводу лозунга: «Долой десять министров-капиталистов!»

За предложение большевиков, отходили в одну сторону, за меньшевиков — в другую. Сначала неуверенно, потом решительнее и смелее, громадная толпа стала растекаться в разные стороны, словно лопнула и раскололась на две половинки. На стороне большевиков заметно быстрее прибавлялось рабочих. Большевистская сторона всасывала в себя, как насос, сотни людей.

Меньшевики выходили из себя. Дело дошло до того, что они хватали некоторых рабочих и силой тащили на свою сторону. Рабочие упирались или, чаще всего, решительно вырывались и твердо шагали к нам. Большевики победили: большинство рабочих стало на нашу сторону.

Боролись против нас меньшевики, пользуясь всеми средствами. Не говоря уже о разных гнусных измышлениях и враках, они использовывали и кулаки мещанских реакционных и деклассированных элементов, а вместе с ними и свои собственные — против ораторов-большевиков.

Как-то раз мы пошли с одним товарищем из райкома на Страстную площадь. Там собиралось много публики, и шли беспрерывные дебаты. Преобладали на этот раз антирабочие элементы. Мой товарищ, смелый и решительный парень в солдатской шинели, выступил. Он говорил о советах, о продажности меньшевиков, о Временном правительстве. Меньшевики подняли вой, сами бросились на нас и натравили публику. Ну, понятно, моего товарища порядком поколотили, попало и мне на орехи.

По заводу шли нескончаемые споры, в них втягивались и широкие массы рабочих. К оценке Временного правитель-

Фото А. Шайхета

Тов. Берзин

ства они подходили просто и ясно. Рабочие говорили:

— Временное правительство — одна буржуазия. Там рабочих нет.

А отсюда делали вывод:

— Нужна своя власть.

Особенно припоминается мне ярый меньшевик Янович. Он спорил зло, с остервенением. Но никакая ярость не могла гнилую ложь и подлую душу меньшевиков превратить в правду. Рабочие шли за нами.

* * *

15 октября нас, дружинников, вызвали в райком. Тогда он находился на 1-й Брестской. «Ну, — думаем — значит готовимся к решительным боям». Я, старый дружинник, участвовавший в генеральной репетиции — 1905 год — в Риге, прокопченный порохом на баррикадах, — казалось, спокойно воспринимал горячее дыхание близкого боя. Но сердце рвалось из груди. Весь я наполнился силой своего класса. Эта сила лилась через край, плескалась и рвалась к действию. Нас от завода пришло человек десять, но мы знали, что за каждым из нас идут сотни и тысячи.

Выдали нам ружья. Кому японские, кому берданки; иным попались такие, систему которых мы не могли определить, так как солдат в нашей группе не было. Получили по четыре патрона. Однако никто не считал, что это очень мало. Была уверенность. Нам казалось — не количеством патронов мы решаем дело, а своей силой. Ружья к тому же были плохие. С берданками мы не умели обращаться.

Помню случай.

Один из дружинников зарядил берданку и не поставил на предохранитель, потом нечаянно задел за спуск. Раздался выстрел. Пуля рядом с моей головой пробила стену.

Первое время после дневных занятий ружья оставались в райкоме, но дня через три раздали на дом: в райкоме хранить стало опасно. Дружинники были разбиты на десятки и расставлены на дежурство по всему району. Я, помню, дня за три до восстания дежурил вместе с девятью товарищами на Селезневке, близ районной думы, в скрытом месте.

Наконец 24 октября в три часа дня, после обеда, райком дал нашей группе распоряжение — занять помещение под ревком. Дали машину. Мы вчетвером поехали на Нижнюю Масловку за оружием. Там уже работал ревком. Однако у них тоже были одни берданки, и в очень незначительном количестве. Вернулись. Собрали свой десяток и поехали на Александровскую улицу, к бывшему театру «Олимпия». В этот вечер юнкера в театре что-то организовали. За кассой сидел старичок и приготовлял к продаже билеты. Арестовали старика и одну женщину, быстро заняли помещение, поставили караул. И сразу все вымерло на улице.

Тихий, притаившийся вечер. Казалось, не ветки на деревьях тихонько шелестят, а вся улица от страха с'ежилась и дрожит.

Вдруг часов в десять на улице затрещал мотор. Показался грузовик с юнкерами. Их было человек двадцать. Юнкера поспешно, словно стараясь отделаться, дали несколько выстрелов по окнам театра и поспешили повернуть назад оглобли. Нам даже не удалось ответить. Да и было незачем тратить патроны.

Но тут нельзя не отметить один интересный эпизод.

Как известно, в те дни, в вихре боев в наши ряды часто проникали случайные элементы, ищущие острых ощущений. Но первый выстрел врага обыкновенно всегда их отбрасы-

вал из железных рядов пролетариата, как щепку шумящий и грозный поток выбрасывает на берег вместе с пеной. Так и у нас случилось. Наш начальник десятка, некий Герш, оказался самым последним трусом. Как только с грузовика юнкеров раздался первый выстрел и зазвенело стекло, Герш испуганно кинулся на двор. Потом через несколько месяцев он оказался самым от'явленным бандитом и не ушел от зоркого глаза МЧК.

Мы остались на своих местах. Но нас было мало. Позвонили в конвойную команду Бутырской тюрьмы. Нам обещали прислать помощь.

Пока сидели и ждали, минуты текли, как расплавленный чугун, в комнатах то-и-дело раздавались выстрелы. Это дружинники, не умевшие как-следует обращаться с берданками, ковыряли стену. Хорошо, что эта оригинальная «учеба» обошлась без жертв.

Из команды к нам приехало несколько солдат. Вскоре пришло подкрепление из дома Курникова. Организовали ревком. Разбились на десятки. Конвойники сразу внесли порядок. Забаррикадировали окна, лестницу, расставили правильно дружинников, легко и понятно об'яснили правила обращения с винтовкой. Внутренняя стрельба прекратилась. Так просидели до утра.

Утром весть о восстании облетела всех рабочих заводов, и к нам пришло около ста пятидесяти человек мужчин и очень много женщин. Желающих драться, конечно, было еще больше, но не было винтовок. Из женщин организовали разведку, санитарные группы. Нужно было оружие. Казалось бы, где взять винтовок на такую уйму народа? Но революционный порыв не знает преград. Скоро винтовки были для всех: привезли из манежа и от Семеновской заставы.

В этот день мы овладели всей улицей. В дальних концах улице пререзали горло окопам, похожим на глубокотую канаву. Почему-то на нашем участке было тихо. Мы слышали, что в центре и ближе к центру идет в разных местах сильная перестрелка.

Однако наступила вторая ночь — ночь под 26 октября. И снова появились юнкера, на этот раз на броневом автомобиле. Дальше канавы они поехать не могли. В бессильной злобе они опять беспорядочно стреляли. На этот раз и мы не остались в долгу. Винтовки уже беспрекословно повиновались дружинникам и уверенно плевали в харю юнкерам горячий свинец. Броневик отступил.

В эту ночь наши десятки ходили по участку и вылавливали спрятавшихся офицеров. Всю ночь беспорядочные выстрелы вносили опустошение в ряды дружинников. Стреляли конечно и по цели из-за угла и с крыш. У Никитских ворот ранили нашего десятника Гутмана. Пуля зацепила ухо. К утру мы встретились у Екатерининского парка с разведкой юнкеров. Сейчас же началась перестрелка. Скоро юнкера поползли назад.

* * *

Прошли октябрьские дни. Первый районный совет в большинстве был из наших. Меньшевики с виду замолчали, но на самом деле вели напряженную работу против большевиков. Дней через семь рабочие вернулись к станкам, и завод снова пошел радостный, освобожденный из-под цепей, он задышал иной, новой, свободной жизнью. Но мы понимали, что борьба далеко не окончена, и продолжали военную учебу. Я заведывал оружием. У нас на заводе было уже около двухсот хороших винтовок и два пулемета. Наш отряд существовал до организации Красной армии.

* * *

Петр Мартынович рассказывал об октябрьских событиях спокойно и тихо. Наскоро сделал он десяток крупных шагов по главным ступенькам прошлого. После воспоминаний об октябрьских боях в его памяти встали полные напряженной работы дни гражданской войны. До девятнадцатого года т. Берзин работал сначала в райчека, затем — в МЧК и уполномоченным в рязанской губчека. Хладнокровно и твердо искоренял саботаж и контрреволюцию. Затем в 1919 году он едет на фронт. Дерзкая вылазка генерала Мамонтова взбудоражила сердца. Тысячи коммунистов бросились наперерез врагу.

Петр Мартынович передает один интересный случай.

Тогда он находился в бронепоезде Чуркина. Выехали на линию. Вдруг видят защищенную платформу. Только что приготовились стрелять — на платформе

взвился красный флаг. «Наши! — радостно подумали. Вот сорванцы, едут к чертям в пекло на телеге». Паровоз с платформой и красным флагом, отъехав значительно вперед, вдруг дал ход и, зафыркав, скрылся за поворотом. Тут только поняли, что обмануты самым наглым образом, и ругали себя за доверчивость.

Подъезжали к разъезду, разбитому и изгрызанному снарядами. Подвигались осторожно, ожидая, что вот-вот из засады польется свинцовый дождь, взвизгнет дискантом снаряд и, как слепень, вопьется в бронированный бок вагона. Вдруг крик:

— Впереди паровоз!

По ту сторону полустанка увидели паровоз с простыми вагонами, идущий полным ходом.

— Что такое? Почему? Что за поезд?— Ничего решительно не могли придумать. Однако паровоз уже у семафора и хода не сбавляет. Свистка нет, жарит словно курьерский. Видят — дело необыкновенное. Чтобы не столкнуться, поднажали к выходной стрелке. Быстро перевели, и через несколько секунд паровоз с четырьмя вагонами пролетел мимо. Теперь только поняли, что белые пустили навстречу поезд без людей, чтобы устроить катастрофу. Одним взмахом хотели столкнуть большевистский бронепоезд под откос. Потом нашли этот необыкновенный поезд в нескольких километрах от раз'езда. Он остановился на под'еме, обесилевший и затихший. В вагонах оказались материалы и продукты. Один из них был полон консервами. Видимо, беляки спешили и даже не посмотрели, что в вагонах. Консервы мы конечно с удовольствием с'ели, а материалы пошли в ремонтные эшелоны.

Дрались упорно, верили в свою победу. Отступали очень неохотно. Но, к сожалению, частенько подводили наши части старые офицеры.

— Был и у нас случай,— рассказывает т. Берзин.— Около станции Грязи, в бою, бок-обок с первой и второй сибирскими бригадами теснили белых. Здорово дрались сибиряки. Крепко. Бой ночью шел. К утру белые стали стрелять реже. Смотрим — казаки отсупают. Видимо, по всему фронту прижали беляков порядком. Вдруг получаем приказ — отступить. Слышим, будто патронов нет. Однако в обозе патронов оказалось более чем достаточно... Командира мы больше не видели. Наверное, получил по заслугам.

Петр Мартынович замолчал. Часы-ходики тикали, отсекали секунды стрелка показала шесть часов.

— Да,— наконец заключил старый большевик, — тяжелое было время, но боевое, горячее. И после фронта опять борьба. Завод — тот же фронт. Сколько перебороли, сколько преодалели — не перечесть! И всюду костяком стоит старая большевистская гвардия. Я в девятьсот пятом году вступил в партию в огне боев. И в семнадцатом мы, старые большевики, как магнит, обрастали новыми, молодыми бойцами. Работал я на командных хозяйственных должностях, но калильная снова притянула меня к печи, к станку. Теперь бригадирствую. Программу выполняем с гаком. Старые партизаны — крепкое ядро завода.

Петр Мартынович кончил. Мы вышли на двор. Петр Мартынович показал мне путь к выходу, а сам пошел еще куда-то, в другое помещение, где старого большевика ждала напряженная работа.

Я посмотрел ему вслед. Шел он, чуть согнувшись под бременем героических лет, редко и твердо шагая. Вот так же твердо шел он эти пятнадцать лет и так же твердо пойдет дальше.

Н. Керода-Татарский

ТРИ живых свидетеля

— Трудно вспоминается, много воды утекло, — говорит т. Лея. — Пятнадцать лет — не шутка! — и напрягает память, копается в извилинах своего мозга.

Узелки морщин его то сходятся, то снова расходятся, голубые глаза серьезны, вдумчивы.

— Работал я тогда в инструментальном цехе тормозного завода в Замоскворечьи, — рассказывает т. Лея, — все же остальные цехи были в Москве. А держали наш цех в Замоскворечьи потому, что был он более революционным, и эта изоляция от остальных рабочих для царского правительства была крайне необходима. Как только свергли царя, наш цех перевели тоже в Москву. Ну, тут мы сразу организовали фракцию большевиков из десяти человек, куда вошел и я. Начали действовать. Но действовать было трудно. Организованный фабзавком состоял из эсеров и меньшевиков, за исключением двух большевиков. Он противодействовал нашей работе, но мы все же завоевали большинство рабочих...

...Помнится Первое мая, когда наша фракция призвала рабочих выйти на демонстрацию на Ходынскую площадь. Фабзавком в рот воды набрал, меньшевики и эсеры — против: «Бросьте эту затею! К чему?» Но, к их крайнему изумлению, на демонстрацию вышел весь завод.

...На Ходынской площади море голов, шум, песни. Вдруг, окруженный военной охраной, в центр площади выехал «сам» Церетели. Рабочие стали требовать, чтобы Церетели выступил перед демонстрацией и об'яснил, какое будет теперь управление, рассказал о тайных договорах. Церетели долго не выступал но когда требования рабочих стали переходить в прямые угрозы, выступил: «Товарищи, постольку, поскольку Вре-

Фото Е. Микулиной

Тов. Лея (з-д Дзержинского)

менному правительству надо еще подумать... притом скоро будет об'явлено все...». Народ зашумел. Поднялся невообразимый шум, свист. Охрана окружила Церетели, посадила его в автомобиль и быстро умчала обратно в думу.

Рассказчик остановился, глубоко вздохнул, перевел взгляд на молниеносно вращающиеся маховики, и, как бы вслушиваясь в шум бесчисленного множества приводных ремней, сказал:

— Видишь, как вертятся?

— Вижу.

— Так вот и мы тогда вертелись, без отдыху, но с определенной целью победить во что бы то ни стало. Тогда мы организовали при заводе отряд Красной гвардии. Меня и еще двоих рабочих послали в военный комиссариат Москвы, чтобы достать оружие. Но не тут-то было. Военный комиссариат не хотел вооружать рабочих. Под предлогом охраны заводы нам выдали десять револьверов, но и этого уже было достаточно, чтобы действовать активнее. Эсеры и меньшевики злобствовали, на всех перекрестках кричали: «Вы — германские шпионы.» Доходило даже до драки. В ответ мы усиливали агитацию среди отсталой части рабочих.

...23 октября в Бутырском районе проходило собрание коммунаров. В самый разгар получили сообщение, что ожидается нападение меньшевиков. Собрание прервали. Все ценное и оружие унесли с собой в другое помещение. Пусть нападут на пустые стены! Выделили товарищей для охраны Московского партийного комитета, который тогда помещался в гостинице «Дрезден». Партийный комитет отдал распоряжение готовить вооруженные силы для выступления. Я был послан с товарищем на свой завод предупредить рабочих о выступлении. Дежуривший у завода эсер только под угрозой оружия пропустил нас. Рабочие были предупреждены. А в одиннадцать часов вечера с Ходынки упал первый снаряд в здание промышленного училища на Миусской улице, отколов штукатурку.

Лея взглянул на меня и проговорил:

— Ну, и все, кажется... Каждую мелкую деталь не передашь. Одно дело — давно все это было, а другое — понятно и для тебя...

— Что понятно? — спрашиваю.

— То, что победили мы. А после победы начали уничтожать контрреволюцию, организовывать Красную армию. А потом — на трудовой фронт.

* * *

...Я Октябрь встретил в Балтфлоте на острове Норген, — рассказывает т. Ситников, Сергей. — Это бывшая крепость императора Петра Великого. Здесь нас, молодых матросов, держали изолированно от старых матросов, чтобы революционная зараза не могла к нам проникнуть.

Однажды с Северной башни все же пришли к нам матросы и рассказали о революции в Петрограде. В этот же день наш отряд восстал. Весь командный состав арестовали и отправили в город Ревель. Был выбран революционный комитет и установлена связь с городом. Нашу команду в это время перевели на корабль «Марат» (бывший «Петропавловск»). Финское правительство нам прислало ультиматум, чтобы наша флотилия сдала замки от орудий. Маневр этот мы поняли сразу. К Финляндии

Фото фотокружка завода им. Дзержинского

Тов. Ситников (з-д Дзержинского)

подходило подкрепление из Германии, они рассчитывали взять нашу флотилию без боя. Было отдано распоряжение вывести флотилию из финских вод к Петрограду.

Трудности были очевидны. Команда маленькая, угля мало, льды... Но и здесь мы не растерялись. Как только флотилия была выведена в море, остров взорвали, лишив таким образом неприятеля возможности ударить нам в тыл. С большими трудностями флотилия была доставлена в петроградский порт. Как только был приведен флот, меня и еще шесть человек перебросили в Волжско-Каспийский флот, на помощь борющейся там Красной армии.

Флота здесь военного не было, и нам пришлось мобилизовать все буксирные пароходы и баржи и самим вооружать их примитивными орудиями. Таким образом было приведено в боевую готовность тринадцать буксиров и барж. Семь буксиров с баржами вышли в Каспий, пять остались на Волге, для отражения белых. Тут пришлось встретиться опять с трудностями. Чтобы выйти в море, надо было ждать норд-оста, благодаря которому выходной канал мог наполниться водой. К счастью, долго ждать не пришлось. Наша самодельная флотилия вышла в море на Баку. По пути был пойман рыбак, и с ним отправлен ультиматум в александровский порт: «Сдаться! Иначе будем обстреливать». Через пять часов из порта навстречу к нам на катерах выехали матросы с красными знаменами. На берег был высажен десант, все вооружение порта было нами забрано, замки от береговых орудий отвинчены.

В это время по радио мы уловили сообщение, что отправился пароход с офицерами в Гурьев. Мы пошли навстречу. Как только завидели пароход, дали залп. Глядим — за борт выбрасываются люди. Подошли. В чем дело? Оказалось, ехали большей частью генералы, полковники. Спасая «честь мундира» и... золото, они выбросились в море. Ну что ж, думаем, туда вам и дорога! А пароход отправили в Астрахань.

Семь буксиров пошли на Баку, а мы с пятью возвратились на Волгу, помогать Красной армии.

Тов. Розенталь (з-д Дзержинского)

Однажды наша флотилия оказалась отрезанной белыми. Стояло туманное утро. Окутанные его завесой, мы прошли далеко вперед. Когда заметили, что красные части остались далеко позади, стали спускаться вниз. Но в тыл нас стали обстреливать. Так в течение трех месяцев мы были отрезаны от своих. Но терпению пришел конец.

Командир судна на шлюпке незаметно под'ехал к берегу, устроился с полевым телефоном на высоком месте и стал наблюдать. Батарея противника находилась в кустарнике, в логу. Местоположение противника командир сообщил мне по телефону, я направил орудия и дал залп. Батарея неприятеля была разбита. После этого мы одерживали победу за победой.

* * *

Розенталь Доротея в СССР попала из белой Латвии в 1920 году в порядке обмена политическими заключенными. Она — участница октябрьских боев не здесь, а в Латвии. Ее путь так же извилист и тернист, как путь каждого старого большевика.

...Работала я на фабрике «Текстиль» в Риге и к революции приобщилась уже в 1905 году, как только услышала первые вести из России о первой революции, — говорит Розенталь. — Тогда же я впервые познала пролетарский метод борьбы с эксплоататорами — стачки. Сделавшись активной участницей первой же стачки, я поплатилась своим местом на фабрике. До Октябрьской революции в России несколько раз меня выбрасывали с фабрик за участие в стачках.

В октябрьские дни мы солидаризировались с российскими рабочими. Мы провели мощную демонстрацию, но силы были у нас слабы, демонстрантов оцепили войска, арестовали, и потом каждого десятого расстреливали. Однако 3 января 1919 года в Риге было организовано советское правительство, которое продержалось до 22 мая того же года. Время было тревожное. Сил мало. Красные войска были отозваны на польский фронт для решительной схватки Находиться в Риге войскам в тот момент, когда на Западном фронте требовалась немедленная помощь, — было преступно. Войска ушли. А плотное кольцо белых интервентов подвигалось к городу.

22 мая наступил переломный момент. Мы энергично сопротивлялись, но город все же был взят белыми. Начался террор. За две только недели было расстреляно четыре тысячи человек. Меня тоже арестовали, но с возвращением в город латвийского правительства по простой случайности я была освобождена. Правда — не надолго, так как, выйдя на свободу, продолжала партийную работу подпольно, и 1 октября меня арестовали вновь, и надолго...

Розенталь замолчала. Глубоко задумалась. И вдруг что-то вспомнила, оживилась.

... Да, горячее то было время. Помню ночь перед рождеством 1919 года. Тогда мы избрали в Риге правительство советов. Тогда же я получила задание расклеить листовки по городу.

Ночь. Иду. Под полой более пятисот листовок, — [illegible] уже успела расклеить. Не успела свернуть за угол, как за плечами чей-то окрик: «Стой!» Остановилась. Смотрю — германские офицеры, что у нас на квартире стоят. Оробела. А ну, если обыск сделают? Пропала! Но прошло благополучно. Офицеры меня узнали. Отпустили.

Или — вот.

Войска ушли. Охранять город некому. Мобилизовали всех коммунистов для охраны. Два часа спим, два часа стоим на постах. Так — в продолжение двух недель. Измучились до потери сознания. В голове свинец, в сознании — одно: «Крепче держать в руках винтовку!»

* * *

Прошло пятнадцать лет. Три живых свидетеля Октября — сейчас три ударника-энтузиаста на заводе имени Дзержинского. У всех трудовой рабочий стаж измеряется десятками лет. Десятками лет измеряется и стаж борьбы революционера-большевика.

2

„Социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом; социализм по-своему, своими приемами — скажем конкретнее, советскими приемами — осуществит это движение вперед".

(ЛЕНИН)

С. Евлампиев

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РАЙОНА

«Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему ПОЛИТИЧЕСКОМУ строю догнала передовые страны. Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также и ЭКОНОМИЧЕСКИ. Погибнуть или на всех парах устремиться вперед, так поставлен вопрос историей» (Ленин).

Тов. Сталин в 1928 г. уже в условиях диктатуры пролетариата, развивая вопрос об индустриализации страны, поставленный Лениным, так сформулировал его:

«Мы догнали и ПЕРЕГНАЛИ передовые капиталистические страны в политическом отношении, построив диктатуру пролетариата. Но этого мало. Мы должны использовать диктатуру пролетариата, нашу социализированную промышленность, транспорт, кредитную систему и т. д., кооперацию, колхозы, совхозы и т. д., для того, чтобы догнать и ПЕРЕГНАТЬ передовые капиталистические страны также и ЭКОНОМИЧЕСКИ» (Сталин — Вопросы ленинизма, стр. 162).

Развивая эту же мысль в конкретной обстановке начала осуществления первой пятилетки народного хозяйства, т. Сталин еще раз подчеркнул:

«Исходным пунктом наших тезисов является положение о том, что быстрый темп развития индустрии вообще, производства средств производства в особенности, представляет основное начало и ключ индустриализации страны, основное начало и ключ преобразования всего нашего народного хозяйства на базе социалистического развития. Но что значит быстрый темп развития индустрии? Это значит — побольше капитальных вложений в промышленность» (Сталин. Вопросы Ленинизма, стр. 458).

На основе генеральной линии партии, начертанной т. Лениным и осуществляемой верным учеником Ленина — т. Сталиным, наша страна завершает пятилетку в четыре года, перевыполнив уже по ряду отраслей плановые наметки по основным показателям.

Не приводя большого количества цифровых показателей по союзной промыш-

ленности, мы остановимся на результатах работы нашей районной промышленности, которая явно отражает общие достижения нашей страны на фоне этих достигнутых в общесоюзном масштабе побед имеет свои собственные достижения.

Предварительные итоги первой пятилетки по району

На основе решений XIV партс'езда об индустриализации нашей страны развернулась борьба за осуществление первой пятилетки народного хозяйства и в частности промышленности.

Капиталовложения по нашим предприятиям за пятилетку выражаются в следующих суммах:

	Тыс. руб
По з-ду отоп. приб. им. Войкова	3.392
„ Трансмиссии	1,021
„ Арматуре	—
„ Пролетарскому труду	994,5
„ Москвошвей № 3	—
„ Мосбелье № 2	403,5
„ Фанерно-лесопильн.	620,6

Эти данные говорят о том, что наша районная промышленность также переживала бурный рост показателей по индустриализации, по реконструкции производственного процеса. В результате таких капиталовложений наша промышленность по району смогла дать следующий рост валовой продукции за последние три года пятилетки:

За 1930 г. имели	244.873 т. руб.	—100%
„ 1931 г. „	306.275 „ „	—125%
„ 1932 г. ожидаемое	323.231 „ „	—132%

По отраслям имеем:

	1930 г.	1931 г.	1932 г.
	В тыс. руб.		
Металлообрабатывающая	38.706	61.528	65.953
Химическая	72.728	75.195	77.326
Текстильная	15.957	17.755	16.704
Швейная	95.144	114.680	105.478
Полиграфическая	11.261	13.394	12.561

По отдельным предприятиям мы имеем соответственно:

1. По Тормозному выпущено продукции в 1 году пятилетки на 4.521 т. р., в последний год пятилетки на 13.347 т. р. (ожидаемое).

2. По з-ду им. Дзержинского выпущено продукции в 1 году пятилетки на 3,288 т. р., в последнем году пятилетки на 17.706 т. руб.

3. По Арматуре соответственно на 2.254 т. р., в последний год пятилетки 8.860 т. р.

4. По Мосбелье 2 имеем на 25.484 т. р., в последний год пятилетки на 32154 т. р. и т. д.

Реконструкция изменила лицо тех предприятий нашего района, которые представляли полукустарные мастерские, сделав из них крупные предприятия, имеющие не только московское значение, но и общесоюзное, как напр., Тормозной з-д, з-д им. Дзержинского, Отопительных приборов им. Войкова и др.

Такой гигантский рост валовой продукции получен в противовес капиталистическим методам увеличения продукции не путем эксплоатации и использования единственно мускульной силой рабочего, а путем вооружения рабочего соответствующей новейшей техникой, машиной, путем рационализации производства на основе новых производственных отношений.

Это подтверждается ростом производительности труда по отдельным предприятиям.

По Тормозному з-ду выработка на одного рабочего в год равна была в первый год пятилетки 6.935 руб., в последнем она равняется 12.234 руб.

По з-ду Дзержинского с 4.843 руб. доведено до 9.419 руб.

По Трансмиссии с 5.318 руб. до 10.118 руб.

По Мосбелье 2 с 8.128 руб. до 12.660 руб.

Производительность выросла в 1½ и 2 раза не только потому, что мы вложили огромные капиталы, а потому, что наряду с технической реконструкцией шел другой, не менее важный процесс — величайший рост производственной активности рабочего класса.

Под руководством нашей партии этот рост принял форму социалистического соревнования и ударничества.

По предприятиям нашего района к 15 годовщине Октября мы имеем следующий охват соцсоревнованием:

По всей промышленности района охвачено 74,8% рабочих соцсоревнованием.

По отдельным предприятиям:

	%%
По заводу Тормозному	65
„ „ Дзержинскому	79,2
„ „ отопит. прибор. им. Войкова	75,9
„ „ Арматуре	62,9
„ „ Самоточке	61,3
„ ф-ке им. П. Алексеева	38,5

Эти показатели с особой убедительностью доказывают правоту утверждения т. Лениным о том, что:

«Производительность труда—это в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создает новую, гораздо боле высокую производительность труда. Это — дело очень трудное и очень долгое, но оно начато, вот в чем самое главное» (Ленин).

Одним из важнейших звеньев в работе районной промышленности является хозрасчет, которым к 1/X—32 г. охвачено 9.468 человек. Создано 833 хозрасчетных бригады. По сравнению с 1 сентября 1931 г. это составляет увеличение на 26%.

Отдельные предприятия пришли к 15 годовщине с большими успехами по хозрасчету в части охвата рабочих:

З-д Тормозной, охвачено рабочих	до	60%
„ Дзержинский „ „	„	52%
„ Арматура „ „	„	45%
„ Трансмиссия „ „	„	34%

Значительно выросло число промышленных рабочих, занятых на предприятиях нашего района.

По отдельным предприятиям мы имеем следующий рост:

	В первом году пятилетки	В последнем году пятилетки
По Тормозному	652 ч.	1.329 ч.
„ Трансмиссии	377 „	557 „
„ Терм. Стрел.	289 „	530 „
„ Мосбелье 2	1.916 „	3.192 „
„ Мосбелье 6	1.687 „	2.219 „
„ Прол. Труду	920 „	1.235 „

Значительно улучшилось благосостояние рабочего класса, что подтверждается увеличением фонда зарплаты по предприятиям, как например: По з-ду от. приб. им. Войкова, рабочий в 1928/29 получал в среднем 1.219 руб. в год, к концу пятилетки он получает 1.590 руб. По заводу Трансмиссия соответственно имеем рост фонда зарплаты с 1.367 р. до 1.933 руб., по з-ду Пролетарский труд с 855 руб. имеем рост до 1.089 руб., по з-ду Тормозному с 1.488 р. имеем 1.944 руб., по з-ду Бров. Инструм. с 1930 г. фонд зарплаты увеличился с 1.663 руб. до 2.526 руб. в 1932 г.

К 15-й годовщине Октября наши отдельные предприятия сумели овладеть новыми видами производства. Мы имеем по Тормозному заводу освоение тормоза Казанцева, осваивается тормоз Матросова. По Дзержинскому з-ду освоен собственной конструкции арифмометр «Феликс», по з-ду Самоточка освоено производство строгальных станков, долбежный станок, что дает возможность освободить нашу страну от импортной зависимости.

Не вдаваясь в более детальный анализ предварительных итогов по 1-й пятилетке, мы остановимся на работе промышлености в последнем году пятилетки по нашему району.

Итоги работы промышленности за 9 месяцев 1932 г.

В результате работы 9 месяцев 1932 г. наша районная промышленность в сравнении с этим же периодом 1931 года выросла на 6%. По отраслям этот рост представляется в таком виде: металлообрабатывающая дала рост на 15,8%, химическая — на 6%, швейная — на 1,1%, полиграфическая — на 13,3% пищевкусовая на 13,9%. Отстает текстильная, которая не додала 1,4% плана 1931 года за эти 9 месяцев.

Если взять промышленность нашего района по отношению к общемосковской промышленности, то мы должны установить, что наши ведущие отрасли — это швейная, которая по своему удельному весу составляет 25% общемосковской, химическая соответственно составляет 15% и металлообрабатывающая 7,5%. Это обстоятельство обязывает перечисленные отрасли промышленности с особой настойчивостью выполнять свои планы в 1932 году, твердо проводя в жизнь решения сентябрьского пленума ЦК ВКП(б) об увеличении производства предметов ширпотреба.

За 9 месяцев нашим районом выпущено продукции ширпотреба на 210 мил. руб., что составит ко всей московской промышленности, работающей на ширпотреб, 14%.

Общий итог выполнения промфинплана по валовой продукции за 9 месяцев по району составляет к годовой программе 58%, что явно угрожает выполнению годовой программы и требует большого напряжения сил и энергии со стороны ряда хозяйственных организаций по выполнению годового промфинплана.

Основные недостатки в работе промышленности главным образом идут по линии количественного выпуска валовой продукции, производительности труда, рабочей силы и связанной с ней зарплаты, по снижению себестоимости, качеству продукции, использованию оборудования.

Выпуск валовой продукции

Необходимо будет с особой остротой поставить перед всеми нашими районными предприятиями вопрос о внутризаводском планировании с тем, чтобы

на будущее время избежать такого положения, когда вся тяжесть по выполнению промфинплана планируется на 2-е полугодие, а в худшем случае на 4-й квартал. Это приводит к определенному срыву годового плана. Вопрос с сырьем в 1932 году по отдельным предприятиям оказался узким местом, не потому, что не было сырья, а потому, что сами предприятия очень плохо организуют и знают свою сырьевую базу и проектировку по промфинплану, сплошь и рядом не согласуются с сырьевыми рессурсами (Свобода, Москвошвей 3, Прол. Труд).

В силу этого обстоятельства по отраслям мы имеем выполнение производственной праграммы за 9 меся. 1932 года в следующем виде:

Металлообрабатывающая	дала	68,8%
Химическая	„	52,3%
Швейная	„	54,1%
Текстильная	„	83,6%
Полиграфическая	„	72,4%
Пищевкусовая	„	52,2%
Деревообрабатывающая	„	99,1%
Разная	„	47,7%

Отстают отрасли промышленности: химическая, швейная, пищевкусовая. По предприятиям отстают — ф-ка Свобода, годовой план выполнила на 49,5%, Москвошвей на 46,5%, ф-ка Мосбелье 2 — 67%, Мосбелье 6 — 59,2%, Мосштамп 52,3%, Арматура — 66,6%.

Наряду с этими отстающими предприятиями надо особо выделить предприятия, не плохо выполняющие свой годовой план. Тормозной з-д за 9 мес. выполнил свою программу на 70%, поквартально за 1-й квартал дал 110,3%, за 2-й квартал 105,4%, за 3-й квартал 92%; по з-ду им. Дзержинского выполнена программа за 9 месяцев на 73%, за 1-й квартал на 100,9%, 2-й квартал 101,2% и 3-й квартал 88,1%; Арматура за 9 месяцев выполнила годовую программу на 86,5%, за 1 квартал 103,4%, 2-й квартал 114,4%, 3-й квартал 119,8%; Трансмиссия за 9 месяцев дала 74,3%, за 1-й квартал 101,1%, за 2-й квартал 103,5% и 3-й квартал 101,9%. Идущей впереди всех предприятий в районе является ф-ка им.

П. Алексеева, давшая за 9 месяцев выполнение годовой программы на 90,8% и поквартально дает нарастающие темпы за 1-й квартал 114,5%, за 2-й квартал 116,1% и за 3-й квартал 124,2%.

Организация труда и рабочей силы

Для многих промышленных предприятий нашего района организация труда является делом сложным только потому, что этим вопросом, особенно по отстающим предприятиям, никто из хозяйственников серьезно не занимается. Об этом красноречиво говорят показатели по текучести рабочей силы, простоям, прогулам, а отсюда и низкой производительности труда. Для характеристики работы в этой области отдельных наших хозяйственников, не умеющих организовать труд, можно привести выдвинутые положения тов. Сталиным на совещании хозяйственников. Вот что он говорил:

«Можно ли сказать, что нынешняя фактическая организация труда на наших предприятиях отвечает современным требованиям производства? К сожалению, нельзя этого сказать. Во всяком случае, у нас все еще имеется ряд предприятий, где организация труда поставлена из рук вон плохо, где вместо порядка и согласованности в работе имеют место беспорядок и неразбериха, где вместо ответственности за работу царит полная безответственность и обезличка» (Сталин).

Сказанное выше тов. Сталиным непосредственно относится к отдельным нашим предприятиям, как-то: Московшвей 3, Бутырский з-д Отопительных Приборов Войкова, Хлебозавод № 2, Мосбелье № 2, частично типография Правда и Тормозной. В подтверждение данной этим предприятиям характеристики приведем показатели по текучести рабсилы, которая сильно бьет по выполнению годовой программы. За сентябрь текучесть выросла до 9,9%, т. е. с предприятий выбыло 2.604 чел. По Бутырскому заводу текучесть дошла до 41,2%, по з-ду от. прибор. Войкова 28,1%, по Хлебозаводу № 2 — 21,0%, по Тормозному з-ду до 15%, по ф-ке Мосбелье № 2 — 12,1%, Типография «Правды» 12,8%. Такое положение в еще большей степени усугубляют прогулы, которые с 0,9% в первом квартале выросли до 1,7% в июле и в августе до 4,2%, в результате чего потеряно 32.882 чел.-дня.

Высокий процент прогулов захватывает следующие предприятия: Рого-Пластиночный з-д дает 16,5%, Типография Правда 12,3%, Мосбелье 6 — 6%, От. Приборов Войкова — 5,9%. Установления плохая организация рабочей силы по нашим предприятиям расстраивает производственный аппарат и срывает своевременное выполнение программы. Это обстоятельство перед некоторыми предприятиями выдвигает вопросы механизации труда, особенно по з-ду от. Приб. им. Войкова, Бутырскому.

Ухудшилась работа предприятий в области охраны труда.

С рабочим питанием дело также не у всех предприятий налажено, в силу того, что еще не везде создана своя собственная продовольственная база.

На участке проведения хозрасчета по цехам и по предприятиям, в связи с организацией труда и рабочей силы, мы должны отметить отдельные неудовлетворительные результаты. Так например, по ф-ке Мосбелье № 2, где при наличии охвата рабочих до 64,6%, при охвате рабочими бригадами до 56%, мы все же имеем текучесть в 12,1%, недовыполнение по производительности труда на 23,1%, и годовой план за 9 месяцев выполнен на 67%. В таком же положении находятся предприятия Московшвей

№ 3 и Свобода. Такое положение с хозрасчетом и соцсоревнованием на указанных предприятиях сигнализирует о формальном отношении к проведению 6-ти условий тов. Сталина.

В укреплении хозрасчета по предприятиям слишком мягкотело подходит наш районный Госбанк, который еще не сумел поставить контроль рублем хозяйственной деятельности промпредприятий.

Снижение себестоимости и качество продукции

Снижение себестоимости по промышленности для нашего народного хозяйства создает дополнительные внутренние финансовые ресурсы для проведения реконструкций народного хозяйства. Каждый процент снижения себестоимости по всей Союзной промышленности дает дополнительно сотни миллионов рублей и является таким образом ответственнейшим участком работы каждого хозяйственника в борьбе за снижение себестоимости и по нашему району.

В этой области необходимо констатировать отсутствие достаточной борьбы и учета по снижению себестоимости по отдельным предприятиям. По ведущим предприятиям, как например по з-ду Дзержинского, за 1-й квартал план снижения себестоимости был дан на 10,7%, а выполнен на 8,2%. На 2-й квартал план составляет 11,9%, выполнено на 13,1%, июль мес. 13,% выполнено на 12,7%, август — 13,9% выполнено на 12,9%; по Арматуре за 1-й квартал план по снижению равен 7,5%, фактически же имеем повышение на +1%, за 2-й квартал план снижения имели на 3,7%, фактически имеем повышение на +2,6%, июль план имеем на 3,8%, выполнение дает повышение на +8,5%; Тормозной з-д за 1-й квартал план по снижению был дан на 6,2%, выполнено на 3,5%, за 2-й квартал план составлял снижение на 2,7%, выполнено на 6,6, август — план имелся 0,9%, фактически же получилось повышение на +1,5%.

Потери на простоях оборудования, рабочей силе и наличие большого брака увеличивают вздорожание выпуска единицы продукции, что особенно влияет на качество выпускаемой продукции. Еще в начале 1932 года вторая Районная Партконференция отмечала низкое качество продукции, выпускаемой нашими предприятиями. Это положение осталось и на сегодняшний день. Заводские лаборатории и контрольные отделы не стали боевыми органами в борьбе за улучшение качества продукции.

Производство предметов широкого потребления

Дополнительный выпуск продукции по ширпотребу путем организации утильцехов на основе постановления ЦК нашей партии по нашему району организован еще плохо. Имеющиеся данные по работе утильцехов по нашим предприятиям за 3-й квартал говорят о пренебрежительно, а местами прямо таки оппортунистическом отношении к этой важнейшей хозяйственной проблеме.

По таким предприятиям, как Свобода, Москвошвей 3, Мосбелье 2 и 6, по Типографиям Правда и Известия, до сегодняшнего дня не разработан технологический план утильцехов, не отведено рабочее место и не организована рабочая сила.

3-й квартал, имея план всего только на 192 т. руб., дал продукции на 212 т. руб. Сумма эта очень незначительная, и все предварительные расчеты говорят о гораздо больших возможностях по использованию отходов и внутренних ресурсов нашей промышленоси.

4-й квартал является кварталом, за который мы должны основательно перестроить работу по имеющимся утильцехам и организации новых, с таким расчетом, чтобы получить в 3-4 раза больше продукции, чем мы имеем на 1 октября 1932 г.

Исходя из вышеизложенного материала, показывающего достижения и недостатки в работе нашей районной промышленности к 15-й годовщине Октябрьской революции, необходимо сделать большевистские выводы. Необходимо мобилизовать внимание всей партийной, профессиональной, комсомольской и советской общественности на вопросах полного выполнения годовой программы путем перестройки внутризаводского планирования, организации сырьевой базы, ликвидации формального отношения к хозразчету и проверки исполнения проведения 6-ти условий т. Сталина с тем, чтобы подойти к 1-му году 2-й пятилетки с полным выполнением программы.

На основе четкого проведения в жизнь генеральной линии партии, ведя непримиримую борьбу на два фронта — с правым и «левым» оппортунизмом, с осколками контрреволюционного троцкизма, с остатками бывших оппозиций, скатившихся в болото кулацкой контрреволюции, с примиренчеством и укрывательством по отношению к ним, закончим с честью первую пятилетку, чтобы вступить во второе пятилетие — пятилетие построения бесклассового социалистического общества.

Н. Ринкус

История Тормозного

Тридцать лет назад

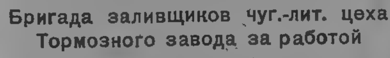
Летом 1901 года на Лесной улице, напротив Бутырской тюрьмы, раздавалось гнусавое пение. Пахло ладаном... Это открывался с молебном новый водочно-разливной завод завод. Промышленность царской России обогатилась еще одним, с позволения сказать, «гигантом».

Не поскупились по случаю торжественного дня хозяева. С одобрения начальства и разрешения полиции рабочим роздали подарки: по сотке водки на брата и по куску булки с колбасой. Оркестр военной музыки гремел «Боже, царя храни»...

Потом началась на заводе работа. Со всех концов везли на Лесную, 28 спирт. Здесь его разбавляли, разливали в посуду. Вереницы обозов с водкой беспрерывно тянулись из широких железных ворот заводского двора, направляясь в улицы и переулки Москвы, в казенки, кабаки, рестораны. Дело разворачивалось на широкую ногу. До тысячи рабочих кормились, вернее — впроголодь жили на заводские заработки. Хозяева эксплоатировали рабочих по-московски, по-азиатски. Протестовать в те времена было нелегко. Завод был удобно расположен, — прямо напротив высились крепкие стены Бутырской политической тюрьмы. Время от времение кой-кого из «бунтовщиков» туда и переселяли. Десятками гнали с завода тех, кто не приглянулся мастеру, не сунул во

Фото А. Шайхет

Бригада заливщиков чуг.-лит. цеха Тормозного завода за работой

время взятку или непочтительно поклонился.

Так родился завод на Лесной, 28. Это была предистория Московского тормозного. История началась позже — в годы гражданской войны.

От водки к снарядам

Война была в разгаре. Рабочих и крестьян — «серую скотинку» тысячами, миллионами гнали на фронт. Гибли десятки и сотни тысяч, но удачи «православному оружию» не было. Немцы наступали на Ригу. В сутолоке и спешке из города эвакуировались ценности, в том числе — оборудование фабрик и заводов. Машины и станки концентрировались в тылу, приспособлялись для целей «обороны» или для водружения русских знамен в Константинополе, что по существу было одним и тем же.

В числе других погрузили на платформы рижский завод «Всеобщей компании электричества». Большая часть оборудования попала в Харьков, меньшая — в Москву, на Лесную, 28, разместившись... в стенах водочно-разливочного завода. Срочно началось переоборудование водочного завода в артиллерийский. В августе 1915 года уже пошло полным ходом производство дистанционных 32-секундных трубок для трехдюймовых полевых орудий.

Фото фотокружка Тормозного з-да

Инженер Лупев, изобретатель сплава „А1"

Фото фотокружка Тормозного з-да

Зав. медно-лит. цехом тов. Снетков, один из изобретателей сплава „А1"

Переход с «легкой» индустрии на тяжелую не изменил положения рабочих.

Большинство мужчин ушли на фронт. Оставшиеся держались на военном положении. За малейший проступок грозила отправка на передовые позиции, что было равносильно смертному приговору.

Еще тяжелей приходилось основной массе работающих — женщинам. С квалифицированными рабочими еще коекак считались, подчас «заигрывали», даже не обыскивали при выходе. Нельзя было рубить сук, на котором держался завод.

Другое дело — неквалифицированные работницы. У ворот завода ежедневно простаивали сотни женщин, желавших устроиться на работу. Для того, чтобы только пробраться на завод, надо было первым долгом «поблагодарить» стоявшего у входа городового не менее чем трешницей. Это, разумеется, не давало никакой гарантии в приеме на работу.

Так рассказывает о жизни рабочих кадровый пролетарий, фрезеровщик т. Мясин.

Женщины-работницы проходили сквозь строй унижений и надругательств. Платили за тяжелую, напряженную работу гроши. Продвижение на лучшее оплачиваемую работу покупалось ценой удовлетворения прихотей некоторых мастеров. Особенной славой пользовались «специалисты» этого дела, мастера цеха «дистанционного ударника» — Опс и Андреев. Некоторые соглашались на их гнусные предложения. Не могли не соглашаться. За воротами ждали безработица, голодная семья и вечная тоска о близком человеке, заживо гниющем в царских окопах, в ожидании пули или снарядного осколка.

Медленно, но верно назревало недовольство. Несмотря на террор и слежку многочисленных шпиков, на заводе обосновалась группа пролетариев-большевиков. В числе других работали Борзин и Зальман.

Потом случилось неизбежное.

Первые политические стачки

Началось с того, что по доносу предателей несколько товарищей были арестованы, в том числе братья Ивановы. В ответ, 24 декабря 1915 года в инструментальной мастерской завода, находившейся наотлете, при фабрике Цинделя в Замоскворечьи, вспыхнула забастовка. Присланные из инструментальной мастерской товарищи на другой день подняли на общую забастовку весь завод. Бросили работу, выдвинули требования. В первую голову — немедленно освободить арестованных. А заодно — об увеличении зарплаты основной, неквалифицированной массе работающих.

Четыре дня бурлил завод. При помощи штрейкбрехеров администрации удалось забастовку сломить. Началась расправа. Расчет был об'явлен поголовный. Новые аресты упрятали в тюрьму социал-демократа, большевика Малькольма. Арестованных до забастовки и после нее рабочих послали на передовые позиции.

Был произведен новый набор. Число работающих росло, дошло до четырех тысяч. Шло усиленное изготовление дистанционных трубок для снарядов. Под шум станков, за работой и вне ее, подпольщики социал-демократы-большевики вели свою великую революционную работу, указывая правильный выход затаенному возмущению рабочих. Было немало вспышек, но их давили жандармским сапогом и угрозами отправить на фронт.

В начале 1916 года в инструментальной мастерской снова началась стачка в знак протеста против увольнения хорошо относившегося к рабочим мастера Усикова. На этот раз не посчитались и с квалифицированными рабочими. Около двадцати человек было уволено, но Усикова все-таки оставили на заводе.

В воздухе чувствовалась близость революции... Расправа с рабочими доходила до высших жестокостей. Но в то же время рабочих начинали побаиваться..

Завод на февральском этапе

12 марта, не успела приступить к работе вышедшая смена, как разнеслась весть о свержении царя. На улицу бросились всей массой. Поздравляли друг друга с избавлением от войны, — это ка-

Фото фотокружка Тормозного з-да

Тов. Мясин, фрезеровщик, выдвинут на работу пом. директора по производств. совещаниям

залось фактом, в это верило большинство рабочих завода. Даже директор завода, меньшевик-оборонец Ломов, и его приспешники нацепили красные ленты.

Шли к центру. У типографии Сытина пытались преградить путь городовые. Инструментальщики взялись за камни. «Фараоны» моментально были разогнаны и разоружены. На путь разоружали полицию и офицеров. Срывали погоны.

Три дня не работал завод. А потом — снова дистанционные трубки, снова «война до победного конца», новые мобилизации на фронт и полуголодное существование в тылу. Такова была «революционная» программа Временного правительства, действовавшего вкупе с меньшевиками и эсерами.

Но рабочие почувствовали свою силу. Нарасхват, до дыр зачитывалась большевистская газета «Социал-демократ». Приезжающее на завод для агитации за войну офицерье встречали гамом, свистками, не давали говорить.

Большевистская ячейка была еще молода. Условия для ее работы были тяжелые. Уголка своего большевики не имели. Собирались в подвале. А меньшевики и эсеры заседали в главной конторе, вместе со своим покровителем-директором Ломовым.

Большевики обсуждали, как рабочим взять контроль над производством, как организовать свои боевые отряды и т. д.; а в кабинете директора Ломова обсуждалось, как подавить борьбу и избавиться от большевистской «заразы». В то время в завкоме сидело большинство меньшевиков, и, боясь большевистского влияния, они постановили, что без разрешения Ларионова — предзавкома-меньшевика — никто не в праве устраивать какие-либо собрания.

Разве большевики в то время могли подчиниться такому решению? Конечно, нет. Уже тогда рабочие считали себя хозяевами завода.

12 августа 1917 года в Москве должно было состояться так называемое демократическое Всероссийское совещание. 11 августа большевики созвали открытое собрание ячейки, на котором должно было обсуждаться отношение завода к этой контрреволюционной затее. Большевики на своем собрании поставили вопрос о забастовке 12 августа. Народу было столько, что не хватило мест для желающих присутствовать.

Во дворе завода собрались все рабочие. В это время прибежал предзавкома Ларионов, который заявил, что собрание незаконно, ибо завком на это не дал разрешения. Ему ответили смехом и свистом. Пришлось меньшевику немедленно удалиться. Большевики опять победили. За исключением группки меньшевиков и эсеров, рабочие с пением «Интернационала» покинули завод и разошлись по домам.

Приближался Октябрь... Несмотря на тяжелые условия, в которых приходилось работать, ячейка все-таки сумела организовать свои красные боевые десятки для борьбы на баррикадах. Но мы не имели оружия. В то время членов партии было около трехсот человек, а винтовок всего четыре, да и патронов по пять штук на каждую.

За неделю до выступления самые стойкие товарищи из нашей ячейки работали по поручению райкома партии, выполняя боевые подготовительные задания.

В вечер на 7 ноября, по заданию ревкома Сущевско-Марьинского района, десяток рабочих боевого отряда завода, в числе которых были Берзин — крепкий, плечистый латыш, член партии с 1905 года, затем Тымм, Грислит, Магельсон, Крастин, — заняли бывший кинотеатр «Олимпий». Вздумавший было сопротивляться персонал переарестовали. Около полуночи «Олимпий» начали обстреливать приехавшие на грузовике юнкера. Пытались выбить красногвардейцев, рабочих завода, из занятого здания. Не вышло. В ночь театр «Олимпий» был занят ревкомом. На заводе, в помещении нынешнего ФЗУ, обосновался штаб отряда, поддерживавший постоянную связь с ревкомом.

Это было первое боевое дело рабочих завода в октябрьские дни.

Вооруженные рабочие то-и-дело посылались в распоряжение ревкома. Среди них выделялись приехавшие из Риги, Бухгольц, Соколовский, Зальман, Каспирович, Лус, Казаин с сестрой и многие другие.

Будущих тормозников можно было встретить в бою в разных концах Москвы: у Никитских ворот, где шел жестокий бой с юнкерами, на баррикадах в Газетном переулке, на Лубянке. Рабочие не бросали оружия до полного установления власти советов в Москве.

Фото фотокружка тормозного з-да

Женский актив завода вместе с тов. Н. К. Крупской

Девять дней не работал завод, а потом производство дистанционных трубок стали свертывать. Вместо четырех тысяч рабочих осталось не более тысячи.

Было начало 1918 года.

Еще в Риге «Всеобщая компания электричества» договорилась с фирмой «Вестингауз» о постановке производства тормозов для всего железнодорожного транспорта в царской России.

В апреле 1918 года «Всеобщая компания электричества» подала заявление Комиссариату путей сообщения с просьбой дать заказ на изготовление тормозов в помещении ликвидирующегося артиллерийского завода на Лесной, 28.

Много было в этом заявлении вежливых и льстивых фраз о «горячем» желании заправил компании вложить свою лепту в реконструкцию транспорта. Намекнули в заявлении о всяческих широких возможностях, о якобы имеющемся Завод стал советским, государственным. оборудовании по последнему слову техники и о многом другом. Не помогло.

Кастрюли, ложки, зажигалки

Перед рабочими встал вопрос: что же делать дальше?

Завод делал разные попытки самоопределиться. Взялись за производство прожекторов, железнодорожной сигнализации. Затем из оставшегося от старого завода алюминия стали делать кастрюли, ложки, замки, зажигалки.

Число рабочих сократилось до 200—250 человек.

В помещении автоматной насосного цеха в то время была организована... мельница. На территории теперешнего станколитного завода был коллективный огород. Все это были результаты блокады, хозяйственной разрухи. Молодая республика советов отбивалась от наседавшего со всех сторон врага.

Рабочие шли на фронты гражданской войны. Ушли в числе других Тымм, Крастин, Соколовский и много других красногвардейцев. Многие не вернулись. Берзина взяли на работу в Чека.

Но вот наступило время и для завода. Перед республикой встал вопрос о нехватке тормозов для железнодорожного транспорта.

Вспомнили про заявление дельцов из «Всеобщей компании электричества». Разыскали некоторые чертежи. Приступили к производству тандем-насосов.

На широкую дорогу— к производству тормозов

Дело шло медленно. Не было своего чугунного литья. Пришлось лить первый чугун в горнах меднолитейного цеха, по-

Испытание воздухораспределителей Матросова. Тов. Матросов крайний справа, дает указания

строенного еще во время существования артиллерийского завода. Нельзя тоже сказать «построенного», ибо эта задача во время спешной организации артиллерийского завода была разрешена очень просто. Тогда «переоборудовали» под медно-алюминиевую литейную... давший склад посуды, простой сарай. Деревянные стены, низкие потолки, горевшие при заливке литья. Во время заливки рабочих не было видно, только торчали из дыма и смрада одни ноги.

Но работали теперь на себя, и это решало дело.

В 1920 году был собран первый тандем-насос. Встал вопрос о постройке вагранки для чугунного литья. Начали строить вагранку-«самовар», как ее называли рабочие за малую производительность и примитивность. На заводе работают и сейчас активные участники ее строительства, — бывший в то время слесарем, а в настоящее время помощник главного механика завода Горяинов и слесарь Шибанов.

Немного расширили помещение литейной, сделав деревянную пристройку. Тем временем, продираясь через колючую проволоку трудностей, налаживали в механических цехах и другие приборы тормозной системы.

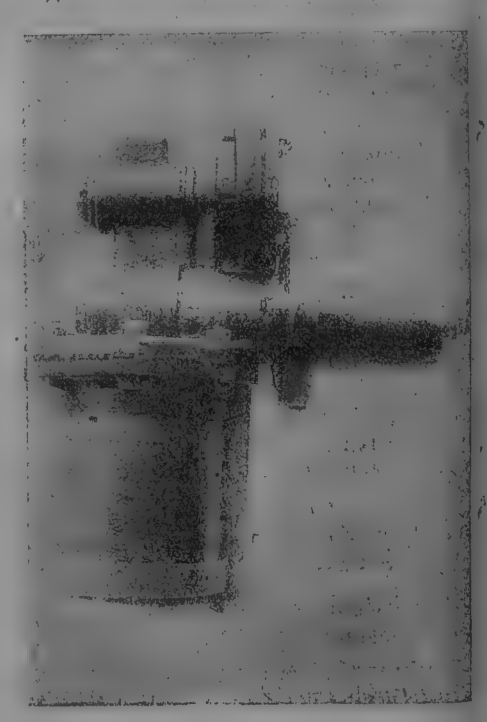
В 1922 году незначительными количествами, единицами, завод начал изготовлять насосы, воздухораспределители, вестингаузовский кран машиниста.

Так, отказавшись от производства всякого рода мелочей, завод выбрал себе путь производства автотормозов для восстанавливающегося, разрушенного войной и блокадой, железнодорожного транспорта.

Борьба за освоение производства

Находились маловеры. Утверждали, что завод не справится с задачей тормозостроения. Фирма «Вестингауза», имея в своем распоряжении ненационализированный тормозной завод в Ярославле, усиленно добивалась передачи московского, к тому времени уже Тормозного, завода под ее «отеческую опеку». В ответ тормозники, твердо веря в свою силу и в руководство партии, решили бороться за овладение тормозостроением.

Посылали специальную делегацию рабочих в Наркомпуть, с просьбой дать право на производство автотормозов самому заводу. Вплоть до 1924 года общество «Вестингауз» стремилось добиться своего. Но кончилось тем, что Московский тормозной завод овладел производством тормозов, имея в 1925 году программу в 1.350 тысяч рублей, а вестингаузская прогорела и вынуждена была отказаться от Ярославского завода.

Воздухораспределитель Матросова

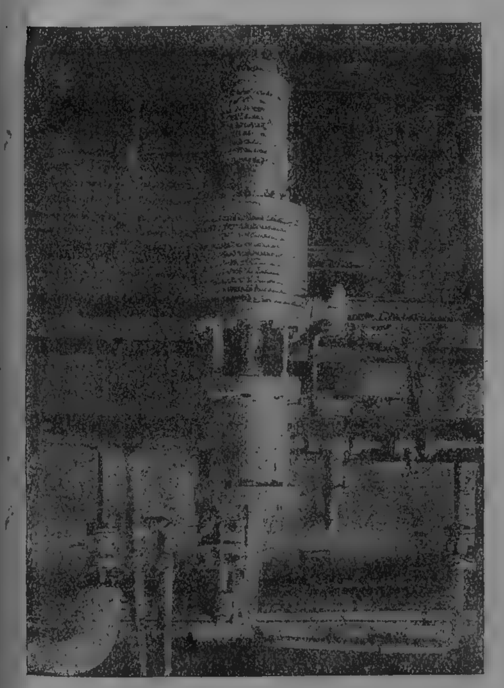
Рос и расправлял крылья Московский тормозной завод, овладевая все новыми видами тормозных комплектов, приборов. Росли на производстве и рабочие, боровшиеся на баррикадах в Октябре. Многие, правда, ушли с завода на другие ответственные посты. Лус ушел на ответственную работу в ВСНХ, занимали ответственные посты и на самом заводе, старые кадровые пролетарии. Токаря Ливина выдвинули директором завода. Шлифовщик Андрей Григорьевич Касперович стал мастером.

Росло рабочее изобретательство на заводе.

В 1923 году в кабинет директора Ливина вошел рабочий. Предложил изобретенный им новый тип воздухораспределителя. Все изобретение помещалось в принесенном мешке. Это был машинист Казанцев, изобретение которого известно сейчас всему миру. Изобретение приняли, завод усиленно работал над ним.

Завод шел по широкой дороге овладения техникой.

Фото А. Шайхета

Первый тандем-насос, выпущенный Тормозным з-дом

На 1926/27 год производственная программа выросла до 1 735 000 рублей.

Фото А. Шайхета

Тов. Яшечкин, инженер, ударник, за поверкой воздухораспределителя Матросова

На следующий год она поднялась еще на 1 миллион рублей. Одновременно поднималась производительность, росла средне-месячная зарплата рабочих. В 1925 году средне-месячный выпуск на рабочего был 317 рублей, а в 1928 году — 509 рублей. Средне-месячная зарплата соответственно поднялась с 82 до 115 рублей.

Снова борьба за советское тормозостроение

Заканчивались эксперименты с новыми воздухораспределителями Казанцева. Надо было переходить на массовое производство. Нашлись в НКПС бюрократы, чернильные души, не верившие и не хотевшие верить в силу и творческие способности рабочего класса. Повели переговоры с германской тормозной фирмой «Кунце-Кнорр». Выдвигались условия, по которым германская фирма бралась в течение трех лет наладить производство воздухораспределителя Казанцева серии «К» и довести выпуск последних до 25 тысяч комплектов в год, при условии до-

оборудования завода новыми импортными станками. За это НКПС должен был заказать на заводе «Кунце-Кнорр» изготовление 100 тыс. казанцевских воздухораспределителей. Понятно, уплата — зол.

Уже подготовлялось согласие НКПС на эти условия. Но тормозники поставили вопрос ребром: — освоим весь заказ на нашем Тормозном заводе! Беремся его выполнить на старом оборудовании.

НКПС принял предложение тормозников.

Перед заводом стала ответственнейшая задача развертывания массового производства тормоза Казанцева. Вместе с этим на первый год пятилетки в два раза выросла программа Тормозного завода. На 4 с половиной миллиона рублей надо было дать всевозможных приборов для системы автотормоза. На помощь пришли новые, социалистические формы труда; на заводе зародились социалистическое соревнование и ударничество. В цехе смешанного производства 1 февраля 1929 года была организована первая ударная бригада из семи комсомольцев во главе с кадровиком, фрезеровщиком-изобретателем, работающим на заводе с 1917 года, т. Смирновым.

На заводе к этому времени работало 600 человек, производственных рабочих. Заводская парторганизация выросла до 214 членов и кандидатов.

Упорно дрались за выполнение программы тормозники. Из месяца в месяц цехи перевыполняли задания. Отставал

Фото А. Шайхета

Красногвардеец мастер-шлифовщик Тов. Касперович

Фото А. Шайхета

Строительство нового меднолитейного цеха

только воздухораспределительный цех. Не ладилось и с изготовлением казанцевского воздухораспределителя, к которому приступили с весны 1929 года. В месяц выпускали по 30 приборов. Зав. цехом Лихтенвальд не мог организовать этого дела, зарывшись в кабинетной, бумажной работе.

Для укрепления этого ответственного участка поставили молодого инженера-конструктора из рабочих, тов. Яшечкина. Кипела работа у этого энергичного человека, вызывая удивление зав. цехом Лихтенвальда. Частенько он говорил Яшечкину: «Чего ты бегаешь, суешь везде свой нос? Твое дело — сиди, пиши, распоряжайся». Вскоре Яшечкин стал зав. цехом.

Следуя примеру руководителя, новые, только что пришедшие на завод рабочие загорелись трудовым энтузиазмом, брали трудности штурмом. Узким местом было — неточность обработки деталей, слабость технического контроля. Начали борьбу за качество обработки. Станочники подтянулись.

Был сделан ряд конструктивных изменений, не влияющих на работу тормоза, но значительно облегчающих его обработку. Споры об изменениях доходили до НКПС. Так было, когда возникна ходу. Вокруг деревянного сарая, продолжавшегося именоваться «литейной», стали воздвигать стены, затем сломали стены старой литейной. Литье производилось под крышей, подпертой столбами. Кругом валялись кирпичи, доски, всякие строительные материалы. Литейщики не сдавались. Под руковод-

Тов. Яковлев, секретарь парткома Тормозного з-да, и тов. Соколов, предзавкома

ла необходимость, для облегчения обработки, конец тормозного клапана сделать кожаным. НКПС долго не соглашался, не имея в практике СССР клапанов с кожаными наконечниками. Тормозники добились своего, а в результате упорной работы массовое производство воздухораспределителей Казанцева было освоено.

Тормозной перевыполняет задание пятилетки

Промфинплан первого года пятилетки тормозники с честью выполнили. Еще большие требования были пред'явлены Тормозному заводу во втором году пятилетки. Программа выросла вдвое, до 9 миллионов рублей. Трудности не пугали. Дружно взялись за выполнение этого задания. В первом же квартале завод перешел на семичасовой рабочий день, — еще одна крупная победа рабочего класса возможная только в условиях советского государства. Резко выросло количество рабочих — оно дошло до 986 человек.

В начале 1930 года начали давать уже по 2.500 комплектов воздухораспределителей «К». Маловеры из НКПС и имевшиеся на заводе нытики убедились наконец в своей неправоте; через полгода после начала работы над тормозом Казанцева, рабочие завода под руководством большевиков сделали больше того, что бралась достичь знаменитая германская фирма «Кунце-Кнорр» в течение трех лет.

На этом не останавливались. Тормозники шли к новым победам.

Количество ударников выросло по заводу до 600 человек. Росла и крепла, приобретая все новый опыт большевистской борьбы за промфинплан, парторганизация завода. Шли в ряды партии лучшие ударники-рабочие.

На путь социалистической реконструкции

Чугунолитейная к этому времени несколько расширилась. Вывели из нее в новое помещение меднолитейную. Была сделана деревянная пристройка. Но все-таки чугунолитейная с трудом поспевала за механическими цехами, условия работы оставались неудовлетворительными.

Тяжело было работать литейщикам, но темпов не сдавали, наоборот—увеличивали производительность. Если в 1927 году ежемесячно литейная давала 40 тонн литья, то в 1929 году выпуск чугуна был доведен до 175 тонн в месяц. Этого был мало: разумеется, это не обеспечивало дальнейшего роста завода.

В начале 1930 года приступили к постройке новой чугунолитейной. Стройка шла так, как она идет вообще у нас, большевиков. Нельзя было прекращать

Фото А. Шайхета

Тов. Никифоров

Фото фотокружка Тормозного з-да

Красногвардеец, один из лучших ударников тов. Казаин

работы, — решено было перестраиваться ством молодого инженера Димшиц, поступившего на завод в 1928 году помощником мастера, после окончания института имени Плеханова, они выполняли и перевыполняли промфинплан. Повысили выход чугуна в месяц до 280 тонн, — на 40 процентов была поднята энтузиазмом литейщиков производительность литейной.

Выделялись среди этих, энтузиазмом преодолевающих огромные трудности людей, мастер Яковлев, в то время только что вступивший в ряды членов партии, выросший с мальчиков в этой жалкой, отживающей своей век литейной, Клейменов, Радионов, Иванченков, бригада заливщиков Срулева, бригада формовщиков Чуканова, Барышева, Радионова, мастер Клейманов.

В конце года литейная была построена, большая, высокая, светлая. Проходящие по Лесной улице рабочие заглядывали туда, а тормозники с гордостью говорили: «Во какая она большая!»

В это время прокатилась по нашей Советской стране волна встречных промфинпланов третьего, решающего года

По встречному рабочие взяли обязательство выпустить продукции на 22 с пятилетки. Захвачен был ею и наш, к этому времени об'явленный ударно-коммунистическим, завод.

Встречный третьего, решающего

Задолго до гудка приходили рабочие на завод. Кипела работа общественных организаций. Умело, несмотря на отсутствие контрольных цифр от треста, строили встречный план партийные и профессиональные заводские организации. Все члены бюро ячейки ВКП(б) во главе с секретарем, рабочим завода, ВЛКСМ, члены завкома, бюро ИТС, весь заводской актив мобилизовались на проработку встречного. Многие с утра до поздней ночи сидели на заводе, работая над планом. Готовились к нему все. Разговоры — только о плане.

Каждая деталь, каждая операция подвергались подробному, придирчивому разбору.

В течение десяти дней у станков, в бригадах рабочие обсуждали цифры плана по своим деталям и вносили в заводское ВКК. «Наш заводской Госплан» — называли его рабочие. Подводились итоги. Цехи с напряжением ждали результатов. Пугала мысль: «а вдруг» встречный план меньше трестовского который к тому времени был уже известен. Он предусматривал выпуск продукции на 14 миллионов рублей, снижение себестоимости на 18 процентов при росте производительности на 30 процентов.

Но вот долгожданный день: общезаводская конференция по подведению итогов встречного. После четырех часов в столовой необычайное оживление. Разговор только о плане.

— Мы в полтора раза превысили контрольные цифры заводоуправления! — Говорит с радостным лицом фрезеровщик Мясин.

В ответ — несколько голосов:

— И в три раза увеличиваем продукцию против второго года пятилетки.

По встречному рабочие взяли обязательство выпустить продукции на 22 с половиной миллиона рублей, снизить

себестоимость на 21 процент, поднять производительность на 64 процента.

Завод оправдал звание ударно-коммунистического. За время проработки встречного прибавилось к существующим пятнадцать ударных бригад. Четыре бригады и два цеха закрепились до конца пятилетки. За эти дни рабочие внесли 450 различных предложений по улучшению производства. Лучшие рабочие шли в партию и комсомол.

Цифра встречного промфинплана заводоуправлением при заключении договора была несколько снижена.

Перед заводоуправлением была поставлена задача доводить после каждого месяца результаты работы до станка, перевести для обеспечения программы все цехи на хозрасчет, приступить к подготовке пересмотра норм и расценков. Последний вопрос приобретал особую остроту.

Дело в том, что в 1930 году было принято около 600 рационализаторских предложений, которые значительно упрощали процесс работы и поднимали производительность труда. Свыше 400 предложений уже было проведено в жизнь. Между тем ТНБ этого не учло, оставив прежние нормы. В воздухораспределительном цехе, в самом крупном, но и самом молодом, организованном лишь в 1930 году, многие нормы были установлены без твердого технического обоснования и значительно превышались. Так, на сборке фактически чернорабочие — сборщики второго разряда вырабатывали до 200 рублей, в то время как в некоторых цехах квалифицированные токаря четвертого разряда не могли выработать нормы. Неправильное нормирование создавало на заводе «привилегированные цехи», куда каждому рабочему хотелось перейти.

Необходимость пересмотра норм чувствовалась всеми, и после колдоговорной кампании к этому делу приступили всерьез.

Под руководством партии и профсоюзной организации отдел экономики труда развернул широкую подготовку к пересмотру. Производился хронометраж; там, где провести его было нельзя, делались технические подсчеты. Нормировщики работали рука-об-руку с рабочими. Каждая свободная минута использовалась ими для ознакомления рабочих с вопросами нормирования. Нужно было окончательно убить старый, рабский взгляд на ТНБ как на организацию, которая «тянет нашего брата».

Председатель цехкома цеха Матросова, один из лучших ударников з-да, тов. Трефилов

Большевистские темпы, ударничество, трудовой героизм

Промфинплан второго года пятилетки тормозники перевыполнили по всем показателям, заняв первое место в Краснопресненском районе и получив за это переходное красное знамя. Образцы ударной работы в борьбе за преодоление трудностей показали ударники завода. Вели за собою других бригады Орлина и Коновалова в рукавном цеху; в воздухораспределительном — ударники Аристархов, Новиков, Александров, первая хозрасчетная бригада Львовского, секретаря ячейки ВКП(б), члена партии с 1917 года, работница завода, вскоре ставшей во главе парторганизации завода, т. Пиген. В насосном — бригада Щербука, в инструментальном — Сосина, в чугунолитейном цехе — бригада Радионова. Цехи соревновались между собой на лучшее выполнение промфинплана. В цехах дрались за лучшие образцы работы. Участники боев в Октябре — Каспирович, Берзин, Соколовский, Бухгольц, Зельман и другие шли в рядах лучших.

Досрочно был закончен 26 декабря план особого квартала. Одними из пер-

вых в Союзе тормозники ворвались в третий, решающий год пятилетки.

Во второй год пятилетки экономия от предложения рабочих составляла 110 тысяч рублей. Среди энтузиастов рабочих-изобретателей выделялись, не считая Казанцева и Матросова, давших заводу новейшие типы воздухораспределителей, ряд рабочих — Сизов, Смирнов, Барышев, Макарцев, давшие своей смекалкой десятки изобретений и тысячи рублей экономии.

Улучшались бытовые условия. Среднемесячная зарплата выросла до 132 рублей. Тормозники открыли свой закрытый распределитель. Был отстроен новый дом для рабочих завода. В Моссовете поставили вопрос о передаче театра имени Каляева Тормозному заводу под клуб.

Прорыв и борьба с ним

Наступил январь 1931 года. На тормозном месячная программа была выполнена только на 93,5 процента. Забили тревогу заводские организации. Под угрозой оказался встречный план. Ударной работой, внедрением хозрасчета, устранением неполадок в планировании, в снабжении начали наверстывать недоделки. Одновременно проводилась кампания пересмотра норм и расценков. В результате огромной экономии от увеличения норм выработки, от поднятия производительности труда. Встречный план должен был дать весь рабочий коллектив Тормозного. Приступили к массовым пересмотрам норм. Слова Ленина о том, что «производительность труда — это в конечном счете самое важное, самое главное для победы нового социалистического строя», — доводились до каждого тормозника. Широкой волной встречных норм план ТНБ был превышен. В течение одного месяца Тормозной пересмотрел все свои 3.600 старых норм. Рабочие выдвинули 197 встречных. Экономия от пересмотра выразилась в 160 тысячах рублей. Шла, разрастаясь, борьба за ликвидацию январьского прорыва. Первый квартал был закончен победой, с покрытием задолженности за январь.

Фото фотокружка Тормозного завода

Бригадир первой ударной бригады завода, изобретатель, выдвинутый на работу зав. бризом, тов. Смирнов

Пятилетка — в два года, три месяца

По всему Советскому союзу во всеуслышание, как призывный клич, прозвучали победы Азнефти, Грознефти, Электрозавода о выполнении пятилетки в два с половиной года. — К этому победному кличу присоединили свой голос и тормозники. Тормозной завод первый в Союзе выполнил пятилетку в два года три месяца. Вот цифры: в 1932/33 году по плану задано довести продукции на 992 тысячи рублей в месяц.

Выпущено уже в декабре 1930 г. на 1.642 тысячи рублей.

Выпуск на одного рабочего в месяц к концу пятилетки по плану 1.020 рублей.

Выполнено в декабре 1930 года на одного рабочего — 1.500 рублей.

Шли дальше. В апреле помощником директора выдвинули красногвардейца Берзина. Стала работать секретарем одной из цехячеек Зальман. Двигались вперед и другие кадровики-тормозники.

Тормозники получили в свое распоряжение клуб имени Каляева. Развертывалась культурная работа.

Тормоз Матросова

Началась работа над новым воздухораспределителем, изобретенным Матросовым, который внес в этот прибор наряду с первоклассными качествами, ставившими воздухораспределитель наравне с лучшими в мире, еще два новых усовершенствования: 1) двухрежим-

ность — то есть равномерное торможение на груженый и пустой вагон; 2) стандартность — то есть пригодность тормозов одинакового размера на все вагоны любой грузопод'емности. Этих качеств не имели до настоящего времени и не имеют никакие тормозы ни у нас, ни за границей.

Работал над первыми приборами экспериментальный цех. Завод начинал готовиться к переходу в 1932 году на массовое производство воздухораспределителей Матросова. Было заказано импортное оборудование. Началось строительство дома для столовой с целью освобождения занимаемого столовой помещения под сборку тормоза Матросова. Приступили к переоборудованию помещения бывшего склада «Гомзы».

Выросла за счет лучших ударников-передовиков рабочая парторганизация. На заводе организовался партком. В цехах организовались партгруппы. 1 октября, день ударника, ознаменовался массовым переходом бригад на хозрасчет, но подлинного хозрасчета еще не было, — еще предстояло много поработать на этом участке и бороться за полное проведение в жизнь шести исторических указаний т. Сталина.

На пороге четвертого, завершающего

Четвертый квартал третьего, решающего года пятилетки прошел в борьбе всего коллектива под руководством партийной организации за скорейшее проведение в жизнь шести указаний вождя партии тов. Сталина, под лозунгом подготовки к XVII партконференции.

23 декабря был досрочно закончен промфинплан третьего, решающего года пятилетки. Тормозники, не сдавая позиций, шли все к новым и новым победам.

За год было выпущено одних воздухораспределителей Казанцева 96 тысяч комплектов — на 6 тысяч выше встречной цифры, — тех воздухораспределителей, которых фирма «Кунце-Кнорр» бралась довести в год до 25 тысяч комплектов.

Резко снизилась себестоимость. Так, если в начале прибор Казанцева стоил 250 рублей, то в конце года — только 57 рублей.

По заводу программа третьего года пятилетки была выполнена на 102,7 процента, себестоимость, вместо намеченного по плану снижения 17,5 процента, снизилась на 23,5 процента, и производительность была повышена против плана на 1,3 процента. Одной экономии от рабочих предложений было на 310 тыс. рублей, не считая изобретения Лунева и Снеткова, имеющего всесоюзное значение и заключающегося в новом сплаве, названном А-1 и заменяющем оловянистую бронзу. Изобретение это дает сотни тысяч экономии золотой валютой и сокращение на импорте олова.

Фото фотокружка Тормозного завода

Красноармейцы, ударники з-да тт. Зальман и Соколовская, секретарь цехячеек цеха СП и экспериментального

Снова прорывы — снова победа тормозников

Наступил четвертый, завершающий год пятилетки.

Один за другим поступали на завод импортные станки для цеха Матросова. Экспериментальный цех получил задание сделать 140 воздухораспределителей Матросова на международные испытания. Боролись за овладение техникой, за подготовку кадров для массового производства тормозов Матросова, за шесть условий т. Сталина. Но... не было достаточной напряженности в овладении стоящими перед тормозниками задачами, увеличился брак. Задерживалось строительство столовой, что мешало переобо-

рудованию занимаемого помещения столовой под сборочный цех Матросова.

В планировании царила неразбериха, не дающая возможности четко работать. Неполное выполнение шести указаний т. Сталина, перечисленные недочеты и ряд других привели к тому, что за первый квартал партком завода констатировал неудовлетворительное выполнение производственной программы, невыполнение промфинплана за март месяц. Партком завода поставил себе задачу наверстать упущенное и с первых же дней второго квартала повести большевиков и весь рабочий коллектив тормозников на штурм прорыва и раз решить стоящие перед заводом задачи.

Прорыв надо было ликвидировать.

И многое было сделано. Укрепилась партмассовая работа и работа низового звена партийно-профсоюзной организации, улучшилось материально-бытовое обслуживание рабочих. Успешно развертывалось строительство новых домов для рабочих завода. Партийно-профсоюзные организации добились дальнейшего улучшения бытовых условий и снабжения рабочих, добились от МСПО передачи нашему ЗРК совхоза «Бескудниково» для создания в нем собственной продовольственной базы.

Но прошлая работа I квартала давала себя знать. В результате недостаточной борьбы за внедрение подлинного хозрасчета — ряд грубейших перегибов в зарплате, обезличка на ряде ответственных участков работ и особенно по отделам, падение труддисциплины и дальнейшее увеличение текучести привело к тому, что сводка выполнения промфинплана за первое полугодие опять говорила о прорыве.

Выполнение программы по товарной продукции 95,2 процента, по производительности труда — 86,7 процента плана. Такого позора не было на краснознаменном Тормозном.

Под руководством парткома во главе с секретарем т. Я к о в л е в о й весь коллектив тормозников, засучив рукава, взялся за прорыв. Работа кипела. Детально проверялось выполнение шести указаний т. Сталина. Как никогда, напряглись все силы завода. Энергично, уверенно, на основе проверки выполнения указаний вождя, тормозники одолевали одну трудность за другой, изживали недочеты в своей работе. Укрепился хозрасчет в цехах, в бригадах. Расширилась собственная продовольственная база завода. Появились на продовольственной базе тысяча кроликоматок, новый свинарник и свиньи, грибница для шампиньонов.

Срочно реконструировался воздухораспределительный цех на массовое производство тормоза Матросова. Росла новая меднолитейная для обеспечения бесперебойности снабжения литьем реконструируемого завода. Развернулась партмассовая работа. Вся работа была перенесена вниз, в гущу рабочего коллектива, в партгруппу, в профгруппу. Выдвинули на работу пом. директора по производственным совещаниям фрезеровщика М я с и н а, одного из лучших бригадиров. Развернулась усиленная борьба с браком, который стал сдавать под дружным напором тормозников. Сто процентов коммунистов и комсомольцев были охвачены марксистско-ленинской учебой.

Лучшие ударники вступали в ряды ленинской партии. Образцы ударной работы показывали в чугунолитейном цеху бригада формовщика И в а н ч е н к о в а, партгруппа стерженщика П у ч к о в а, в цехе смешанного производства бригады Г о л ь н и ц е в а, А н т о н о в а, в кузнице — М а к а р ц е в а.

Оправдал Тормозной звание ударно-коммунистического краснознаменного завода. С новыми победами двинулся вперед. За июль программа выполнена на 117,4 процента, за август — на 104,1 процента. За третий квартал упорной работой перекрыт прорыв первого полугодия. За девять месяцев Тормозной завод выполнил программу на 101,9 процента, заканчивает реконструкцию завода для производства лучшего в мире воздухораспределителя Матросова.

С 1 октября тормозники приступили к массовому производству тормоза Матросова.

Пятнадцать лет завод идет в первых рядах лучших предприятий Советского союза.

С большевистской решимостью, под руководством партии Ленина тормозники идут к новым победам, готовясь к боевому вступлению во вторую, пятилетку — пятилетку построения бесклассового общества.

Абрам Беленький

Биография завода

I

Есть заводы-старики. Сто, двести, а то и больше лет стоят они, молчаливые свидетели побед и поражений, наступлений и отступлений, напряженного спокойствия и беспощадной борьбы класса с классом...

Есть заводы-юноши, даже дети. Пять лет, три года, а то и месяцы и даже дни — их возраст. Их рождение — великий праздник для людей, делающих невиданное в мире дело...

Механический завод счетных машин имени Ф. Э. Дзержинского не принадлежит ни к тем, ни к другим. Он родился в 1880 году ввиде небольшой кустарной мастерской, называвшейся громко: «Сущевский завод несгораемых шкафов и кухонных плит».

Немецкий капиталист фон-Кеппен, обер-полицеймейстер 2-го отделения московской полиции барон Брудберг, генерал в отставке Петров, баронесса Фанкельзейм — вот «сиятельные» владельцы завода...

Адской тяжелой работой славился Сущевский завод во всем районе. До сих пор не могут забыть старики ран от тяжелой, почти целиком ручной работы, которые «из милости» перевязывал... табельщик грязной тряпкой. С раннего утра до вечера — 10 часов — работали на заводе.

В полутемном, одноэтажном здании (в одной из заводских стен соседний домовладелец, тоже генерал, не разрешал пробивать окон, шума боялся) работало человек 100 рабочих, в большинстве из деревни, туляков.

Работали бригадами. В бригаде — отец, сын, брат, племянник — родственники. Жили артелью, спали вповалку, человек по 7-8 в комнате, вместе «вели харчи».

Царем в бригаде, полновластным ее хозяином, был бригадир. Он увольнял неугодных ему работников, по его советам рабочего принимали, весь заработок шел ему, а рабочим платил он столько, сколько вздумается...

Каждого «новичка» бригадир «вспрыскивал» в ближайшем трактире. И посмей только «новичок» отказаться!

* * *

Шли годы... Редки в то время были даже стихийные забастовки на заводе, а тем более организованные выступления.

... Всеми своими помыслами туляк-крестьянин, составлявший большинство рабочих, тянулся туда, к куриной избенке, но своей, к захудалой скотине, но своей, в ключку земли, правда, не своему, но о котором можно было хотя бы мечтать, как о своем!

И каждый день, помолившись на иконы, висевшие в углу цеха, туляк начинал работать, думая о том, как он, снискав милость бригадира, будет получать, не 60, а 70—80 коп. в день и на собранные деньги сможет скорее купить лошадь.

Это он, туляк, издалека завидев фигуру управляющего ломал шапку и, низко кланяясь, здоровался: «Здравствуйте, Альхред Карлович». Управляющий был немцем, звали его Альфредом Карловичем Витте и наспех здоровавшихся с ним — он не любил...

Это он, туляк, по праздникам зажигал лампадки перед иконами в цехах...

Тов. Константинов

Это он, туляк, боялся вымолвить лишнее слово и молча резал, пилил или водил кистью по готовым шкафам и плитам...

К рождеству и к пасхе завод останавливали недели на две. Рабочие получали полный расчет, а когда после праздников, часа за два до начала работы собирались они к заводу — их встречали запертые ворота.

Долго ждали выхода управляющего. Наконец Витте выходил, его сейчас же окружали бригадиры и вот тут-то начиналось знаменитое «просеивание», о котором с такой еще неостывшей злобой рассказывает старый рабочий Василий Константинович Константинов:

— Как только завидят рабочие управляющего, словно по команде — все шапки долой и, перебивая друг друга, туляки и «особо усердные» бросаются поздравлять его с прошедшим праздником, а если дело было к рождеству, то и с новым годом.

Витте не спешил. Он долго стоял, беседуя о чем-то с бригадирами и наконец отдавал распоряжение сторожу открыть калитку. Ощупывая глазами каждого из нас, поминутно переговариваясь с бригадирами, он коротко бросал — «проходи». Но это были лишь «счастливчики», а мы стояли и, переминаясь с ноги на ногу, смотрели в спину проходившего в калитку.

Так продолжалось несколько дней и рабочих, подозреваемых в революционных настроениях или попросту высказывавших свое недовольство «заводским порядкам», — на работу уже не брали.

Но несладко было и «счастливчикам». Расценки резко снижались («недоволен — уходи, взамен тебя десяток найдется...»), бригадиры прижимали еще сильней и снова текли дни тяжелой, нечеловеческой работы, до ужаса похожие один на другой...

Но дни превращались в недели, недели в месяцы, месяцы в годы. Кеппен с компаньонами расширяли производство и заводу нужны были уже не только «туляки», но и квалифицированные рабочие. На завод приходят несколько человек кадровых рабочих, слесарей с Люберецкого завода. Они впервые, вместе с несколькими кадровиками, уже работавшими на заводе, вместе с лучшей частью деревенской молодежи посмели вслух заявить об элементарных человеческих правах, посмели потребовать лучших условий для работы.

В 1904 году на заводе вспыхнула забастовка. Требования чисто экономические: повышение сдельных расценок, переход на процентную оплату в бригаде, отмена штрафов, сокращение рабочего дня до 9 часов и наконец вежливое обращение управляющего, мастеров и бригадиров с рабочими.

Небольшая группка революционно-настроенных рабочих, без поддержки большинства, конечно, не могла добиться победы. Забастовка кончалась поражением... Вся группа люберецких слесарей и ряд старых рабочих завода были уволены. Среди них — Михаил Константинов, Степан Халуев и другие...

Но провалившаяся забастовка заставила кое-кого из рабочих крепко призадуматься. Кое-кто стал похаживать в Дубовую рощу на собрания, кое-кто стал почитывать литературу...

...Шел 1905, особо памятный для Красной Пресни год. Все больше и больше росло недовольство в цехах пресненских заводов, все громче и громче раздава-

Инженер Маргулис, под руководством которого происходило проектирование арифмометра „Феликс“

лись рабочие требования, все чаще и чаще вспыхивали то тут, то там огни забастовок...

На заводе появилось снова несколько новых квалифицированных слесарей. Только после революции выяснилось, что они были присланы революционными организациями.

Эти рабочие использовали каждую свободную минуту для агитации, большей частью индивидуальной.

Но как только управляющий выходил из цеха, вокруг одного из слесарей сразу собиралась кучка людей, забрасывающая его тысячью вопросов.

Атмосфера была накаленной.

■

Васе Константинову, теперь Василию Константиновичу, в 1905 году было 12 лет и работал он учеником слесаря.

Он хорошо помнит, как в холодный, зимний день — 7 декабря как всегда пришел на работу. В цехах чувствовалось какое-то напряжение, как будто ждали, чего-то большого и неожиданного...

В 9 часов утра раздался чей-то громкий крик: «к о н ч а-а а-й!». Стих мотор, перестали стучать молотки.. Минуты 2-3 напряженной тишины и вдруг изо всех цехов гурьбой посыпали во двор рабочие.

Сразу стало гораздо легче, свободнее. Вышли за ворота и рассыпались по окружающим фабрикам и заводам. Сняли с работы рабочих обойной фабрики Кротова, фабрики Збук (на месте теперешней типографии «Кр. Газеты»), завод Приборов и Весов и другие.

...Почуяв крупные события, туляки,— «деревня», как их презрительно называли кадровые рабочие, бросились на родину... Но трамваи остановились, погас свет, а главное — стали железные дороги. Не долго думая туляки двинулись пешком, лишь бы «подальше от греха».

Остальные разошлись по близлежащим улицам. Кое-кто пошел на Бахметьевскую в бывшее Инженерное Училище (теперь МИИТ), где был центр боевых дружин района.

8 декабря прошло в строительстве баррикад. Вместе с уволенным с завода старшим братом Михаилом, вместе с заводскими рабочими, изо всех дворов, таскал Вася Константинов старые бочки, ящики и всякий хлам. Но этого было мало.

Пожилые рабочие стали таскать ворота, валили трамваи, а Вася вместе с оравой ребятишек взбирался на столбы и рвал трамвайные провода...

Токарь экспериментальной мастерской тов. Гуреев, на з-де работает с 1909 г. Один из членов первого завкома

У Палихи, около Каляевского народного дома, на углу Сущевской и Селезневки, у Подвесков — всюду выросли баррикады.

Пестрые будки городовых были сожжены, сами городовые попрятались, а взамен их у баррикад стали посты дружинников

Было тихо, и только снег скрипел под сапогами дружинников и случайных прохожих.

...Неожиданный залп резко оборвал тишину. За ним еще и еще. То стреляла конвойная охрана Бутырской тюрьмы. Построившись в карре она одновременно обстреливала Палиху, Лесную, Новослободскую и Каляевскую.

Дружинники сначала растерялись. Но через несколько минут они уже заняли защищенные места и редкими выстрелами стали отвечать тюремщикам.

Перестрелка длилась долго, и, несмотря на все старания конвойной охраны, дружинники не отступили.

Знали — героически дерется вся Красная Пресня, сдерживая натиск войск и полиции.

10 декабря Селезневку стала обстреливать артиллерия. Снаряды били по улице, а один из них попал в дом, стоящий напротив теперешнего заводского клуба.

Но и это не сломило боевого духа восставших. Защитники баррикад не сдавались...

И только 14 декабря, когда до Сущевской докатилась весть о том, что под натиском полковника Мина, привезшего из Питера Семеновский полк, сдалась Трехгорка, отступили железнодорожники Александровской, рабочие мебельной фабрики Шмидта, когда дружинники узнали о результатах решающего боя на Горбатом мосту — стало ясно: победа за ними.

Сразу же «воскресла» полиция, развернул действия прибывший из Твери кавалерийский полк... Победа была за ними. А мы,

«... мы злобно, сжимая кулаки, смотрели как пожарные жгли баррикады» — говорит тов. Константинов.

З-д им. Дзержинского. Ударная рабкоровская бригада столяров им. „Правды"

3

Когда 18 декабря рабочие снова пришли на завод — там уже был наряд городовых «для поддержания порядка». Витте встретил рабочих словами: «теперь мы вас согнем в бараний рог». Но за этим надменным заявлением скрывался животный страх перед революцией...

Управляющему Витте было чего бояться. Чем больше прижимал он и его подручные рабочие, тем сильнее было недовольство, тем громче раздавались требования, тем чаще становились забастовки...

Но не только Витте, этот верный хозяйский пес, прижимал рабочих. Царское правительство, резко усилившее террор, не «обошло» и Сущевский завод. Пошли налеты полиции, засады городовых, аресты.

Строгальщик Петров, выдвинутый рабочими секретарем союза металлистов, в 1909 году был арестован. Больше его на заводе не видели.

Рабочий Николай Харламов был арестован... за посещение общеобразовательных курсов Шанявского и подозреваемый в организации забастовки был выслан из Москвы.

Но и рабочие не молчали. Революционизировалась крестьянская молодежь, на заводе все больше и больше становилось кадровых, потомственных пролетариев.

Забастовка шла за забастовкой. Первая забастовка, окончившаясь победой рабочих, была летом 1911 года.

Забастовка возникла для многих неожиданно. Но когда рабочие узнавали

основные требования — они сейчас же к ней присоединялись.

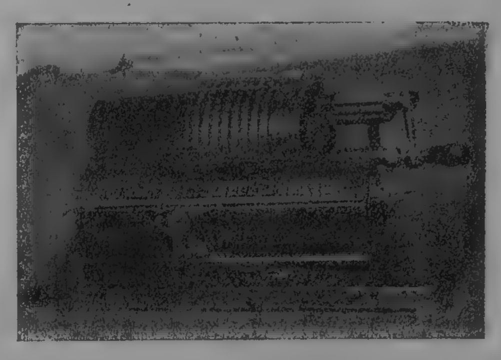
Требовали: 9-часового рабочего дня и двадцати процентов повышения сдельных расценков.

Требования были вручены Витте. Завод не работал полторы недели. Наконец Витте пригласил в ближайшую чайную представителей рабочих и, видимо следуя указаниям хозяина, согласился на 9-часовый рабочий день и пятнадцатипроцентное повышение расценков.

Так рабочими завода была одержана первая крупная победа. И была она одержана только потому, что это была первая более или менее организованная забастовка.

Во время забастовки собирали деньги в стачечный фонд и помогали семейным, было руководство забастовкой, хотя формально и не избранное...

Зимой 1912 года до завода докатились вести о Ленских событиях.

Арифмометр „Феликс"

Расстрел рабочих на Лене так возмутил весь завод, что в цехах только об этом и говорили.

Старый рабочий тов. А. В. Петров (ныне работающий в штамповке) рассказывает:

— В один из зимних дней 1912 года (точно числа не помню), не успели мы еще начать работу, как один токарь, которого мы знали как человека

Строительство новых корпусов з-да Дзержинского

революционно настроенного, крикнул: «к о н ч-а-а-а-й р а-а-а-б о-о т у!». Монтер, по кличке «В а с я М о р я к», видимо уже знавший в чем дело, сразу остановил мотор. Мы побросали работу, собрались. Токарь рассказал нам о последних событиях на Лене. Мы выбрали делегацию из 5 рабочих и направили ее к управляющему заводом В и т т е. Делегация заявила ему, что в знак протеста против Ленских событий, завод об'являет забастовку. В и т т е злился, кипятился, но ничего поделать не мог. Не работали мы целый день.

Э т о б ы л а у ж е п о л и т и ч е с к а я з а б а с т о в к а п р о т е с т а. Она ясно доказала администрации, что политическое сознание рабочих выросло, и уже не «туляки», ведут за собой завод...

Еще более ясным сделалось это администрации во время празднования юбилея В и т т е.

22 октября 1912 года часть рабочих, из тех, кого администрация награждала «именными часами», вместе с хозяевами решили отпраздновать сорокалетний юбилей В и т т е. В этот день был как раз приходский праздник всей Сущевской улицы — день Казанской богоматери.

Под звон колоколов из цехов вынесли иконы и во главе с «попами» (так рабочие звали бригадиров) двинулись в церковь...

После торжественного молебна часть рабочих, в большинстве деревенских, пошли вместе с В и т т е в чайную, где преподнесли ему серебряную табакерку и букет роз.

Сознательную часть рабочих этот юбилей хозяйского лакея сильно возмутил. И в з н а к п р о т е с т а б ы л о р е ш е н о о т п р а з д н о в а т ь ю б и л е й м а л я р н о г о м а с т е р а В а с и л и я В а с и л ь е в и ч а (ф а м и л и ю е г о т е п е р ь у ж е н е п о м н я т), п р о р а б о т а в ш е г о г о р а з д о б о л ь ш е В и т т е.

На второй же день после юбилея Витте рабочие собрали денег и преподнесли Василию Васильевичу золотые часы, серебряную табакерку и букет роз.

И з д е в а т е л ь с т в о б ы л о с л и ш к о м я в н о е. Но и хозяин не смолчал. Н а з а в т р а В а с и л и й В а с и л ь е в и ч б ы л у в о л е н.

Вместо него с Мытищенского завода администрация пригласила нового малярного мастера.

Но как только он в первый же день вошел в цех, маляры встретили его свистками, шумом, улюлюканьем и даже приготовили кули из-под мела и тачку, чтобы вывезти его за ворота.

Сделать это не удалось. Маляры об'явили забастовку с единственным требованием: восстановить Василия Васильевича на работе. Маляров поддержал весь завод и после двухнедельной забастовки мастер Василий Васильевич был снова принят на работу.

П о б е д и л и р а б о ч и е...

*

В 1913 году на заводе насчитывалось 430 рабочих. Среди этих четырех с лишним сотен было уже довольно много людей, думавших над политическими вопросами и начинавших в них разбираться...

Но и это не спасло завод от шовинистического угара. Как только прозвучал сараевский выстрел, среди рабочих завода началась усиленная агитация. «З а в е р у, ц а р я и о т е ч е с т в о» — вот что было ее лейт-мотивом.

В результате — погром в квартире управляющего — н е м ц а В и т т е (правда многие просто выместили на нем всю скопившуюся злобу).

Но нашлись люди, которые сумели противопоставить «у р а-п а т р и о т и з м у» кое-что другое. Это были маляр Н и к о л а й К о н с т а н т и н о в, В а н я Л о х м а т ы й (кличка), слесарь Г у р е в и ч (измененная фамилия), и другие. Они говорили:

— З а в е р у? Но ведь попы выжимают из рабочего последнюю копейку, в то же время благословляя его на войну.

— З а ц а р я? Но ведь царь, его министры, приспешники, буржуазия драться не будут, будет драться р а б о ч и й, к р е с т ь я н и н. Царь посылает рабочих на кровавую бойню, а сам?

— З а о т е ч е с т в о? Но ведь это отечество принадлежит эксплоататорам, которые хотят наживаться не только на р у с с к о м рабочем, но и на н е м е ц к о м...

Завод бурлил, как развороченный муравейник...

* * *

540 рабочих работали на заводе в начале 1914 г. После об'явления войны их количество уменьшилось на 20%, но все же выпуск продукции поднялся на 10—12% за счет чудовищной эксплоатации.

Владельцы завода, хотя и были немцами, оказались не прочь поживиться на русских военных заказах. В прейскуранте, выпущенном «товариществом Сущевского завода» в 1915 году, появились такие «документы»:

Документ первый:

«Гренадерский, саперный его императорского высочества, великого князя Петра Николаевича батальон.

Товариществу Сущевского завода в Москве.

Заготовленные вашим заводом два переносных очага с медными котлами и кашниками, по данному Вам мною типу, выполнены очень тщательно и солидно. Приготовление в этих очагах пищи превзошло мои ожидания, так как расход топлива по сравнению с приготовлением пищи в обыкновенных каменных (кирпичных), очагах уменьшился на 50%; пища же выходит прекрасная, в особенности каша.

Командир батальона полковник (подпись).

Начальник хозяйственной части, подполковник (подпись).

Делопроизводитель (подпись).

Документ второй:

Главное управление генерального штаба. Отдел военных сообщений.

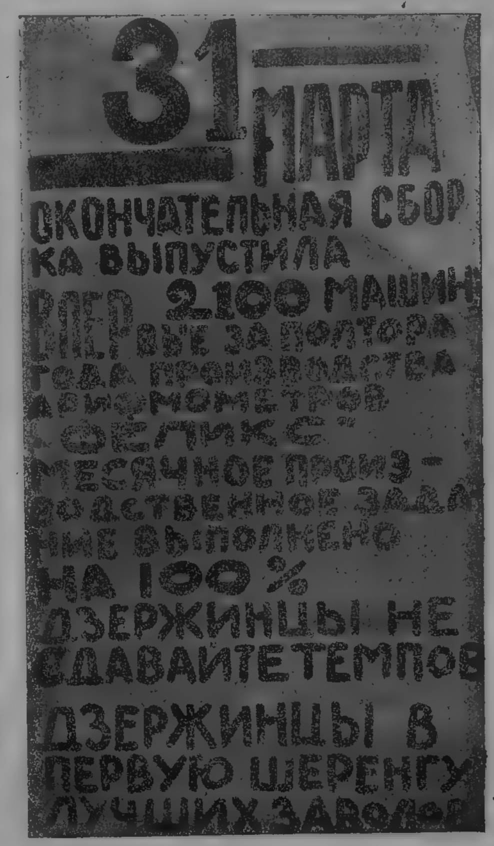
В Товарищество Сущевского завода несгораемых шкафов и кухонных плит.

Вследствие запроса Товарищества относительно результатов испытания изготовленного Сущевским заводом железного очага с медным кашником и котлом. Отдел военных сообщений уведомляет, что по донесению заведующего передвижением войск Московско-Смоленского района, испытание варки пищи в пути в означенных котлах, дало вполне благоприятные результаты. Щи и каша оказались очень хорошего качества. Очаги портативны, хорошо устанавливаются в вагоне, экономны в расходе топлива, просты по конструкции и уходу за ними и соответствуют условиям пользования ими в целях военного ведомства также и отсутствием хрупких и скоропортящихся частей.

Начальник отдела, генерал-лейтенант (подпись).

Начальник отделения генерал-майор (подпись).

Полковник и генералы, так восхищавшиеся кашей, приготовленной в котлах

Плакат, выпущенный 31 марта 1932 г., когда завод впервые с начала массового производства „Феликса" выполнил месячный план

Сущевского завода, получили от его владельцев солидный куш.

Русские генералы забыли о том, что владельцы завода — немцы. Они получил свое, не все ли равно от кого? Владельцы завода забыли, что генералы русские. Они получили документы, обеспечивающие им наживу, не все ли равно от кого?

...Война потребовала людей... Администрация и здесь старалась выиграть. На заводе оставляли рабочих, которые «больше молчат»...

В конце 1915 года завод получил специальный военный заказ. Весь 1916 год и даже 1917 г. завод выпускает ящики для пулеметных лент, походные хлебопекарни, оболочку ручных гранат и т. д. и т. п. Не хватает металла, топлива и других материалов. Но деньги делают свое дело. За взятку Военно-Промышленный комитет отпустит материалы кому хочешь, хоть немцам. И в 1916 г. с 230 рабочими, а в 1917 г. со 170 завод все же работал.

5

Бастовали все чаще и чаще. Близилась Февральская революция... По рассказам тов. Журавлева 27-28 февраля к воротам завода подошло человек 100 рабочих, которые стали агитировать бросить работу.

Убеждать долго наших рабочих не пришлось. Несмотря на косые взгляды, а потом и прямые угрозы Витте, рабочие побросали работу и, присоединившись к стоявшим у ворот, пошли снимать с работы Тормозной завод. Вместе с тормозниками выкинули красный флаг — двинулись — на Тверскую.

У Триумфальных ворот демонстрацию встретил заградительный отряд ратников ополчения. Рабочие стали, обратились к ним с речью, и они, эти пожилые крестьяне в солдатских мундирах, вскоре примкнули к демонстрантам.

Вместе с ними демонстранты начали обезоруживать полицию и проходивших офицеров, агитировать солдат. До позднего вечера на улицах и в переулках Москвы слышались революционные песни...

Февральская революция открыла глаза многим рабочим. События стали нарастать одно за другим с огромной быстротой...

В начале марта на заводе впервые избирается заводской комитет, куда входят рабочие: Калинин, Хлопов (предзавкома), Кукушкин (работает и сейчас в инструментальном цеху), Гуреев (экспериментальная мастерская) и Журавлев (зам. предзавкома, ныне мастер утильцеха).

Завкомовцы были наиболее революционно настроенными рабочими. Через 2 недели после выборов завком решил: работать 8 часов.

Забегал Витте, приезжал хозяин, уговаривали, грозили, но рабочие признавали уже только решения своего завкома. И несмотря ни на что, завод стал работать 8 часов.

Каждый день приносил новое. Меньшивики вели на заводе сильную агитацию. Агитация сначала шла успешно.

Но и большевики разворачивали работу. В театре «Олимп» (на Александровской улице) было созвано совместное собрание двух заводов: нашего и завода Ильина (теперь «Спартак»). Небольшой зал был набит битком. Меньшевики засели в президиуме и пытались протащить свою резолюцию.

Но с задних скамеек все время неслись возмущенные выкрики—«Долой предателей!», «Гнать их в шею!».

Как ни старались меньшевики, как не уговаривали они рабочих, призывая их «к спокойствию и выдержке»— зал не успокоился до тех пор, пока под всеобщий свист и улюлюканье, меньшевики не ушли с собрания.

Тут же был избран новый президиум, в большинстве из большевистски настроенных рабочих. Большевистская резолюция была принята подавляющим количеством собравшихся.

Да и как было не голосовать за нее, когда она была близка и понятна каждому рабочему, понимавшему необходимость борьбы за мир, за хлеб, за свободу.

В Совет рабочих депутатов от завода были избраны рабочие Новиков и Кукушкин. Одно из бурных заседаний Совета, происходивших в Городской Думе под руководством тт. Хинчука, Смидовича и др., помнит Кукушкин до сих пор.

В конце сентября завод забастовал и уже не работал да октябрьских боев. Был избран стачечный комитет, куда во-

шло 11 рабочих, в том числе и завкомовцы.

Приближался октябрь 1917 года. В предчувствии бури фон-Кеппен уехал за-границу, оставив завод зятю — генералу Петрову. Но и этот почти не показывался на завод.

А на заводе шло собрание за собранием, горячо, чуть не до драки спорили, пели уже известные революционные песни, разучивали еще незнакомый «Интернационал»...

Со дня на день можно было ждать вооруженного выступления. Лучшие сыны завода — Калинин, Хлопов, Кукушкин уходят в Красную гвардию. Во главе завкома становится машинист Кретинин.

6

В штабе Красной гвардии на Александровской улице было темно и неуютно.

В небольшом двухэтажном здании собралось 80 человек красногвардейцев. Были тут и русские и латыши, были рабочие и с Сущевского и с Ильича («Спартак»).

Отряд разделили на восемь десятков. В каждом десятке — начальник. В десяток, где начальником был поляк-рабочий Грановский, попали все рабочие нашего завода — Кукушкин, Хлопов, Калинин и другие.

Настроение боевое. Но... нет оружия! На 80 человек — 4 винтовки и 2 негодных револьвера...

Начальник отряда, рабочий с завода Ильина — Батышев, насупившись ходил из угла в угол.

Оружия нет... Оно должно быть! Но где его достать, как?..

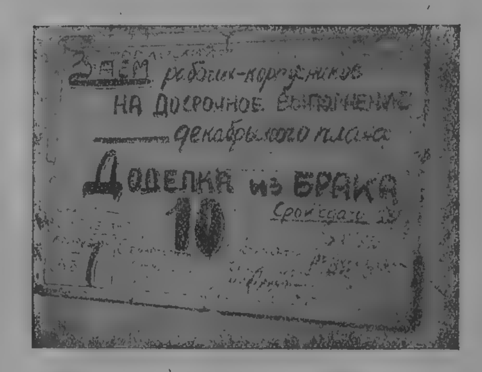
Еще совсем недавно оживленные красногвардейцы молчаливо расходились по своим местам.

Десяток Грановского остается дежурить.

Тихо...

Но вдруг в здание вбегает посланный на разведки красногвардеец. Он сообщает, что на Казанской железной дороге ждут из Ижевска эшелон с оружием для юнкеров.

По каманде Батышева два десятка расногвардейцев, во главе с ним самим, на захваченном грузовике едут на Казанку.

Одна из первых самодельных облигаций „Сталинского займа“

Долго ждать не пришлось. Эшелон прибыл. Как только он подкатил к вокзалу, захватили тормозные площадки и обезоружили растерявшуюся охрану.

25 ящиков по 25 винтовок в каждом и большое количество патрон погрузили на автомобиль и свезли на Александровскую, в штаб...

Красногвардейцам не верилось, что победа одержана так легко... В штабе раздали всем по винтовке и по 200 штук патрон.

Но обращаться с оружием большинство не умело... Стали заряжать, возиться с винтовками...

..В углу послышался выстрел, и пуля пролетела на 2 вершка выше головы Кукушина. Это у кого-то сорвался предохранитель. Не успел еще отзвучать выстрел, как в другом углу один из красногвардейцев выстрелил в потолок, ранив находившегося на втором этаже товарища.

...Батышев пришел и сразу установил порядок. Он приказал заняться укреплением здания, так как белые делали налеты на красногвардейские штабы.

Красногвардейцы живо раздобыли мешки, набили их песком и забаррикадировали окна и вход.

У входа и на 2-й этаж был поставлен единственный пулемет.

Не напрасно укрепляли штаб красногвардейцы. Не успели кончить они работу, как часовой сообщил, что к зданию приблизился отряд в составе десятка вооруженных казаков (на лошадях) и автомобиля с пятью юнкерами...

Слишком неожиданным было нападение, и когда белые открыли стрельбу по зданию, красногвардейцы растерялись.

В помещение вбежал Батышев:

— К оружию! К окнам!

Красногвардейцы расхватали винтовки и заняли позиции у окон.

По команде Батышева по отряду было дано несколько залпов, и после непродолжительной перестрелки белые отступили...

... Снова стало тихо в штабе... Но ненадолго... Связист донес, что на углу Садово-Черногрязской и Цветного бульвара юнкера бьют отряд красногвардейцев, и роту регулярных войск, перешедших на сторону красных

Батышев отрядил десяток Грановского (в котором находились сущевцы) на помощь. Бегом, через Екатерининский парк, бросились красногвардейцы к Садовой.

Комсомолец ударник ремонтного цеха тов. Шенталев.

Параллельно бульвару были вырыты окопы. Отряд добежал до окопов и остановился в нерешительности...

Из окопов раздалось: ло-о-о-ж-и-ись! И не успел Кукушкин лечь, как из окон углового здания посыпались выстрелы.

Лежали недолго. Из окопов ползком выбрался взводный восставшей роты и передал начальнику десятка Грановскому: «занимайте окопы и обстреливайте здание, а мы двинем в атаку...»

Десяток занял окопы. Плечом к плечу прижавшись друг к другу, обстреливали Кукушкин, Хлопов и другие окна здания и особенно чердак.

... Рота пошла в атаку. Взводный дал сигнал прекратить стрельбу из окопов, а минут через пять солдаты и красногвардейцы вышвырнули с чердака засевших там юнкеров, студентов и городовых...

Десяток Грановского выполнил поручение и был свободен. Пробиться на Александровскую, к штабу было невозможно и Грановский расставил красногвардейцев постовыми по Садово-Каретной.

Кукушкин с Хлоповым заняли пост на углу М. Дмитровки и Садово-Каретной. Задание — обезоруживать всех подозрительных лиц, особенно офицеров, останавливать подозрительные автомобили, проверять документы.

Ежеминутно проезжали автомобили. Некоторые останавливали. Часто автомобили были красные, и тогда по адресу Кукушкина и Хлопова неслась ругань за задержку...

Долго еще боролась рабочая Москва с озверевшим офицерьем. И за все это время слесарь Кукушкин ни разу не выпустил из рук винтовки...

...Наконец Кремль был взят... Москва находилась в руках большевиков! С оружием Кукушкин, Хлопов и другие вернулись на завод, готовые в любой момент встать на защиту революции!

7

Сущевский «завод», а фактически разросшаяся кустарная мастерская, не был национализирован сразу после Октября.

Хозяину была предоставлена возможность дальнейшей работы, конечно, под контролем государственных органов.

Но хозяин не стал работать с большевиками. Он пошел по пути саботажа и предложил завкому сократить рабочих и закрыть завод.

Мотив был такой: завод, де-мол, не выполнил в срок военный заказ, а поэтому пришлось уплатить 30.000 рублей неустойки и потерпеть большие убытки.

Ясно, что это была «липа»: генерал Петров просто не хотел работать с советской властью.

Завком согласился на закрытие завода, но при условии выплаты компенсации всем рабочим за 3 месяца вперед. Петров помялся, помялся и согласился...

30 апреля 1918 года завод был закрыт.

С этого момента — ровно год стоял завод. Помещение было использовано под пересыльный пункт для пребывающих из Германии военно-пленных...

И только после приказа о национализации завода, после того, как 12 мая 1919 года эвакуированный отдел военно-пленных освобождает помещение, завод снова начинает работать.

Вначале в помещении завода была база для ремонта автомобилей и гараж Бутырского райсовета.

В ноябре 1919 года из Ленинграда был эвакуирован в Москву механический завод «Однер». Вместе со станками и имуществом приехало человек 80 рабочих.

Оба завода слитые вместе, были переданы «Гознаку», который преобразовал завод в механические мастерские фабрик «Гознак».

Завод занимался всем, чем угодно: собирал 2 печатные машины, ремонтировал несгораемые шкафы и арифмометры «Однер».

Заржавленные штампы, ножницы, вальцовки, изломанные тиски и станки — вот картина завода в 1919/20 г.

С трудом восстанавливали завод вернувшиеся рабочие.

В конце 1920 или в начале 1921 года «Гознак» хотел законсервировать производство, т. е. попросту закрыть завод. Но этому решительно воспротивились рабочие. Единственный коммунист в то время на заводе Бухрашвилли; предзавкома Петров и другие написали письмо в «Правду». «Правда» письмо поместила и в результате этого завод не закрыли, а передали тресту «Трестпуть» (НКПС).

Вот в это-то время завод получает свое название «механический» и имя первого чекиста Феликса Эдмундовича Дзержинского.

С большим трудом в 1922 году старые рабочие завода пустили плитный цех.

Наконец в 1923 году завод передается тресту «Моссредпром», в составе которого он и находился по 1931 год.

Трест «Моссредпром» был не совсем обычный трест. Говорили, что он производит все — «от ковша до броненосца». И действительно: текстильные машины и ковши, кухонные плиты и арифмометры, котлы и свинцовая фольга для конфет — все это изготовлялось трестом.

Совмещать производство кухонных плит и арифмометров на одном заводе было чрезвычайно трудно. И все же после, того как в 1922—1924 гг. мы выпускали в год несколько штук арифмометров, в 1925, 1926, 1927, 1928 и 1929 гг. наряду с большим количеством плит — завод выпускает уже солидное количество арифмометров, исчисляющихся сначала в сотнях, а потом и в тысячах...

8

Уже в 1925—1926 гг. стало ясно, что арифмометры «Однер», выпускаемые заводом, устарели. В Москве стали появляться маленькие, изящные импортные арифмометры, с большим количеством разных усовершенствований. По сравнению с ними старый «Однер» казался чудовищем.

В конце 1926 года на заводе появились представители германской фирмы «Брунсвиг» с арифмометром «Брунсвиг-нова». Модель была замечательной во всех отношениях.

В разговорах с заводоуправлением немцы старались внушить мысль о том, что «где мол вам справиться с такой работой»...

...По заводу пошли слухи о концессии...

Но несмотря на то, что в партийной организации было тогда всего 50 человек, она сумела

дать четкий курс на освоение производства современного арифмометра собственными силами.

В феврале 1927 года по своему собственному почину, не дожидаясь конца затянувшейся переписки с трестом, завод приступил к проектированию арифмометра новой конструкции.

Работа была поручена группе молодых инженерно-технических работников под руководством тов. Маргулиса, кончившего ВУЗ в 1926 году.

Недоверие к начатой работе было огромное. Не только молодость работников, но и попытка изготовления целой новой машины... по чертежам (!) вызывала скептические усмешки.

Старик «Однер» изготовлялся без чертежей, на-глазок или по памяти, и иначе работу себе не представляли.

Прежде всего необходимо было найти образцы новейших арифмометров для ознакомления. В московских учреждениях был найден нового выпуска «Однер», «Ганновер» и «Фацит».

Решено было спроектировать машину, близкую по размерам шведскому «Однеру», но включить в нее все наиболее интересное из других образцов, не создавая в то же время слишком дорогого арифмометра.

Задача была сложная. Тем более, что партийная организация и заводоуправление считали необходимым к 7 ноября 1927 года собрать первую модель нового арифмометра.

Наконец были выполнены все чертежно-конструкторские работы. Необходимо было начать изготовление новых деталей, да еще по чертежам, к которым завод не привык. И здесь-то пришли на помощь квалифицированные рабочие, действительные энтузиасты советского арифмометра.

Токарь Лаушкин, комсомолец (теперь член партии), Хуто, слесаря Савельев В. А., Кузнецов и Маликов, вступивший недавно в партию фрезеровщик Карпов — вот те рабочие, которые изготовляли первые детали первого советского арифмометра.

В своем желании возможно скорее собрать первую модель — эти рабочие действительно делали чудеса.

Сложную работу по изготовлению шаблонов для профилей зубцов шесте-

Так приходилось обедать рабочим завода в 1928 году. Слева направо работницы з-да: тт. Павлова, Розенталь, Скворцова

ренки тов. Маликов выполнил чрезвычайно быстро и точно.

Расточку отверстий в стенках корпуса токарь Лаушкин выполнил вместе с инженером Маргулисом, впервые применяя на станке установку по плиткам Иогансона.

Особую трудность представляла собой изготовление шибера. Этот агрегат в первой модели был не составной, как теперь, а из одной отливки... В нем нужно было сделать 35 пазов точного размера и точного расположения друг относительно друга.

Эту работу выполнил тт. Карпов и Кузнецов.

Изготовление деталей первой модели близилось к концу... Приближались дни сборки — дни окончательной проверки всей проведенной работы.

Их, этих дней, ждали все. Скептики с полупрезрительной улыбкой (все равно ничего не выйдет!), рабочие и специалисты вместе с парторганизацией с надеждой и крепнущей с каждым днем уверенностью в победе.

Для окончательной сборки модели был выделен слесарь Маликов, который вместе с инженером Маргулисом просиживали на сборке с утра до позднего вечера.

В один из таких вечеров инженер и слесарь собрали модель. Осталось установить барабан. Слесарь его устанавливает и в тишине сборки (никого кроме них нет) две руки осторожно пробуют сделать первый оборот новорожденной машины...

Но... барабан ни с места! 2 первые шайбы сцепляются с промежуточными шестеренками, а чем ближе к левому краю машины, тем все больше и больше расхождения.

Инженер Маргулис нервничает. Слесарь Маликов волнуется. Но через несколько минут две головы склоняются над машиной в поисках причин неувязки...

Часовая стрелка близится к полуночи. Инженер и слесарь не замечают времени. И, наконец, причина найдена!— Барабанные шайбы изготовлены тоньше, чем указано на чертеже. У каждой не хватает от 0,05 до 0,15 мм.

Как быть?

Слесарь Маликов думает. Слесарь Маликов предлагает. И вот уже у электромонтеров разыскана Бергманская трубка и из латунной ее оболочки нарезаны тонкие прокладки для исправления ошибки.

Так обедают рабочие з-да Дзержинского в 1932 г. Общий вид столовой завода

...На следующий день модель собирается снова. Маргулис и Маликов снова и снова пытаются повернуть барабан.

... Но — четверть оборота — не больше!

Снова ищут инженер и слесарь новую ошибку. Наконец она найдена и так как она совсем небольшая, в этот же вечер она исправляется.

Снова две руки берутся за ручку и... модель делает свой первый полный оборот!

Цель восьмимесячной работы достигнута: без всякой иностранной помощи, не говоря уже о концессии, по чертежам сконструированный советский арифмометр.

7 ноября 1927 года. Ровно 5 лет тому назад был сдан первый «Феликс». Задание партии было выполнено!

9

Впереди перед заводом стояли еще более тяжелые задачи. Не прекращая делать «Однер» необходимо было освоить «Феликс» и запустить его в массовое производство.

В октябре 1928 года были впервые созданы цеха: барабанный, шиберный и корпусной, а в течение 1929 года сборка барабана и шибера была переведена на конвейерную систему.

В конце 1928 года из ряда уже имевшихся инструментальных бригад был создан инструментальный цех.

Несмотря на огромную работу, проделанную по внедрению «Феликса» в массовое производство — 1930 год завод закончил с 58% выполнением программы по арифмометрам.

В статье директора завода тов. Чугина, помещенной в заводской газете «Резец» от 6 ноября 1930 года вопрос был поставлен прямо: «программа на 1931 год — 30.000 «Феликсов». Для обеспечения этой программы необходима полная реконструкция завода».

И... в январе 1931 года завод резали. Резали хирургическим ножом. Большую, серьезную операцию перенес завод. Плановый поток деталей, переход сборки в новое просторное и светлое помещение, четкое разграничение цехов — результаты этой операции — реконструкции.

Весь коллектив в 1.300 человек рабочих, специалистов, служащих работал под лозунгом: «ударное проведение реконструкции — лучший подарок первой райпартконференции Октябрьского района».

«Резец» сообщал:

«Рабочие ремонтной бригады Угарова показывают образцы ударной работы. Работа по установке трансмиссий в шиберном цеху выполнена на 50% раньше срока.

От бригады Угарова не отстает и бригада Камкова. Установку трансмиссий, поделку швеллеров для мотора и установку мотора бригада закончила в 3 дня вместо шести».

Комсомольские и партийные субботники, массовая помощь одного цеха другому — вот чем характерны дни реконструкции...

Шел февраль. Снежный, морозный, неприветливый.

Завод выздоравливал.

Но людям не терпелось. Хотелось тут же, вот сейчас, на месте увидеть результаты. Хотелось увидеть крепкое, здоровое дитя реконструкции — 100 процентов. Но это... только хотелось.

«Резец» писал: «Мало, позорно мало!».

И вот тут-то, в холодные дни февраля родилась горячая идея производственной эстафеты.

21 февраля 1931 года на слете ударников был дан старт производственной эстафете.

Лозунгом марта стало «хватит». Хватит прорывов, хватит черных досок, позорных цифр, огромных статей во всех газетах, где во всех падежах склоняется слово «прорыв» и «завод им. Дзержинского».

И расставив людей по конкретным участкам производственной эстафеты — впервые в истории производства арифмометров «Феликс» под руководством парторганизации завод одержал крупнейшую победу. Месячная программа в 200 арифмометров выполнена на 100%.

10

«На квартиру к нам приехал командир,
На квартиру к нам заехал командир...

— несется по заводским корпусам песня.

Резко обрываешь свою собственную мысль, слишком далеко уплывшую от цеха, от работы, от цели.

Поворачиваешь остановившуюся было отвертку и повинуясь ей винт № 506 идет в постамент.

...Но песня не терпит, песня просится на волю. С ней, с песней — веселее и лучше идет работа, легче ходит в руках отвертка... Но думать, думать только о работе. Дисциплинировать не только руки — мозг.

* * *

Июнь 1931 года. Большой, недавно отстроенный корпус окончательной сборки наполнен гулом, шумом, стрекотом. Как на киноленте, которую слишком быстро вертит неумелый механик, мелькают озабоченные лица, стопки свежевыкрашенных, лакированных крышек арифмометра, разнообразнейший инструмент, груды синеных винтиков и снова лица, лица, лица...

Сборка штурмует последний день июня...

Я сижу в конце левого конвейера, за привинчиванием поддоников и резинок. Рядом со мной еще ребята, пришедшие как и я после своей смены — на субботник, на сборку.

Мне хорошо видны почти все склонившиеся над машинами лица, видна сводка, на которой каждый час отмечается сколько машин надо еще выпустить.

Думается: выполним ли?

К нашему столу подходит помощник директора тов. Уткин. Это человек, прошедший почетный, но уже совсем не редкий у нас в Союзе путь от слесаря до директора. Сейчас он работает начальником какого-то крупного строительства.

Несмотря на болезнь — Уткин всегда бодр, весел.

— Ну, как, Уткин, выполним? — спрашивает его молодая работница.

— Ты, да не выполнишь, — смеется Уткин.

Слесарь т. Кукушкин, активный участник октябрьских боев, красногвардеец. Выдвиженец на работу в контрольный отд. инструментального цеха

Я вижу по лицу его, что он хочет сказать еще пару хороших, бодрящих слов... Но его взгляд ловит напряжение в фигуре проверщика, сидящего за правым конвейером в другом конце цеха. Слишком долго возится тот с машиной, слишком нервно вертит он ручку, слишком глубокие морщины прорезали лоб молодого парня...

И почувствовав какие-то нелады — Уткин бежит туда. Его высокая худая фигура опускается рядом с парнем и вместе с ним склоняется над арифмометром.

А уже через несколько минут, когда я снова посмотрел в их сторону — Уткина уже не было там. Парень сидел выпрямившись, морщины сползли с лица и ручка арифмометра вертелась хотя и быстро, но равномерно...

В этот день на сборке — почти все. Тут и Ачильдиев, Маргулис — технические руководители завода, тут и рабочие из других цехов, там вон в углу склонилась над машиной плотная фигура директора завода Чугина, в дру-

Слесарь т. Маликов, собравший вместе с инженером Маргулисом первую модель „Феликса"

гом углу — Маруся Прокофьева, культработник завкома...

Но и сами сборщики работают сегодня по-боевому. И глядя на них верится в то, что выполним, обязательно выполним!

Разве отступит перед трудностями вон та старая, премированная ударница, поблескивающая очками, красильщица фибры Васильева?

Разве сдадут бригадиры Симонов и Сороченко?

Не сдадут, не отступят!

...Еще 29-го, еще 30-го весь завод говорил о плане в будущем времени — выполним.

А первого июля, когда рабочие утренней смены шли на работу — у ворот на доске висел плакат: «Задание на июль — 2.850. На 1 июля выпущено 2.850. План выполнен на 100 ».

II

Но у завода перед страной — старые долги. Долги, скопившиеся к декабрю.

5.211! Кто не знал этой цифры в декабре 1931 года?

Она была всюду: и на планкартах сменно-встречного, и на страницах «Резца» и на губах у мастера, комсомольца, инженера.

5.211 арифмометров,—или величайший позор вступления в 4-й завершающий год пятилетки с прорывом!

5.211 арифмометров — это почти удвоенная месячная программа.

По заводу ужом поползли разговоры, разговорчики, разговоришки...

— Где уж нам рыпаться...

— Не выполним, ясно...

— Тысячи три дадим — и то ладно!

Но партия, комсомол, ударники, передовые инженеры твердо заявили:

— 5211 и ни одной меньше!

Это были не только слова. Начиная от секретаря ячейки Баскаева, кончая любым беспартийным ударником, сознающим всю политическую важность этой борьбы — никто по целым дням буквально не уходил из цехов.

Пом. зав. шиберным цехом Новиков, с тепературой 38 с десятыми, три дня не выходил из цеха.

Мастер корпусного, старый коммунист Федоров дежурил в цеху дни и ночи.

Комсомолец Найденов по нескольку смен простаивал у станка взамен больного сменщика.

Декабрь решал судьбу года — это понимал каждый.

Весь комсомольский актив завода в декабре чувствовал себя мобилизованным. Делом, конкретным устранением мельчайших неполадок, надо было штурмовать декабрьскую программу.

... Но не только комсомольский актив дрался за декабрьский план. Дрались, да еще как дрались и рядовые комсомольцы. Об этом ярко говорит тот факт, что все 29 молодежных бригад закончили декабрьскую программу досрочно.

За образцовую работу молодежная бригада 1-го узла шиберного конвейера премирована первой премией по заводу, а молодежная смена штамповки — второй.

... К концу декабря выясняется, что корпусной цех настолько узкий участок, что может сорвать выполнение плана всего завода.

...В цеху нет литья. И комсомольцы предлагают выпустить сталинский заем по доделке из окончательного брака литых деталей...

Не было ни одного рабочего в цеху, который бы не имел в те дни облигации сталинского займа. Путем займа сборка получила нужное ей количество постаментов, стенок и других деталей...

31 декбря 1931 года в 11 ч. 20 мин. утра сборка рапортовала: 5211 арифмометров есть!

А к концу рабочего дня было выпущено еще 60 машин. План третьего решающего года пятилетки завод выполнил на 100,2%.

Есть заводы-старики. Сто, двести, а то и больше лет стоят они, молчаливые свидетели побед и поражений, наступлений и отступлений, напряженного спокойствия и беспощадной борьбы класса с классом...

Есть заводы-юноши, даже дети. Пять лет, три года, а то и месяцы и даже дни — их возраст. Их рождение — великий праздник для людей, делающих невиданное в мире дело...

Механический завод счетных машин им. Ф. Э. Дзержинского не принадлежит ни к тем, ни к другим.

И все же несмотря на свои 52 года — он может с полным правом считать себя детищем Октября.

Это она Октябрьская революция, позволила маленькой кустарной мастерской кухонных плит вырасти в большой, единственный в СССР завод счетных машин, с 2 000 рабочим коллективом, с четырьмя сотнями коммунистов и четырьмя сотнями комсомольцев...

Это она, Октябрьская революция дала рабочим собственный совхоз, вновь отстроенную столовую, крольчатник, огороды, клуб, стадион, усовершенствованную амбулаторию, образцовые ясли и детский сад, опытно-показательную подшефную школу...

Это она, Октябрьская революция, дала возможность заводу в 1931 году выпустить 30.060 советских арифмометров «Феликс», а в 1932 г. успешно выполнить 10-месячную программу из расчета 40.000 программы.

Это она, Октябрьская революция, позволила заводу поставить себе боевую задачу — освоить производство новой счетно-клавишной машины «МОНРОЭ», для производства которой будет строиться завод, превосходящий по размерам существующий.

Это ее, 15-ю годовщину Октябрьской революции, встречают дзержинцы в первых рядах пролетариев Октябрьского района!

Ф-ка им. П. Алексеева. Новые корпуса для рабочих

В. Цыганов
М. Зиновьева

Из истории фабрики

имени ткача Петра Алексеева

Налево от стального кольца, которым заканчивает свой длинный извилистый путь трамвай № 12, там, где его рельсы почти стыкаются с полотном железной дороги, у станции Лихоборы — на пригорке раскинулись красные четырехэтажных корпуса суконной фабрики им. Петра Алексеева.

История возникновения этой фабрики — одной из старейших не только в Октябрьском районе, но и во всей Москве — похоронена в седых заплесневелых архивах прошлого. И только скудные обрывки старинных документов позволяют восстановить кое-что из минувших давних времен.

Известно, что еще во второй половине восемнадцатого столетия, в годы царствования прославленной своим утонченным самодурством и деспотизмом коронованной распутницы Екатерины II, здесь было имение некого генерала. Он верноподданнически выполнял социальный заказ укреплявшейся тогда в России торгово-промышленной буржуазии, требовавшей захвата новых рынков для сбыта своих товаров. Такую именно цель преследовали многочисленные войны, которые вела Екатерина II с турками. Генерал активно участвовал в этих войнах. В память о своих «подвигах» он выстроил у себя в имении башни и стену на турецкий образец. Часть этой стены и несколько башен сохранились до сих пор, придавая территории фабрики вид какой-то старинной крепости. Сохранились также фабричные пруды и болото около фабрики, которые значатся еще в земельных планах 1763 года.

1861 год. К этому времени относятся первые обнаруженные документальные сведения о фабрике. В скупых словах и цифрах они отображают чудовищную действительность тогдашних условий существования рабочего класса в России.

На фабрике работало 500 человек. Все основные процессы производства были построены на ручном труде: из 70 ткац-

Подмастер ф-ки т. Арсеев, премирован за лучшее качество

ких станков было лишь 18 механических, причем они проводились в движение паровой машиной мощностью в 20 сил. В таких условиях адского изнурительного труда, основанного на искусстве человеческих рук, при 12—14-часовом рабочем дне и буквально нищенском грошевом заработке — в условиях безудержной хищнической эксплоатации медленно развивал свое производство первый владелец фабрики — Василий Иокиш.

Но это еще далеко не все.

С первых лет основания фабрики вплоть до 1913 г. на ней существовали самые неприкрытые крепостнические отношения. Тяжесть их падала в первую очередь на работниц. Администрация фабрики, начиная с ее владельца и кончая последним мастером, приказчиком, имела право в любой момент взять понравившуюся им работницу с производства для своих личных надобностей. Эти «личные надобности» толковались очень широко. Часто трудовой день работницы не ограничивался двенадцатью часами работы на производстве, выматывавшей все силы, а продолжался до поздней ночи в кухне у мастера, или около его ребенка. Работница была не только ткачихой. Она была и кухаркой, и нянькой, и прислугой для администрации и горничной во время званых обедов или вечеров.

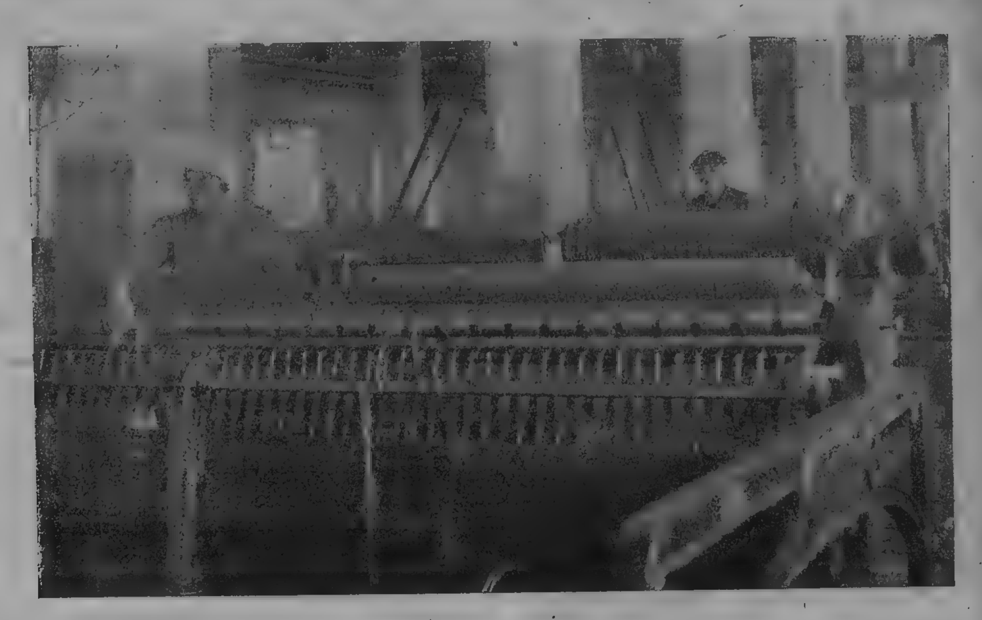
Разумеется, никакой особой платы за эту унизительную работу она не получала. Работать на хозяев безвозмездно считалось прямой и безоговорочной, освященной богом обязанностью «низшей касты». Работница должна была быть бесконечно довольна, если мастер или приказчик оставлялся удовлетворен ее услугами. Ведь так уж было заведено издревле!

Владельцы и руководители фабрики искусно заманивали в свои сети тянувшихся в города из нищей, крепостнической, задавленной нуждой «рассейской» деревни крестьян. Бывший хозяин фабрики Иокиш выстроив для своих рабочих казармы, выписывал крестьян целыми деревнями и селил их там вместе с семьями. И они жили — жили в самых нечеловеческих условиях, по 10—12 человек в крохотной коморке — потому, что некуда было больше деваться.

Заработок, как правило, выдавался не деньгами. Вместо них рабочие получали так называемые заборные книжки, по которым забирали продукты втридорога, из лавченок, принадлежавших тому же владельцу фабрики.

Техорук ф-ки т. Ефимов, премирован за успешную организацию борьбы за качество продукции

Ф-ка им. Петра Алексеева

Понятно что такая искусно построенная система закабаляла рабочих с ног до головы, крепкими цепями приковывала их к фабрике, к хозяину. Уйти было нельзя, да и некуда. Здесь же при фабрике рабочие и работницы жили, женились, выходили замуж, рожали детей, воспитывали их, здесь же умирали. То же самое проделывали их дети...

Большие прибыли, выколачиваемые хозяевами фабрики в результате этой безудержной циничной эксплоатации, позволяли расширять производство.

В 1877 году на фабрике уже 53 механических, 102 ручных ткацких станка и 2 310 прядильных веретен. Число рабочих достигает 719 человек, из них 459 мужчин, 177 женщин и 83 человека детей. Общая стоимость выпущенной за этот год продукции составляет 865 тысяч рублей, причем значительная часть вырабатываемого товара идет военному ведомству.

В 1892 году число механических ткацких станков увеличивается до 108, а мощность паровой машины — до 200 индикаторных сил. Соответствующим образом растет и выработка продукции.

Темные, забитые деревенские массы, политически слепые и неорганизованные (единственной «общественной» организацией, которая допускалась на фабрике, был певческий кружок, проявлявший свою активность на клиросе), которые представляли собой подавляющее большинство рабочих, не могли быть в те времена серьезной революционной силой.

Однако мощная революционная волна 1905 года докатилась и до них. К этому году относится первая в истории фабрики забастовка с требованием увеличения зарплаты. Но забастовка эта проходила неорганизованно. Продолжалась она три дня и реальных результатов не дала.

Все же чрезвычайно низкая заработная плата рабочих, не превышавшая 9—15 рублей в месяц, при наличии каторжных условий труда и быта не могли не революционизировать рабочую массу фабрики Иокиш. Последовавший после 1905 года период был периодом роста ее классового самосознания и зрелости.

В 1905 году рабочих фабрики еще приходилось уговаривать бросить работу и поддержать забастовочное движение на передовых предприятиях.

Второе выступление рабочих, более настойчивое, решительное и подготовленное снизу, имело место в октябре 1913 года. Рабочие снова потребовали повышения оплаты труда. Сломленные

Старейшие производственники фабрики

их стойкостью владельцы вынуждены были пойти на уступки. Правда они были крайне ничтожны (большинство прибавок зарплаты не превышало 50 копеек в месяц, опускаясь в отдельных случаях до 20 коп.), но политическое значение достигнутой победы было велико.

В том же самом году на фабрике происходила и так называемая предпринимательская «революция».

Остатки самых откровенных крепостнических отношений, о которых мы говорили выше; прадедовские принципы ведения производства; исключительно отсталая техника — все это сковывало производство, не давало ему возможности быстро развиваться и в то же время вызывало резкое негодование рабочих, грозившее вылиться в активные формы.

Один из многочисленных Иокишей, племянник хозяина фабрики, окончивший несколько текстильных учебных заведений в Австрии и Англии и по возвращении оттуда назначенный техноруком фабрики, видел это особенно ясно. Он понял, что больше так нельзя работать, что фабрика не дает владельцам и половины той прибыли, которую может давать. Этот молодой хищник оказался более дальнозорким капиталистом, чем его предшественники и совладельцы.

Он решил коренным образом перестроить работу на фабрике. В первую очередь он отменил остатки крепостничества, которые, не принося никакой выгоды хозяевам, сильно возмущали рабочих, снижая производительность их труда. Понимая что нельзя больше выжимать сок из рабочих допотопными способами, он ввел более утонченные и современные методы эксплоатации, провел частичную капиталистическую рационализацию производства и принял меры к улучшению самых элементарных бытовых условий рабочих.

Но все эти капиталистические нововведения были встречены в штыки восне администрацией фабрики. Они показались ей «слишком революционными». Особенно не хотелось расставаться мастером с их старинными привилегиями, заключавшимися в праве ис-

Тов. Фирсова, инструктор ткацкого цеха ф-ки, премированная ударница

Тов. Бирюков, мастер выдвиженец, и тов. Фурсов, сукновальщик, премированы за лучшее качество работы

пользовать работниц в качестве даровой домашней рабочей силы. Конфликт между ними и хозяйским племянником вылился в такие острые формы, что последний был отстранен от обязанностей технорука и даже подвергнут... домашнему аресту.

А ведь этот «революционер» заботился всего лишь о том, как бы поднять доходность фабрики, выколачивать из нее побольше капиталов!

В цехах ф-ки П. Алексеева

Империалистическая бойня оказалась весьма «хлебным» предприятием для фабрики, работавшей на военное ведомство. Оборот фабрики сильно вырос. В 1915 году выработка ее составила 789.340 метров на сумму 3.326.931 рубль, а в 1917 году в связи с ростом цен, стоимость выработанного товара больше чем удвоилась.

Октябрьская революция застала фабрику уже в руках новых владельцев. В ноябре 1916 года т-во Иокиш продало ее компании московских фабрикантов—богачей, во главе со Второвым и Каштановым. Последний поставил у руководства фабрикой своего близкого родственника, совершенно незнакомого с производством и ткацким делом. Свою «плодотворную» деятельность новый директор начал с полной ломки всей налаженной производственной машины. Старые опытные технические силы увольнялись без всякого разбора. На их места принимались новые люди, не имевшие представления о ткацком производстве. Главная бухгалтерия зачем-то

была переведена в Москву и это сильно тормозило счетную работу.

В итоге к моменту Октябрьской революции фабрика оказалась в полном развале. Квалифицированных технических сил на ней уже не было, хорошо подготовленных опытных рабочих — тоже. Таким образом когда был опубликован декрет о национализации промышленности, некому было по-деловому возглавить и организовать производство вновь. Фабрично-заводские комитеты не могли справиться с этой сложной задачей и переизбирались чуть-ли не каждую неделю. Среди технического персонала большинство отрицательно отнеслось к октябрьскому перевороту и тайно или явно саботировало, отказываясь твердо взяться за восстановление фабрики.

За этот год фабрика резко снизила выпуск продукции, который составил всего 437 590 метров.

В конце 1918 года ячейка вплотную занялась подбором рабочего управления фабрикой. Представители старой администрации были из него окончательно удалены. Руководство фабрикой впервые перешло к первому рабочему правлению в составе тт. Галкина П. А., Титова Я. Н., Щелкановцева П. А., Бунина К. И. и Лобова. Фабрику взял в свое ведение Главтекстиль.

Яркое воспоминание об этих тяжелых для производства днях оставил т. Я. Н. Титов — активнейший член рабочего правления, а затем — первый красный директор фабрики. Вот что он пишет:

«Старое правление (речь идет о последних хозяевах фабрики) приготовилось к полной сдаче, т. е. за 4 месяца до утверждения рабочего правления фабрику остановило и старалось этим показать, что вот пущай новые хозяева пустят фабрику, пущай сумеют делать то, что делали мы. Я надеялся на наш Главк (Главтекстиль), но вышла громадная ошибка. Этот Главк для нас был чужд, никому не секрет, что в этом Главке, служили старые фабриканты и изгнанные с фабрик директора и заведующие, которым с нами было не по дороге...»

Фабрика остановилась из-за отсутствия топлива и стояла весь 1919 год. Вместе со всей страной она переживала незабываемые годы хозяйственной разрухи. Молчали фабричные гудки. Не дымились трубы. В немом оцепенении застыли машины. Тогда на бесчисленных фронтах гражданской войны в смертельных схватках с классовым врагом, героические отряды голодных, раздетых рабочих и крестьян кровью утверждали самостоятельное существование невиданной в мире страны победоносного пролетариата.

В цехах фабрики

Фабрика оголилась. Последние из оставшихся технических сил разошлись, поступили на работавшие предприятия. Много квалифицированных рабочих ушло на фронт. Не было технического присмотра за фабричным оборудованием — и оно портилось, разрушалось до основания.

Но решающим оставался вопрос о топливе. Запасов сырья было много. Их накопили бывшие владельцы ф-ки. Надеясь на кратковременность октябрьской победы и на возвращение былого благополучия они, как Плюшкин, скупали у фирм, спешивших ликвидировать свои дела, все, что только подвернется под руку. Дрова, уголь, нефть — они должны были согреть живительной тепловой энергией закоченевшие фабричные корпуса и машины. Без этого нельзя было и думать о пуске фабрики.

Началась длительная, настойчивая, упорная борьба за топливо. Рассчитывать на Главтекстиль, как показало прошлое, не приходилось. Нужно было изыскивать ресурсы самим. Ровно пять месяцев продолжались переговоры на этот счет с Москвотопом. Наконец в мае удалось получить разрешение и дружными силами всех оставшихся рабочих заготовить

дрова. Пролетарская воля к победе обеспечила пуск фабрики.

Сначала работа налаживается туго, медленно, с большими перебоями. Ежемесячная выработка в первые годы не превышает 30.000 метров. Изношенность оборудования, нехватка квалифицированной рабсилы очень больно дают себя знать.

И лишь постепенно, шаг за шагом развертывает фабрика свое производство. В 1923 г. выпускается в среднем ежемесячно около 40.000 метров, в 1924 году — 42.700 метров. 1926/27 годы дают резкий скачок вверх (около 100.000 метров в месяц). В дальнейшем кривая роста продолжает неуклонно повышаться и достигает в 1931 году 196.167 метров ежемесячно.

1931 год — победный год для фабрики. Она превысила на 36,9 проц. производственные наметки пятилетнего плана.

За девять месяцев нынешнего года ф-ка выработала 1.808.404 метра сукна, что составляет 200.934 метра в месяц. Число рабочих к 1932 году возросло до 1.174 человека.

С 1928 года начались серьезные работы по реконструкции ф-ки. За четыре года на нее было затрачено свыше миллиона рублей. Старые темные неприглядные помещения превратились в светлые чистые цехи, оборудованные по последнему слову техники.

Жилищный вопрос на ф-ке всегда стоял чрезвычайно остро. После революции часть рабочих получили квартиры в помещениях быв. Головинского монастыря. Затем на средства ФУБР вырос новый 4-этажный жилой дом. В нынешнем же году проведены крупные работы по перестройке двух больших домов казарменного типа на квартирную систему с надстройкой на каждом двух этажей. В проклятое прошлое уходит старая заплеванная, загаженная казарма. На смену ей пришли новые светлые квартиры с водопроводом, электричеством и всеми удобствами.

При Иокишах и Каштановых единственным местом развлечения рабочих служила фабричная баня, в которой наиболее ретивые затейники разыгрывали допотопного «Царя Максимилиана».

Сейчас рабочий отдыхает в большом уютном фабричном клубе. К его услугам радио, газеты, журналы, книги, шахматы и шашки, лекции и беседы, спектакли и киносеансы. Один только зрительный зал клуба вмещает свыше 600 человек.

Детские ясли ф-ки П. Алексеева

Рядом с фабрикой стоит красивый двухэтажный каменный дом. Здесь жили хозяева. Сами они вдвоем занимали весь низ, что-то около 10 комнат. На втором этаже обитал брат хозяина с женой.

Сейчас хозяйский дом превращен в очаг нового быта. В нем размещены ясли и детский сад — около 500 чел. ребятишек.

Жульнические лавченки, в которых Иокиш некогда заставлял рабочих втридорога покупать продукты питания, теперь заменил собой закрытый рабочий кооператив.

А на берегу пруда, принадлежавшего в екатерининские времена бравому сол-

В цехах фабрики

дафону, расположились созданные руками самих рабочих крольчатник, птицекормочный пункт, грибницы, овощехранилища — мощные резервуары дополнительного рабочего снабжения.

В страницы своей послеоктябрьской истории фабрика Петра Алексеева вписала не одну славную страницу.

В 1928 году она взяла первенство в социалистическом соревновании по производственным показателям с фабрикой «Шерстьсукно», за что была премирована 100.000 рублей.

Нынешней весной фабрика пережила тяжелую полосу прорыва в связи с переходом на суррогатированное сырье. Быстро прыгнула кверху кривая брака. Позорная цифра достигла 7,5 процентов.

С таким позором фабрика не могла смириться. Его нужно было смыть во что бы то ни стало. Большевистскими усилиями всего коллектива ф-ки во главе с новым руководством прорыв был блестяще ликвидирован — процент брака сведен до 0,57.

Сейчас рабочие фабрики под руководством тесно спаянной партийной организации кладут все силы на выполнение решений сентябрьского пленума ЦК. Они знают, что борьба за всемерное увеличение выпуска товаров ширпотреба является в настоящее время одной из решающих задач соцстроительства, В ответ на решения партии они обязались перевыполнить свой план.

И они добьются этого, как уже неоднократно добивались крупных производственных побед в прошлом.

Мих. Лучанский

От тюремной мастерской к заводу одежды

Огромная шестиэтажная красная скала высится над окружающими домиками и развороченными улицами. Это — фабрика Москвошвей № 3. Но оглянемся назад, посмотрим, как выглядит применительно к Третьей фабрике Москвошвея старое: «кем ты был и чем стал, и что есть у тебя»... А для «Третьей» это звучит как гордый, победный итог.

Восемнадцатый год застает Третью фабрику Москвошвея... в тюрьме. В дореволюционной России, как свидетельствуют старые швейники, поддерживаемые деловитыми строчками Малой советской энциклопедии, фабричной швейной промышленности не существовало вовсе, если не считать нескольких военных фабрик. Швейное дело было сосредоточено в небольших мастерских ремесленного типа или у отдельных кустарей-одиночек. В большинстве мелкие мастерские работали на крупные торговые фирмы. Сейчас уже трудно себе представить бытовые условия, в которых находились рабочие этих мастерских, подвергаемые двойной эксплоатацией — своего хозяина и заказчика-магазина.

С Октября семнадцатого года началась национализация этих мастерских, и в 1918 году в бывшей швейной мастерской Бутырской тюрьмы зарождается «Третья Москвошвея», предназначаемая для шитья мужских костюмов.

За решотками бутырских окон, в холодном и сыром помещении на первом году пролетарской революции работало сперва 300, а затем уже около 600 человек. Нельзя сказать, чтобы в стенах тюремной фабрики собрались пятнадцать лет тому назад подлинно рабочие элементы. В составе рабочих молодого советского предприятия преобладали недавние хозяева тех самых кустарных мастерских, с об'единения которых начала революция, антисоветски настроенные кустари, скрытые и замаскированные недруги пролетарской власти. На фабрике работали даже... монашки, спешно надевшие на себя маски пролетарок.

А коммунисты? Вся партийная организация «Третьей Москвошвея» состояла тогда, пятнадцать лет назад, из четырех человек (трое мужчин и одна женщина), собиравшихся для обсуждения своих дел на... кухне. «Усядемся все четверо вокруг кухонной плиты, — рассказывает одна из старейших работниц и коммунисток фабрики т. Ткачева, — и обсуждаем наши партийные и производственные дела: как нам дальше строить фабрику, как вести партийную и советскую работу...»

Сейчас общественные организации фабрики занимают почти весь шестой этаж нового здания. Свыше чем трехтысячный рабочий коллектив «Третьей Москвошвея» сцементирован почти полутысячной парторганизацией, расширяется и крепнет производство, обуча-

Фото Е. Микулиной

Лучшие ударники ф-ки Москвошвей 3 — тт. Ткачева, Карташев и Щерганова

ются и крепнут новые и новые пополнения.

Но именно с разномастного и малонадежного человеческого материала, примитивного оборудования, слабого технического руководства, с коммунистической ячейки из четырех человек начинается история фабрики, в полном смысле слова рожденной революцией.

Годы роста

История дальнейших лет работы фабрики — это, в основе, мучительная и радостная история роста фабрики.

В годы военного коммунизма «Третья Москвошвея», как и все советские фабрики, управлялась коллегиально. С 1921 года фабрика была переведена на единоличное управление, в нее была влита квалифицированная струя рабочих с двух других швейных фабрик, и «Третья» начала свой быстрый рост. В 1923 году на фабрике работало уже 850 человек. Первый год пятилетки (1929) застает на фабрике 1 500 человек, последний ее год, как было сказано, — свыше трех тысяч.

Вместе с фабрикой росла и ее партийная организация. К четырем коммунистам 1918 года прибавились в следующем году еще одиннадцать; первый год нэпа (1921) дал ячейке еще четырех человек; в первый год пятилетки «Третья» имела 245 коммунистов, сейчас (октябрь 1932) насчитывает 480 человек с оформленным партийным комитетом.

О росте производственной программы фабрики лучшее представление дадут те же основные цифры — бесстрастный, но самый убедительный свидетель большевистских дел и побед. Не к чему обращаться, разумеется, к самым истокам четырнадцатилетней истории «Третьей». Скажем только, что в 1924 г. производственный план фабрики составлял 2¾ млн. руб., в 1928 году — около 17 млн. руб., а план этого года почти 55 млн. руб. Больше чем вдвое выросла за последние семь лет и производительность труда каждого рабочего, сумма его выработки.

Чем объясняются производственные успехи «Третьей Москвошвея»?

В громадной степени — последовательно проводимой на фабрике механизацией производственного процесса, улучшением оборудования, подготовкой новых квалифицированных кадров. Вместо старых машин тюремной мастерской «Третья» работает сейчас при помощи тысяч разнообразных машин, из которых некоторые (например спецмашина модель 7, для так называемой потайной — незаметной — строчки) представляют очень сложные механизмы.

Было бы, однако, неверным ограничиться одной только количественной характеристикой машинного оборудования, собранного в шестиэтажном гиганте на Новоистоминском проезде. Еще шесть лет назад значительная часть оборудования фабрики была импортной. Сейчас многие ее механизмы снабжены уже знаками советских заводов, сконструированы советской техникой. Но о них — ниже.

Год за годом вырастала фабрика, и ее рост распирал старые стены с тюремными решотками и холодными полами. В 1930 году фабрика начала строить для себя новое здание и в июле прошлого года переехала в новый, устроенный по всем правилам современной заводской техники шестиэтажный корпус, стоивший без малого 3 млн. руб.

Однако «мертвый хватает живого». Как гордо ни высится шестиэтажный красавец над окрестными домиками, как весело ни блестят на солнце его бесконечные стекла, — к фабричному корпусу «Третьей» в осеннюю пору с трудом удается пройти и почти невозможно подъехать. Надо думать, что фабрика, с бою взявшая столько препятствий, преодолеет и эту грязевую блокаду окружающего ее бездорожья, один из многих досадных контрастов с невиданными темпами общей стройки.

Рис. Л. Зильберштейн

Тов. Карташев

Одна из трех тысяч жизней

Следует рассказать здесь хотя бы об одной из работниц фабрики («Третья Москвошвея» — почти «женская» фабрика: из 3 000 человек почти 80% — женщины), — без этого не понять ни секрета успехов фабрики, не почувствовать внутренних пружин ее постепенного роста.

Конечно далеко не все работницы «Третьей» имеют за плечами такую богатую революционными событиями и делами жизнь, как Мария Александровна Ткачева, уже хотя бы потому, что значительная часть работниц фабрики — молодежь, а Ткачевой уже сорок три года.

До революции с двенадцати лет она работала на фабрике Белова. Это была ткацкая фабрика, имевшая небольшой швейный отдел, в который поступила приехавшая в Москву Маруся. («До сих пор помню, как послала матери в деревню первый заработанный рубль», — улыбается Ткачева). Первую революционную закалку она получила в 1914 году, участвуя в забастовке, устроенной как протест против грубого обращения с работницами. Белов выгнал пятнадцать человек за ворота. Среди них была и Ткачева.

Пошли наниматься на другую фабрику, к Сумину. Там, узнав, что нанимающиеся пришли с фабрики Белова, сперва отказали в приеме: «Знаем беловских! Там забастовщики». Потом «смилостивились»: каждый день работы на войну приносил огромную прибыль, а

рабочих не хватало. В виде «одолжения» приняли, но заставили делать двойную работу: днем шить, а ночью браковать патронные сумки.

— Платили мало, а канители было много, — отчеркивает эту страницу своего прошлого собеседница.

Пришла Февральская революция.

— Не знаем, чем и как кончится в Петрограде, — сказала Ткачевой большевистский организатор, Прасковья Ивановна. — Но ты поди, собери челноки со всех машин, пойдем в Астраханские казармы брататься с солдатами.

— Ни одну сволочь не выпускать из казарм! — кричал офицер во дворе. Среди пришедших в казармы «сволочей» была и Ткачева с фартуком, в котором были завязаны челноки от всех швейных машин. Солдаты не исполнили офицерского приказа. Они убили своего начальника и вместе с рабочими вышли на Красную площадь.

Потом — пролетарская революция. Отрезанная от Украины, Волги и Сибири, рабочая Москва была стиснута кольцом фронтов и голода.

— Хлеба не было. Надо было ехать на продразверстку. У меня не было ни мужа, ни детей. Я вызвалась поехать на разверстку...

По собственному желанию Ткачева отправляется за хлебом, чувствует на собственной спине весь разворот классовой борьбы в сибирской деревне.

Вернулась. Вступила в партию. В двадцатом — на новый фронт, отражать натиск белых. В двадцать втором, после Южного фронта, демобилизовалась и снова вернулась на фабрику, в прежние стены бутырской тюремной мастерской.

— С тех пор и работаю без перерыва на нашей фабрике, — заканчивает свой рассказ Мария Александровна.

В этом году Ткачева во время отпуска поехала в деревню проводить собрания по коллективизации. Часто и много выступала, сильно горячилась, спорила.

Такова в самых скупых словах биография старой кадровой работницы и коммунистки «Третьей». Эту биографию можно дополнить сходными биографиями рабочего Карташева, работницы Разумовой и многих других. Подобных биографий на фабрике, как и на других советских предприятиях, немало. По этим жизням и следует рисовать основные контуры уходящих пятнадцати лет пролетарской диктатуры, — лучшее «наглядное пособие» для нашей рабочей молодежи.

Рис. В. Халанай

Тов. Обручников ударник ф-ки Москвошвея. 3

Сегодняшний день фабрики

— Сложная работа на нашей фабрике. Много разнообразных моделей и фасонов да еще поручили индивидуальные заказы, — говорят в ячейке и в завкоме «Третьей».

И действительно, производственная программа фабрики на этот год крайне разнообразна. Предназначенная для массовой одежды, «Третья Москвошвея» сового конвейерного производства гошьет сейчас и индивидуальные заказы, и экспортные товары, и массовую — преимущественно женскую — одежду. В большом количестве она шьет еще одну модель: стоящие на наших перекрестках милиционеры в новой серой шинели тоже одеты в продукцию «Третьей». На производстве обмундирования для милиции Москвы и других городов за-

нято несколько бригад — до 240 человек.

В этом году в технологическом процессе фабрики была произведена крупная реформа. Вертикальная система производства была заменена горизонтальной. Раньше весь закройный материал подавался со складов наверх, на пятый этаж, пробегая по конвейерам, скользя по спускным люкам, внизу превращался в готовое пальто, костюм, платье. Сейчас каждый этаж представляет собой законченный цех, в свою очередь разделяющийся на «цепочки» — ряд рабочих мест, дающих законченную продукцию. Каждый этаж-цех имеет несколько таких «цепочек». Эта перестройка производства с вертикали на этажи-цехи была вызвана переходом на индивидуальные заказы, требующие большой тщательности работы, и облегчила ее учет, искоренила обезличку.

Однако введение индивидуальных заказов несколько сжало объем механизации на фабрике, — значительная часть работ выполняется сейчас вручную, потребитель-индивидуал потребовал усиления технического инструктажа.

Но механические помощники, которыми гордится вся фабрика и которых на ней несколько тысяч, выполняют огромную работу.

Вот «Истмен» — машинка для резки материала. На столе лежит сорок слоев ватина и подкладки, на которые положена картонная выкройка-модель. Пожилой закройщик быстро водит по выкройке небольшой, деловито стрекочущей машинкой. Точно нож сквозь слоеный пирог, она хлопотливо прорезает все сорок слоев материала. Через минуту уборщица подбирает обрезки. Сорок комплектов шинельных пол готовы для следующей операции. Хлопотливая машинка была привезена из Америки. Но в этом году техбаза Москвошвея сконструировала три таких, уже советских машинки, которые и применяются на фабрике.

Вот гофпресс — другой «американец», постепенно вытесняемый своими, уже советскими близнецами. На специальной подставке лежит одной половиной готовая, но еще не проглаженная шинель. Быстрым движением рабочий опускает на нее сверху металлическую плитку. Сочный звук, шипение пара, пятисекундная пауза — и половина шинели тщательно и точно отглажена быстрым механическим гладильщиком. Эти гофпрессы тоже были сперва привезены из Америки, но сейчас импорт их приостановлен. Советский союз борется за экономическую независимость, и «Третья

Рис. В. Халаная

Ф-ка Москвошвей 3. Резка ватина

Москвошвея» получает гофпрессы уже не от заокеанских фабрикантов, а с советских заводов.

С чем „Третья“ встречает пятнадцатый Октябрь

После всего, бегло рассказанного, на это также можно ответить краткими деловыми фактами.

К пятнадцатой годовщине диктатуры пролетариата «Третья Москвошвея» подходит со спаянным трехтысячным рабочим коллективом, во главе которого стоит полутысячная растущая партийная организация, с 64 хозрасчетными бригадами, охватывающими 1 750 человек, с двухтысячной колонной ударников.

Работает изобретательская и рационализаторская мысль. За последние два года рабочие предложения на фабрике сэкономили Стране советов 48 700 руб. за 1931 год и почти 73 000 руб. за 1932 год. Как премию за рабочее изобретательство работницы и рабочие «Третей» получили 7 000 руб. в прошлом году и свыше 2 000 руб. — в этом.

В первом полугодии 1932 года фабрика выполнила свой промфинплан на 102%. С июля, правда, «Третья» допустила большой прорыв, — план был выполнен только на 79%. Но:

«Мы обязуемся:

1. Выполнить полностью по всем показателям программу третьего квартала.
2. Закончить годовой промфинплан досрочно к 20 декабря.
3. К пятнадцатой годовщине Октября совершенно ликвидировать внутренний брак и повысить качество выпускаемых изделий, сделав их целиком отвечающими требованиям потребителя.

...7. Выпустить к пятнадцатой годовщине Октября ширпотреба на 130 000 руб.», — обязуются рабочие и ИТР фабрики в ответ дзержинцам и ленинградцам.

«Слово большевика — серьезная вещь» (С т а л и н). И путь, проделанный «Третьей» за эти годы, — путевка тому, что обещанное будет выполнено в указанные сроки.

Борьба за рабочее снабжение — борьба за промфинплан?

Этот лозунг подхватила вся рабочая страна. Подхватила его и «Третья Москвошвея». И, проводя его в жизнь, фабрика уделяет большое внимание созданию собственной продовольственной базы.

«Третья Москвошвея» имеет свой совхоз с 600 га земли, 115 головами крупного рогатого скота, 600 кроликами, мельницей, лесопилкой; огород в 20 га (по Савеловской железной дороге); два ЗРК — один рядом с фабрикой, другой — на Новослободской, где проживает большинство рабочих фабрики.

Заботится «Третья» и о культурно-бытовом обслуживании своих рабочих. Имеет собственный дом отдыха на 50 человек (Ярославская железная дорога) и две комсомольских дачи. И свою амбулаторию. И красный уголок. И библиотеку. И радиоузел (все цехи фабрики радиофицированы). И учебный комбинат с 300 учащихся.

Вместо заключения

Кратко описанный путь «Третьей Москвошвея» — от тюремной мастерской у Бутырской заставы до величественного корпуса в Новоистоминском проезде — нелегкий и радостный путь всего ее рабочего коллектива, всей ее партийной организации.

Сейчас «Третья» — на перевале. Сзади — многое; впереди ждет еще большее. Разве не такова и вся наша революция, пятнадцатилетие которой празднует фабрика вместе со всей страной, — революция, подошедшая вплотную к пятилетке построения бесклассового общества? К этой стучащей в наши двери второй пятилетке уверенно и бодро поворачивает свое лицо и «Третья Москвошвея» — московская фабрика, вызванная к жизни великой Октябрьской революцией и вносящая маленькие внутренние революции в свою, собственную производственную жизнь.

Ал. Москвитин

РОЖДЕННАЯ ОКТЯБРЕМ

(Заводская хроника)

Поиски материалов

1

Если вы пишите историю фабрики или завода, существовавших до революции, лучше не ройтесь в дореволюционной справочной литературе. Вы не найдете там того, что вы хотели бы.

Лучше всяких Брокгаузов и Ефронов даст справку рабочий-старожил фабрики или завода. Его показания значительно надежнее тех сомнительных документов, которые оставили после себя маститые, великодержавные историки. Показания рабочих — это живые документы, они никогда не лгут.

2

Вот например я, для проверки, взял Брокгауза и Ефрона и открыл энциклопедию на слове «Шелк и его производство». Слушайте, что пишет историк:

> «Кроме легких материй, употребляемых на одежду (которые носили уже, конечно, не рабочие! — М. А.) из шелка в России делали парчу и глазет — ткань с шелковой основой, мишурным золотом и серебряным утоком. Последние две ткани — говорит Брокгауз — служат исключительно потребностям православного богослужения».

И дальше с точки зрения нашей сегодняшней социалистической действительности идет сплошная чепуха:

> «Шелководство, т. е. выкормка шелковичных червей, с целью получения коконов, — достояние мелкого домашнего занятия, могущего дать подсобный заработок сельскому населению. В крупных размерах культуры шелковичных червей по невыгодности не практикуются».

3

Когда я прочел этот отрывок А. В. Райтхенау, старейшему герою труда московской шелкомотальной фабрики «Пролетарский Труд», он насмешливо пожал плечами и сказал однословно:

— Несусветная чепуха!

...Маститый историк из Брокгауза и Ефрона должен был со скорбью заметить в конце обзора о шелковой промышленности царской России, что «развитие шелководства в России шло слабо». Еще бы! Нам ли это не знать?!

4

Времена меняются.

Основные потребители шелка и шелковых тканей, дворянчики и толстосумы в 1917 году распустив паруса спешно улепетнули из пролетарской России.

Постепенно исчезают и вымирают последние представители «жреческой» породы — попы, донашивающие остатки «парчевых и глазетовых» риз. Церкви из оплота мракобесия превращаются в школы, клубы в полезные для общества строения.

Шелк нашел новое применение в Союзе советских республик. Его во-пер-

вых, носят наши работницы, а во-вторых —

шелк сейчас это —

— оболочки для дирижаблей;

— пороховые картузы — мешки для пороха, сгорающие без остатка;

— хирургические нитки для сшивания ран;

— электроизоляция;

— прозрачные сети для океанского лова;

— красные и белые лёски;

— мельничные сита;

— тетива в точно измерительных приборах и т. д. и т. п.

Вот что такое для нас шелк.

Кроме того шелк для нас еще и валюта, — мы экспортируем его за границу в обмен на промышленные и сельскохозяйственные машины.

Времена меняются, что и говорить.

Еще несколько справок

1

Экономисты капиталистических стран до сих пор утверждают будто бы биология шелковичного червя обрекает шелководство на участь карликового подсобного сельскохозяйственного промысла.

Нас этим не удивишь. Мы знаем цену утверждениям буржуазных экономистов. Мы знаем также откуда идут такие мнения.

Экономический кризис не оставил в стороне и шелковую промышленность. Япония перед кризисом вывозила на внешний рынок на миллиард рублей шелка-сырца и изделий, захватив четыре пятых мировой торговли шелком. Сейчас, три четверти грены, производимой Японией, гибнет от перепроизводства, а сбыт шелка сократился на 65 процентов.

2

В СССР социалистическая реконструкция сельского хозяйства ведет к революции и в науке шелководства, и в его тысячелетней практике. Мы открываем все капиталистические «секреты» охраняемые законами, угрожающими за разоблачение их (секретов) смертной казнью. Мы переводим шелководство из подсобного занятия крестьян Закавказья, Крыма, Средней Азии — в специализированное, крупное, механизированное, обобществленное шелководческое хозяйство.

Революция открыла нам возможность в пятилетний срок совершить путь, пройденный Японией за три четверти века.

■

Валовой сбор коконов в СССР увеличился в два с половиной раза против довоенного. Шелкомотальная и гренажная промышленность нами созданы заново. Мы построили мощные фабрики шелка в Ашхабаде, Чарджуе, Мерве, Фергане, Крыму, Закавказье; мы реконструировали все остальные фабрики, мы подняли их производственные возможности на недосягаемые для царского времени высоты.

Во второй пятилетке одно только Закавказье заложит 70 тысяч гектар тутовых плантаций для выкормки шелковичного червя.

4

В итоге многосторонней, научной революции, которую партия и рабочий класса произвели в шелковой промышленности, мы сумели открыть давно скрываемый секрет, так называемого «вечного шелка», т. е. возможность регенерировать старый шелк, растворять его вместе с шелковыми отходами и из жидкого шелка получать новую шелковую нить.

Это дает нам возможность удешевить шелк раз в 25—30, превратить шелк — недавно предмет роскоши — в предмет широкого потребления.

Лозунг «Шелк — технике» у нас уже осуществляется. В частности за это борется фабрика «Пролетарский Труд», работающая на шелковых отходах.

Социалистическая реконструкция в шелководстве во второй пятилетке выдвигает новую цель: — «Шелк — массам»; нет сомнений, что она будет осуществлена.

„Анонимы“

1

Испуганно расплескивая направо и налево звонки, трамвай «29» с сердитым шипением останавливается у Савеловского вокзала. Из трамвая выливаются помятые пассажиры. Давка. Через гущу человеческой толпы, надрывно гудя

проходят автобусы и машины. Проходят медленно — иначе кого-нибудь раздавишь.

Из сутолоки Большой Бутырской улицы сворачиваю налево. Здесь тишина. Вхожу в маленькую Вятскую улицу и останавливаюсь в восхищении.

2

Три могучих фабричных корпуса заняли весь квартал. Выложенные из красного жженого кирпича, опоясанные стеклянным поясом окон, мерцающих тысячью огней, гордо подняв гигантский палец — трубы в лиловое от света небо с черным султаном медленно отползающего дыма — передо мной сказочный дворец.

Темнота скрадывает контуры, смягчает композицию мелких фабричных построек, загромождающих перспективу.

Ищу входа. Через несколько шагов наталкиваюсь на ворота. На ажурной вязи полукружья тусклым золотом надпись:—

Фабрика „Пролетарский Труд.“

3

На шелковых фабриках Закавказья, Крыма, Средней Азии — коконы — канареечные, розовые, небесно-голубые, оранжевые, фисташково-зеленые — бросаются мотальщицами в котлы, наполненные кипятком. Особым веничком достаются концы. Концы от 18—20 коконов сразу тянутся в барабан, где крутится катушка. Размотав необходимое количество коконов (свыше одной катушки в рабочий день) — шелковые нити несут в сушилку, в отделку, в сортировку и в упаковочную.

Так проходит производство полуфабриката.

Но не все коконы разматываются легко. Есть коконы помятые, коконы с пробитой стенкой и т. д.

Их собирают и отправляют на фабрики по переработке отходов.

И не только коконы, но и порванные нити, спутавшиеся мотки, — отходы шелководства и шелкомотания.

4

Вся основная ведущая промышленность в царской России находилась в руках иностранных капиталистов.

Уголь, нефть, транспорт, металлургия, легкая промышленность — везде были англичане, немцы, французы, итальянцы.

Не избегла этого и шелковая промышленность.

Французские промышленники основали несколько мелких шелкомотальных фабрик в России, скупали все коконы у крестьян, а России продавали уже готовую продукцию с накидкой на «прибавочный продукт».

Также была основана в 1886—88 годах фабрика по переработке шелковых отходов в Москве, руководимая из Парижа «Французским анонимным обществом».

5

Способы обработки отходов шелководства и шелкомотания до революции не были известны русским специалистам. Французские промышленники, так же как и японцы держали эти способы в строжайшем секрете. Все отходы от шелковой промышленности России в начале отправлялись во Францию где перерабатывались в полуфабрикат, «пенье», а уж затем этот полуфабрикат доставлялся на московскую фабрику и здесь перерабатывался в пряжу.

Несмотря на такое путешествие отходов дело было настолько прибыльным, что «анонимы» в серьез начали расширять производство. С этой целью была скуплена 2-километровая площадь земли около фабрики, на которой должно было начаться строительство новых корпусов.

Но — ветер подул в другую сторону. Грузный корабль российской империи с грохотом сел на рифы. Освежающий ветер революции смел с веками угнетаемой страны иго отечественной буржуазии. Мечты «анонимов» лопнули как радужный мыльный пузырь.

Воскресшая из мертвых

I

История фабрики «Пролетарский Труд» это история Никиты Яковлевича Галкина — ныне технического руководителя фабрики и рабочего Андрея Васильевича Ратенау — ныне мастера и героя труда.

Сквозь вихревые годы Октябрьской революции Галкин и Ратенау бережно несли мечту о восстановлении фабрики.

Получив разрешение ВСНХ на осмотр фабрики, Никита Яковлевич подолгу ходил между мертвыми машинами и станками, записывал, вычислял, соображал. В этом ему деятельно помогал Ратенау с группой старых рабочих прозводственников.

И вот мечта осуществлена. В 1922 году фабрика была пущена. Это стоило парторганизации и рабочим огромных усилий.

Из фабрики, собственности «Анонимов» — стала фабрика «Пролетарский Труд» собственность республики.

2

С 1922 года, работа фабрики, это непрерывный бег с препятствиями.

Запасы «пенья», оставленные французами, быстро приходили к концу. В ВСНХ уже начали поговаривать о сдаче фабрики в концессию старым владельцам. Эти разговоры были вызваны тем, что на фабрике:

— не было машин для производства пенья;

— неизвестен был секрет варки «пенья».

И вот тогда стал вопрос —

«Мы или французы».

Можно было заводить «пенье» из Франции, но это стоило республике 300 тысяч золотом. Значит нужно было искать «секрет».

За это взялся Ратенау.

Взялся и нашел.

Французы были биты.

300 тысяч золотом ежегодно пошли на другие надобности в огромном хозяйстве союза.

3

Но французы все еще надеялись. Все наши попытки купить оборудование «пеньяжного» и варочного цехов во Франции были отклонены.

И только в 1927 году англичане согласились сконструировать оборудование. В сентябре 1927 года вместо 6 волчков домашней конструкции Ратенау и нескольких расшатанных граблечесальных машин были установлены новые мощные машины.

4

С 1922 по 1928 год фабрика переживала «детские болезни». Героической борьбе рабочих сопутствовали и прогулы и разгильдяйство и брак и прочие результаты плохого руководства.

Но вот треугольник, в 1928 г. снят. Руководство обновилось и фабрика в 1930 году могла рапортовать Союзу:

— план трех лет пятилетки выполнен на 104 процента!

Количество рабочих с 300 в 1922 г. — выросло к 1.500 чел. в 1931 году.

Партийная организация от 90 чел. в 1927 году выросла до 230 к 1932 году. Коллектив фабрики креп.

А в 1931 г. парторганизация и комсомол героически боровшиеся в первых рядах рабочих фабрики за план, могли вторично рапортовать правительству —

— 31 декабря в 2 ч. дня программа 1931 года фабрикой выполнена.

«При страстном желании — говорил тов. Сталин — можно добиться всего» — это страстное желание у рабочих было, и они победили.

Не отступать

I

Сейчас фабрика отстает.

Черное слово «прорыв», грязной рогожей висит над станками.

Вот что пишет фабричная многотиражка:

ПОЧЕМУ Ф-КА В ПРОРЫВЕ?

«Рабочие фабр. «Пролетарский Труд» в течение ряда месяцев действительно по-большевистски боролись за выполнение плана. И результаты борьбы налицо. Промфинплан первого полугодия выполнен с превышением (102 процента).

Но последние два месяца мы сдали темпы, в июле недовыполнение на 18,5 проц., в августе около 30 проц.

Спрашивается в чем дело? Почему фабрика оказалась в прорыве? «Что за об'ективные причины». Никаких об'ективных причин, никаких оправданий не имеем, да их и нет, и не может быть».

Мы имеем другое — факты неповоротливости наших хозяйственников, инженерно-технических руководителей, главным образом командиров цехов — мастеров, слабого руководства цехами, халатное отношение к порученной им работе.

Не было чуткого подхода к рабочему, в отдельности, к недостаткам их работы.

Возьмем пример: в варочном цехе больше чем полгода стоит одна центрофуга. Нет конуса. Отдел снабжения потратил полгода, чтобы достать болванку чугуна. Выполнение программы варочного цеха из-за этого страдало.

Есть факты неправильного использования рабочей силы, нечуткость мастера к рабочим, что ведет иногда к уходу с производства. Таков напр. случай с работницей Никитиной М. Мастер тов. Фомичев снял работницу Никитину с циркулярно-чесальной машины и послал на палочки, а на ее место поставил другую. На другой день Никитина прогуляла. То же в Отделке с молодежной бригадой Мотырской, где с контрольных машин перебрасывают на шлифовку бабинаж и др. машины.

Неверно если говорить, что в прорыве виновны только административно-технические работники — виноваты и общественные организации, которые все еще по-настоящему не перестроили свою работу, не видно их работы в цехе, в группе, отсутствует твердое руководство цехкомами.

Рабочие, с честью выполнявшие в течение ряда лет программу фабрики, выдвинувшие ее в первые ряды предприятий района, под руководством партийной организации и на этот раз ликвидируя прорыв, придут к победе. Мобилизуем все силы коммунистов, комсомольцев, ударников-передовиков под руководством партячейки в бой на штурм за досрочное выполнение промфинплана».

2

Фабрика научилась (кроме последних 3 месяцев) выполнять количественные показатели. Качество же продукции, как «пенье», так и готовая пряжа, имеет до сих пор крупные недостатки. Качество продукции проверяется почти во всех переделах, но основной передел — варочный — не проверяется. Это наносит ущерб для дальнейших переделов. Сколько раз в пеньяжный приходило сырье плохо проверенное. Это сырье шло по всем машинам. Часто доходило до приготовительного, и только там обнаруживалась зажиренность.

Измученный и изруганный всеми работницами, товар шел обратно в варку и в лентах очищался от жира (Для всех памятны совсем свежие августовские безобразия с переваркой 520 кг).

В последующих цехах качество продукции, конечно не полностью, и не всесторонне, но проверяется. А какой от этого эфект? В приготовительном цехе работницами из-за плохого наблюдения за машиной пропускаются ленты с совершенно неудовлетворительными колебаниями толщины, что уродует нить в прядении. Имеется целый ряд дефектов в прядильно-красильном цехе. Из-за неравномерной газопалилки пряжа приобретает неравномерный цвет, дефект ничем не исправимый. Контрольщицы пропускают такие шишки и узлы, которые портят в будущем готовую ткань. И все это безнаказанно.

Причины прорыва здесь. Фабрику лихорадит. Фабрике нужно четкое руководство.

Отставать нельзя — это должны еще крепче усвоить ударники и рабочие фабрики.

И фабрика борется

1

Еще факты.

«В последние месяцы наши общественные организации и отдельные рабочие указывали администрации ф-ки на то, что мастера плохо борются за плановое снабжение сырьем по ассортименту. До сих пор никакого сдвига. Главным виновником является варочный цех. Неподача нужного им ассортимента срывает план всех последних цехов.

Например в первую десятидневку августа вместо 1.627 кг фризоната сварили 497,0 кг, т. е. 30 проц. плана, фризона на 92,2 проц., кокона худого 70,5 проц. Это отозвалось на пеньяжном цехе. Такие ненормальности нарушают договор с нашими потребителями, особенно с Щербаковской фабрикой. Там из-за плохой работы фабрики «Пролетарский Труд» также вырастает прорыв.

Надо бороться за предупреждение прорыва и не давать ему развиваться так глубоко».

2

«13 августа в саду фабрики состоялось первое заседание товарищеского суда со слушанием дела Завьялова и Чуркиной.

Завьялов Н. приемщик пеньяжного цеха прогулял 11 дней.

Чуркина, кандидат партии, работающая на ф-ке 2 года, прогуляла 7 дней.

Суд вынес решение «за самовольные прогулы т. Завьялову Н. поставить на вид и просить администрацию перевести его в механический цех».

Тов. Чуркиной — об'является общественное порицание и дело о прогулах передается в партийную ячейку.

Товарищеский суд привлек много рабочих, которые с интересом следили за ходом заседания, одобряя его решения».

3

Бригада перешла на хозрасчет 1 сентября. Первый же месяц работы дал хорошие результаты. Если раньше некоторые работницы не вырабатывали нормы, то теперь соревнуясь одна с другой — работницы повысили производительность и дали экономии больше чем на 400 руб.

В бригаде ведется борьба с прогульщиками. Так например работница Цукерман сделала самовольный прогул, ее поступок тут же обсудили на бригаде и вынесли решение исключить временно из бригады.

Бригада провела дополнительную подписку на заем на сумму 100 рублей и вызвала прядильный цех.

Вся бригада ликвидирует неграмотность по ПВО.

Так показывая лучших, преследуя дезорганизаторов, мобилизуя все свои силы, борется фабрика с прорывами.

Силы рабочего класса не исчерпать

Фабрика вступила сейчас в полосу наибольшего под'ема в борьбе за промфинплан.

В партию вступают ударники.

В ударники идут рабочие.

Комсомол штурмует прорывы.

Уже опубликованы первые красные списки ударников, героически борющихся с прорывом. Эти списки должны все знать. Вот они:

Филиппова — 143 проц.
Андреева — 178 проц.
Нижнева — 166 проц.
Павлова — 120 проц.
Митрохина — 111,6 проц.
Будылина — 191,2 проц.
Гарзеева — 106,8 проц.

Рабочие ударники, ударные бригады ф-ки «Пролетарский Труд» побеждают и победят. Сотни подписей стоят под обращением к ленинградским рабочим посланого фабрикой «Пролетарский Труд». В этом обращении рабочие пишут:

«Подходя к 15-летию наша фабрика, вписавшая не мало славных страниц в историю развития шелкопрядения в героической борьбе за выполнение промфинплана, имевшая выполнение годового плана 1931 года на 102,1 проц. в настоящее время находится в глубоком прорыве. Мы, рабочие и работницы, к 1 октября даем обязательства смыть это позорное пятно отставания, незапятненного знамени фабрики».

3

„Производственный план есть живая и практическая деятельность миллионов людей. Реальность нашего производственного плана — это миллионы трудящихся, творящие новую жизнь.

„Реальность нашей программы — это живые люди, это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план“

(Сталин)

Ефим Зозуля

Исключительный вечер

Мы собрались в паркоме партии, в уютной комнате библиотеки. Пришло около двадцати пяти человек — рабочих и работниц фабрик и заводов: «Арматура», «Свобода», имени Петра Алексеева, имени Дзержинского, «Москвошвей». Это была беседа — обыкновенная товарищеская беседа о прошлом и настоящем. Вечер воспоминаний и самопроверки, сравнение того, что было, с тем, что есть — не для кого-нибудь, а для себя, для своих товарищей, в своем кругу, не на официальном, а товарищеском собрании накануне XV годовщины Октября.

Что же было на этом собрании исключительного?

Что-то очень серьезное, интересное, значительное чувствовалось с первых речей, с первых слов собравшихся. В чем же оно заключалось?

Никто специально не подбирал рабочих и работниц ни по возрастам, ни по квалификации, ни по партийному и профессиональному стажу. Это были лучшие ударники и ударницы. Рабочие приглашались только по этому принципу, но не случайно, что даже в этом небольшом количестве, представляющем лучшую часть рабочих района, были и молодые, и более взрослые, и зрелые люди, и пожилые, и совсем старики — и разных квалификаций, и стажей, ибо ударничеством охвачены значительные пласты подлинных строителей социализма.

Были здесь и представители совсем старых рабочих кадров, имеющих сорокалетний профессиональный стаж, были и недавние выходцы из деревни, были и старые партийцы и комсомольцы и беспартийные.

Что же все-таки в этом собрании было особенного?

Постараемся найти его, постараемся вскрыть, ибо особенность его отмечали все присутствовавшие:

Стоило бы описать внешность каждого в отдельности. Можно с уверенностью сказать, что здесь не было случайных лиц. Были лица, воплощавшие в себе максимум энергии. Волевое начало проглядывало из многих профилей, характера плеч, линий головы, рук, всей осанки. Тем не менее не было ничего от того, что рисуют на плакатах, а главное, что еще до сих пор, т. е. за пятнадцать лет, не надоело нашим художникам рисовать, при изображении рабочих, а именно: орлиные взгляды, обязательно выпяченную вперед «геройскую» грудь, исполинские руки и т. д. Так ли уж это нужно? Ведь, вот, в жизни подлинные герои, лучшие ударники и ударницы, подлинные борцы — выглядят совершенно просто.

Председатель открывает собрание и просит собравшихся высказаться о прошлом, о положении рабочего класса до Октября и о том, что мы имеем сейчас.

Первым берет слово тов. Бутыгин с завода «Арматура».

Это старый рабочий, но очень подвижной, на редкость энергичный и живой человек. Потом мы узнали, что у него давно уже есть пенсионная книжка, но он и не думает покидать работу. Какое там!.. Наоборот, он не на словах, а действительно днюет и ночует на заводе! Он живет исключительно интересами завода. Все его мысли связаны с заводом, с производством.

— Я, — говорит он, — рабочий стаж свой начал с 1889 года. Первые шаги моего учения протекали в Москве, на Мясницкой. Была это раньше даже и не мастерская, — ну, будем говорить, что мастерская человек на полтораста. Помещалась она на Мясницкой, в Обыкновенном переулке — водопроводная мастерская Смирнова. Работа наша начиналась в пять часов утра и до девяти часов вечера. Это была основная работа — с пяти и до девяти часов, почти шестнадцать часов. В девять часов кончалась работа и первоначально надо было убрать мастерскую, после десяти надо было чистить картошку или заниматься еще какими-нибудь надобностями, и ложились мы, примерно, часов в двенадцать. А в пять часов уже надо было вставать.

Но он долго о прошлом не говорит. Без особых оговорок, он сразу бросается в самую гущу настоящего. У него меняются выражение лица, движения. Жесты и голос становятся сегодняшними, горячими, пылкими. Он говорит как на «нервном» производственном совещании:

— ...сделали стандарты, я им заявлял об этом еще в 1929 году, говорил, что, товарищи, это не годится. Никаких! Поставили станки и что же этот стандарт дал? Ничего! Все данные были к тому, чтобы не ставить эти станки. Потом туда была послана комиссия под председательством тов. Ильина из гор. КК, НК РКИ, затем дело разоблачилось и выяснилось, что за один год израсходовали 750.000 тонн, а значит за два года — полтора миллиона тонн. Товарищи, в настоящее время эта же косность от нас также не отпадает, нам до сего времени приходится бороться с этими ненормальностями!..

Фот. Е. Микулиной

Тов. Бутыгин (з-д „Арматура")

Слово «косность» в его устах не есть нечто отвлеченное, далекое — где-то какая-то косность, каких-то людей — это живое препятствие в его живой работе, и он о ней не может говорить спокойно... Он бьет ее доводами, страстностью тона, наконец цифрами.

— А то есть такие вещи, за которые платили 1 р. 33 коп., сейчас ставят 18 копеек. 1 р. 33 коп. платили за них, зарабатывали 4 р. 55 к., сейчас, при 18-19 коп. прибыль 6-7 рублей. Причина какая...

... Точно так же говорит тов. Бутыгин и у себя дома. У него три комнаты — отдельная квартира. В ней чисто, хорошо, но он между прочим, между делом, замечает — и это совершенно не похоже на какое бы то ни было хвастовство:

— Знаете, я мало бываю дома. Я имею довольно слабое понятие, что у меня в квартире, но могу сказать с точностью, что знаю каждый закоулок на заводе. Там, действительно, все знаю. Вот, пожалуйста, спросите у меня, где что лежит, что в каком углу, откуда и как составлен любой станок. Их было в двадцать третьем году тридцать — станков,— а теперь больше двухсот — и я все хорошо знаю.

Он быстрой походкой идет в спальню и достает из оригинального места, а именно — из-под матраца на кровати, папку и достает оттуда ведомость норм и расценок. В плотной ведомости сводка всех цен.

— Вот, — говорит он, — в двадцать седьмом году кран стоил семьдесят копеек — теперь стоит тридцать восемь копеек. А? Сколько было борьбы? Четыре выговора получил. Надо косность сшибить. Сшибить косность. Да.

Он показывает газеты, вырезки, статьи и каждый раз добавляет:

— Чтобы не было голословно. Вот, видите. Чтобы не было голословно.

Но кончив говорить о борьбе, он с глубоким удовлетворением, с настоящей гордостью показывает книжку ударника, указывает на висящий на стене портрет Ленина, читающего «Правду».

— Вот, премию все-таки дали.

...Здесь, на собрании он говорит с той же горячностью. Он иначе говорить не может. Он весь в борьбе. Он не хочет слышать о препятствиях. Он точно отмахивается от чьих-то возражений, от этих бесчисленных никчемных доводов, которыми косность всегда донимает рвущуюся вперед творческую мысль. Он не знает удержу в своем рвении, в своей настойчивости, в своем энтузиазме. Творческая энергия не знает, не хочет знать никаких отписок. Когда настоящий работник обвиняет, он не хочет, не может слушать об «об'ективных» причинах, почему «не вышло». Надо, чтобы вышло. Надо добиться. Надо, чтобы была победа.

По Бутыгину можно учиться, как надо добиваться.

Груда заводских газет, по которым ясно видно, как боролся Бутыгин — наводит на эту мысль. Статьи, заметки, разоблачения — смелые, прямые, настойчивые, всегда конкретные, всегда определенные. Немедленные ответы на возражения. А главное, борьба фактами, сведениями без излишних полемических красот.

— Пожалуйста. Вот. Чтобы не было

Фот. Е. Микулиной

Тов. Зюзин и тов. Киреев, лучшие ударники з-да „Арматура"

Рис. Л. Зильберштейна

Тов. Титова (ф-ка им. П. Алексеева)

голословно. Чтобы не было голословно.

Кончив говорить о себе, Бутыгин с большой теплотой говорит о тов. Зюзине, его молодом товарище по работе.

Зюзин сидит тут же. Черный, худой, серьезный парень. Он служил в Красной армии, после Красной армии служил истопником и только в 1925 году пришел на «Арматуру».

Он говорит:

— Конечно, там пришлось драться, как сказал Василий Иванович (Бутыгин). Учитываешь, что надо сделать такое приспособление, чтобы станок работал. А другое дело, чтобы человек, который работает на станке, чтобы он работал не только на себя, а давал и государству. Ясно, приходилось предпринимать. Если вещь стоит, — знаешь, что какая-нибудь деталька стоит. А за деталькой стоит еще деталька, а за ней стоит и человек, и отряд людей. Ясно, что раз сработали сменку — нельзя говорить о том, чтобы уйти, иначе мы бы ничего не выполнили.

Рис. Л. Зильберштейна

Тов. Рябов (ф-ка „Свобода“)

Об этом Зюзине Бутыгин говорит с восхищением и нежностью. И здесь говорит, на собрании, в глаза, и еще более тепло говорит у себя дома:

— Вот, — говорит, — парень! Когда ни попросишь: ночью, днем, скажешь: «подсоби» — никогда не откажет. Придет и сделает.

Тов. Зюзин, действительно, замечательный образец товарищеской рабочей дисциплины. Это исполнитель, но один из тех исполнителей, которые в выполнение работы вносят свое творчество, вносят незаметный, но подлинный энтузиазм.

Зюзин немногословен. Но чувствуется, что он мог бы многое рассказать о труде, о радости труда, о радости победы над материалом. Недаром он так любит труд.

Все слушают с большим вниманием и Бутыгина и Зюзина. Все смотрят на них с товарищеским уважением. В их выступлениях несомненно есть часть того значительного и исключительного, что отличает этот вечер.

Но в чем оно? В чем оно проявилось? Пока еще трудно определить.

Последим дальше. Послушаем других. Может быть, дальнейшее течение беседы поможет нам выяснить это:

Говорит тов. Рябов (фабрика «Свобода»). У него серьезная волевая внешность. Это тоже мужественный, стойкий борец. Интересно — что он скажет.

— Товарищи, работаю на фабрике «Свобода», бывш. Ралле, с 1890 г., поступил я туда еще мальчиком, мне было всего 15 лет. Проработал пять или шесть лет. Потом меня взяли на военную службу, где я прослужил четыре года. Затем мобилизовали в японскую войну. Когда из Харбина мы выехали обратно — нас задержали. Остановили верстах в 60 и говорят, что «здесь ехать нельзя, — чума». Это нас обманывали так, потому что оказалось, что в Москве уже в этот момент началась революция 1905 года... После этого нам поведали так: «мы везем вас в Москву, а оставим на охране железной дороги». И оставили в Николаевске. Я помню сейчас — мы там пробыли в г. Николаевске с месяц, наверно. Тяжело было. Офицеры кругом пьянствуют, а солдат не кормят. Стали роптать... Одно время офицеры пришли к нам в казармы и давай уговаривать: «подождите, мол, немножко»... — «Нет, го-

спода, вы не правы, вы набиваете карманы, а у нас там семейства голодуют». Из запаса собрались машинист, кондуктор и мы сформировали свой вагон и сами поехали. Я помню сейчас — когда нам собираться, на поезд садиться, мы взяли полковую музыку и пошли к коменданту полка. Он у нас был нехороший и мы хотели потрепать его, но — к своему счастью — он улизнул. Мы сели в поезд и уехали. Останавливаемся, бывало, на станции и спрашиваем начальника станции: «как, товарищ, можно ехать?»— «Ничего не знаем» — говорит. — Значит, сами — даем звонок и едем. Так мы ехали до Сызрани. Помню сейчас, когда мы приезжаем в Москву, на Сортировочную, слезаем, смотрю — везде трамваи валяются на боку, телефоны все подпилены. После 1905 года началась реакция, забастовки. Мы бастовали две недели. Один раз я иду с фабрики, вдруг идет директор и говорит: «Рябов, ты не работаешь?» Я говорю: «разве не видите?» Он говорит: «Ну приходи, ты будешь работать в другом отделении». У нас был заведующий мастерской немец и, вот, он всегда находился среди рабочих, все выпытывал у рабочих. Он, бывало, ко мне обращается: «Ну, ты, Рябов, знаю, что вы думаете бастовать». «Ничего, говорю, я не знаю». «Нет, врешь, знаешь». Когда на Лене расстреляли рабочих, к нам приходит товарищ и говорит: «Завтрашний день вы должны почтить память ленских рабочих». Сговорились мы, вышли на работу, а потом сразу всей фабрикой тронулись по лестнице вниз. Только мы вышли, а там уже сообщили по телефону в участок, что на фабрике рабочие решили не ходить на работу, не хотят работать. Смотрю — мы не успели еще организоваться, певчие вперед вышли, запели «Вечную память». Пришел пристав, обнажил револьвер и городовые кругом. Все бегут. Я был впереди. Пристав схватил меня за горло и говорит: «Берите этих негодяев». Я знал, что сзади нас Мясин находится, товарищ. Он засучил рукава и говорит: «Ребята, своих не выдавать»...

... Совершенно отчетливо можно представить себе Рябова в тот период, к которому относится его рассказ. Одна подробность делает вполне наглядным давно ушедшее тяжелое прошлое. Когда Рябов рассказывает о борьбе с полицией, когда произносит фразу: «Ребята, своих не выдавать», в свое время сказанную товарищем, он тут же засучил рукава, как Мясин. Стало наглядно ясно, до чего живо все это в памяти тех, кому пришлось пережить тяжелую дореволюционную борьбу.

Рис. Л. Зильберштейна.

Тов. Кудрявцева (ф-ка „Свобода“)

Характерно, что тут, на собрании, когда рабочие забывали что-либо из прошлого, и, желая восстановить какую-нибудь дату, обращались друг к другу, ибо некоторые знали друг друга в течение очень многих лет, то «живая хронология» была такая:

— Скажи, пожалуйста, когда это было: когда громили, в январе, да? Когда стреляли? Это было в марте или в мае? Позже или раньше?

Такова была «живая хронология» — «громили», «стреляли».

Но о неукротимой рабочей силе говорят и рассказ и внешность Рябова. Несмотря на зрелый возраст, он выглядит бодро, уверенно.

Он заканчивает свой рассказ тем, как выросла фабрика после Октября.

— Когда я поступил мальчиком на фабрику — на ней работало человек триста. Поближе к четырнадцатому году образовалась тысяча человек, а сейчас работают уже две тысячи четыреста.

После Рябова говорит тов. Кудрявцева с той же фабрики «Свобода».

Она тоже работает на фабрике с 1890 года. Она поступила на фабрику двенадцати лет и работает с тех пор беспрерывно.

— Хотя я поступила на фабрику подростком, но работала наравне со взрослыми, по двенадцати часов в день. В месяц получала 7 р. 50 к. Учиться не давали. Хочешь чему-нибудь поучиться интересному, а мастер говорит: «иди, тебе тут делать нечего». Если хочешь что посмотреть — гонют. Был у нас такой заведующий, тот прямо возьмет тебя, как Иван Грозный, за шиворот и говорит: «Дело не твое». Тяжело было. Если б знала дорогу в деревню, я бы прямо туда пешком и ушла.

...Во всех почти речах так и мелькает:

— Ушла бы.
— Ушел бы.
— Уйти.
— Бежать.
— Бежал.
— Ушел.
— Уехал.

Рассказ Кудрявцевой продолжается:

— ...мы были в холоде, в воде. Наша фабрика стояла на болоте.

...Обильно перечисление трудностей, невзгод, обид, непосильного труда.

Потом — о борьбе:

— ...У нас были тайные кружки. Ходили по ночам. Сидели впотьмах и оттуда поодиночке выходили. Там мы постепенно подготовлялись.

— ...Наша фабрика по Бутырскому району была передовая. У нас был сорганизован совет рабочих депутатов. У нас был сборный пункт.

Ее слушают внимательно, так же, как и Рябова, как и Бутыгина, как всех. Она говорит просто, без всяких прикрас. Глубокая правдивость в ее словах — вот она, старая жизнь.

И радостно сознавать — и ей, и слушающим, — что все это позади, что нет и в помине тяжелого прошлого.

Значительна ее речь, так же, как и остальные. Но что же все-таки было особенного и исключительного в этом вечере? Что внес в общий тон вечера рассказ т. Кудрявцевой?

Пока еще трудно установить.

Последим дальше. Многим еще нужно выступить.

Каждый товарищ, выступавший на этом собрании — имеет свою резко очерченную индивидуальность. О каждом можно написать книгу, и эта книга будет действенна. Она покажет, как тяжела была жизнь рабочего класса до революции и как боролся рабочий класс за свое будущее, как сохранял и копил он свои силы и как настойчиво стремился к своей победе.

Все поочереди добросовестно начинают свое жизнеописание: я родился, я родилась, я вырос и т. д., причем совершенно не для того, чтобы заняться именно своим жизнеописанием — а только для того, чтобы на своем примере показать жизнь такого-то и такого-то представителя рабочего класса за такой-то период.

Особенно яркое впечатление производит выступление работницы фабрики имени Петра Алексеева тов. Титовой. Она сочно, округло говорит. Она живое воплощение здоровой, ясной, убедительной и могучей целеустремленности рабочего класса, причем это еще оттенено женской мягкостью и особой, ей свойственной, бодрой ласковостью.

На фабрике, где она работает много лет, нет никого, кто бы не знал Титову. Скромно одетая, в сапогах, и в платке, она все время в деятельности. Она ходит по всем цехам, по кабинетам, по общежитиям. У нее много обязанностей. Она беспрерывно делает указания, распоряжения, но ни одно не отдает «приказом». Каждое ее приказание звучит, как товарищеское предложение и выполняется охотно.

Во всем облике Титовой и в голосе ее, в манере говорить есть убедительность простоты, привычка к общественности, сознание нужности дела, которое она делает, и желание и умение служить ему наравне с другими.

Ее рассказ в части касающегося прошлого, тоже полон горечи. Она дополняет рассказы товарищей фактами, показывающими положение работницы до революции. Жили в крохотной комнате

по две семьи. Кровати стояли тесно одна к другой, ибо иначе ставить нельзя было. Протянет кто-нибудь ноги — обязательно попадет на голову соседу. Жили как в вагоне. Если сосед одевался или обедал — надо было ждать, ибо места не хватало. За детьми никто не смотрел, приходилось с работы забегать покормить и опять на работу. Условия работы изнуряющие, трудные, часто непереносимые. В довершение всего, если женщина сколько-нибудь привлекательна (тов. Титова говорит: «если женщина не «крокодила»), то мастер рассматривает ее как свою собственность, как нечто безраздельно ему принадлежащее. Все это известно. Но из рассказа ее лишний раз ясно видно, сколько приходилось бороться женщине-работнице, чтобы отстоять свое человеческое и женское достоинство!

Культурное обслуживание было такое: раз в год, на святках, разрешали ставить пьесу «Царь Максимилиан». Ставили в бане.

— Рабочие там представляют. Но покамест посидишь — с тебя сто потов сойдет...

И это — все «развлечения». Зато молебнов было сколько угодно.

В 1912 г., во время ленских событий, фабрика была охвачена забастовкой. Титова принимала в ней активное участие. Она вела работу среди женщин. Где приходилось беседовать? В уборной, тайком. Охранники шныряли по всей фабрике. За выслеживание рабочих хозяин давал лучшие комнаты и т. д. Но все же наравне с мужчинами боролись и женщины. Оставались без хлеба, терпели всевозможные обиды, изнывали на работе, мучались с детьми, но боролись, вели революционную работу.

И одной из наиболее активных работниц, наиболее стойких, ясных и последовательных была Титова.

Она член партии с 1919 года. С большой болью она говорит о себе, что она неграмотна. Это надо понимать условно. Она умеет читать и писать, но она все же считает себя неграмотной. Это понятно: сколько знаний могла бы вместить ее любознательность. Если малограмотная она может принимать большое участие в общественной жизни фабрики, если она сейчас пользуется авторитетом среди рабочих, то можно легко представить себе, во сколько раз возросла бы ценность ее как работника, если б она училась.

Рис. Л. Зильберштейна

Тов. Ткачева (ф-ка Москвошвей № 3)

На фабрике она пользуется авторитетом. Но интересно, как она сама рассматривает тот факт, что ее уважают на фабрике: она ни в какой мере не считает, что это является результатом каких-то личных ее качеств. Она действительно не только не говорит об этом, но — это чувствуется — даже не думает. Факт, что она пользуется на фабрике уважением и авторитетом она рассматривает, как некий плюс в общественном активе фабрики и все. Она говорит:

— Я не могла уйти с фабрики учиться, потому что рабочие меня уважают, и надо было мне, значит, вести с ними работу.

В ее устах эта фраза прозвучала, как если б она говорила не о себе, а о другом: к нему, мол, хорошо относятся, его рабочие слушают и, значит, не надо его отпускать с фабрики.

Замечательно, что и другая работница, тов. Полякова (завод им. Дзержинского) тоже говорила о себе: уважают — зна-

чит, нужно это обстоятельство использовать для укрепления дисциплины на заводе.

Тов. Титова много говорит о сегодняшней работе фабрики. Были прорывы, был брак, а сейчас идет почти полная ликвидация его. Рабочие надеятся свести брак к нулю.

... Очень интересно наблюдать тов. Титову на фабрике. Она много работает, но она не знает устали. Эта фабрика — ее фабрика. Она чувствует себя хозяином, одним из хозяев этой фабрики, и по ней можно изучать отношение к общественной собственности.

Она ходит по фабрике, смотрит на машины, распоряжается, дает указания, работает, но в то же время сколько бережности в ней, сколько мягкости и деликатности в отношении рабочих — таких же хозяев, как и она. Сколько внимания к инвентарю фабрики, к ее хозяйству. Ведь это же общественное хозяйство! При фабрике организован детский сад на триста детей. Титова долго вытирает ноги, прежде чем войти в его помещение! Бережно одевает халат, прежде чем войти в комнаты, где находятся дети.

И точно так же, прежде чем войти в общежитие, в квартиру какого-либо из своих товарищей (она хотела показать нам, как живут теперь рабочие ее фабрики), она так просто и в то же время деликатно, без внешней сладенькой вежливости, но внутренне-деликатно просит разрешения, стучит в дверь и т. д.

А сколько горьких воспоминаний... Еще сохранились эти комнатки-камеры, в которых жило по две семьи. Нет слов для определения бездушной жестокости, звериной жадности капиталиста-собственника.

Сколько уж писалось об этом, а все еще — мало!

С невеселой улыбкой показывает тов. Титова комнату, в которой она жила с мужем и детьми много лет. Все лучшие ее годы, вся ее молодость прошла вот здесь. Эта комната слишком мала даже для одного. Над кроватью, в потолке, еще сохранился крюк, на котором висела люлька. Трудно сейчас поверить, что московские рабочие жили как кочевники в юртах. Но факты неопровержимы.

На фабрике им. Петра Алексеева работает и тов. Шейкин — самый старый из тех, кто пришел на собрание. Он работает 52 года. Работать пошел с девяти лет.

На собрании он сидит спокойно, величаво, — седой, с седой бородой, похожий на Льва Толстого. Веско звучит его заявление:

— С 1920 года работаю на фабрике Петра Алексеева. Не имею ни одного прогула и не имел ни одного бюллетеня. Четыре раза был премирован.

Он сидит спокойно и торжественно, мало говорит и внимательно слушает товарищей. Но дома он выглядит значительно моложе. Он подвижен, любезен, приглашает в свою комнату — большую светлую.

— А раньше семейство у меня было в семь человек и жил я в такой конурушке — прямо невозможно повернуться.

... Собрание началось в пять часов. Незаметно прошло два часа, но ощущение такое, точно оно только начинается... Ни у кого никакой усталости. Лица у всех свежие, оживленные. Только начинают готовиться к выступлениям. Всем хочется высказаться. И всем хочется послушать все новых и новых товарищей.

Фот. Е. Микульной

Тов. Розенталь (з-д им. Дзержинского)

С улицы бьет яркий свет, доносится веселый звон трамвая. Вспоминается фраза одного из присутствующих, рассказывавшего о нападении полиции: «Нас гнали... Мы бежали по Страстной на Дмитровку...»

Можно представить себе, какой жуткой была эта Дмитровка — темная, с редкими газовыми фонарями, с дырявой булыжной мостовой, крохотными домишками, с полицией, с казаками...

Ярким светом залиты окна. Дмитровка — в электричестве, в асфальте, в высоких домах, в достройках, в надстройках... По ней мчатся автомобили, беспрерывно несется трамвай. Тут же недалеко прокладывается метрополитен...

Собрание продолжается. Ощущение его значительности, его исключительности усиливается. В чем же оно все-таки? Может быть, это уже ясно?

Нет еще.

Но мы исследуем. Обязательно исследуем.

Потрясающе звучит рассказ о себе тов. Ткачевой («Москвошвей»).

На ее долю выпали особо тяжелые обстоятельства. Она родилась в бедной крестьянской семье, росла без матери, в сплошной нужде. В Москве она поступила в няньки, затем на завод. Была совершенно неграмотна, отказывалась в первое время даже принять участие в забастовке. Но сама жизнь постепенно начала втягивать ее в революционное движение. Она участвовала в демонстрациях, в уличной борьбе с полицией, в забастовках. Ей пришлось видеть много тяжелого: убийства, сбрасывание в реку, самосуды.

Она не хочет рассказывать о жутких подробностях борьбы, но видно по ее лицу, что тяжело ей вспомнить об этом.

В 1919 году она работала в продотряде. Отряду тоже пришлось вести напряженную классовую борьбу с кулаками, с бандитами. Опять много тяжелого выпало на долю этой пролетарки, которой пришлось бороться на одном из наиболее трудных и опасных фронтов с винтовкой в руках.

— Но сейчас, — говорит она с чувством облегчения и с широкой улыбкой,— сейчас могу сказать, что жизнь другая. Наша фабрика выросла и растет. Если сказать про себя, то я ударница, соревнуюсь, работница от станка. План выполняется, есть достижения в быту.

Рис. Л. Зильберштейна

Тов. Полякова (з-д им. Дзержинского)

Она облегченно вздыхает, опять улыбается и на этом кончает свое выступление.

Выступает несколько рабочих. Тов. Калякин (завод «Арматура»). Опять длинная тяжелая трудовая жизнь. Опять тяжелое детство, беспризорность, эксплоатация, работа с восхода солнца до захода. Рассказывает долго и каждый раз сам перебивает себя.

— Я это очень серьезно упустил из виду.

— Простите, эта мысль у меня не уложилась.

Так перебивают себя многие. Не могут сразу собрать и рассортировать бесчисленные невзгоды, из которых состоит их прошлое. Почти в каждом рассказе несколько отступлений.

— Я пропустил.

Собрание старых производственников и лучших ударников района в РК ВКП(б), посвященное подготовке к 15-летию Октября

— Я упустил из виду.

Некоторые увлекаются, рассказывают очень долго. Слишком много горечи в прошлом. Слишком тяжело это прошлое, чтобы исчерпать его до конца.

— Жили в сырых подвалах. В ущельях, ютились. А чем кормились?.. Бывало, идешь в магазин: там много масла сливочного, мяса, утки, гуси — все это видишь... А, спрашивается, ел ли рабочий этого гуся, получая тридцать копеек жалованья в день?.. Нет, он не знал даже, что это за масло такое.

Идут подробные перечисления всевозможных лишений. Он переходит с завода на завод, переезжает из города в город, из деревни в город, из города в деревню.

Потом опять отступление:

— Теперь я хочу вернуться к квартирной жизни того времени. Квартирная жизнь была такова, что мы никогда не могли мыслить, что это такое п а р о в о е   о т о п л е н и е, что это значит жить в тепле, что значит учить детей наших. Мы знали только пойти в церковь покланяться. Да еще — в карты сыграешь, да вина напьешься.

В ином роде речь тов. Карташева («Москвошвей»). Он очень кратко, очень сдержанно сообщает главные даты своей жизни и работы. Он много работал, был на войне, на фронте. С фронта вернулся в 1918 году и с 1918 года прямо пошел в союз, а союз послал на 3-ю фабрику.

И, вот, все эти краткие рассказы, и распространенные, все дополняют друг друга, образуют сложную ткань. Она густеет. Накапливается большой материал. Вечер все более и более начинает казаться значительным, исключительным, и все сильнее хочется еще не совсем ясно установить: в чем же оно, это исключительное?..

Говорит тов. Розенталь. Ее хочется выслушать особенно внимательно. Весь ее облик говорит об удивительной выдержке — внутренней, сосредоточенной, стойкой. Она работала в Риге в девятнадцатом году. Партийцев было всего человек триста, большинство — женщи-

Рис. Л. Зильберштейна

Тов. Шейкин (ф-ка им. П. Алексеева)

ны или мужчины-старики, инвалиды. Все же было организовано двадцать боевых кружков и эти кружки установили в городе советскую власть. Советская власть там была с 3 января 1919 года до 22 мая 1919 года. После этого надо было отступить. Город был окружен — кругом была Эстония, Литва, Германия и — белые: невольно пришлось отступить.

Тов. Розенталь не успела покинуть города — задержала больная мать. На четвертый день ее арестовали, отправили в участок и прямо сказали «на расстрел». Случайно не расстреляли. Когда она вышла из тюрьмы, то почти не могла ходить. Но чуть оправилась — опять ушла в работу по созданию подпольной организации. Когда белые взяли город, население Риги составляло двести тысяч, а в течение трех недель было расстреляно четыре тысячи. Розенталь просидела в тюрьме полтора года.

... Сколько таких работниц, как тов. Розенталь, томится и сейчас, и в рижских, и в будапештских, и всяких иных тюрьмах и застенках! Но по ней видно, по всему ее сдержанному и сосредоточенному облику, что крепко, очень крепко может быть сознание у подлинных пролетарок, и никакие тюрьмы и застенки не сломят их стойкости, твердости и уверенности в конечной победе.

— В Москве, — таким же тоном, так же скромно и сдержанно продолжает тов. Розенталь, — я поступила на тормозной завод. На тормозном заводе я работала семь лет. Очень много тоже пережила за это время. С 1927 года я поступила на завод им. Дзержинского. Там в это время работало триста человек. План был — 3.800 машин, а в этом году — 40.000.

... Ощущается потребность перейти к настоящему. Да, пора перейти к настоящему. К настоящему! Это необходимо. Прошлое так мрачно. Иногда кажется, что эта комната ушла куда-то далеко. Голоса непосредственных участников еще столь недавней кровавой борьбы делают их рассказы такими реальными, такими живыми.

Довольно! Побольше настоящего! Побольше сегодняшнего дня!

Слово дается тов. Поляковой (завод им. Дзержинского).

— Я молодая, — говорит она, улыбаясь. — Работаю на заводе с 1931 года. Пошла учиться в школу массовых профессий. Училась на слесаря, сейчас работаю на сборке.

У нее голос ровный, сильный, энергичный. Она продолжает, со вкусом произнося каждое слово:

— У нас есть хорошие ударники, и мы все работаем по-ударному. У нас хорошо идет общественность, но несмотря на это с мая месяца мы не выполняем плана.

Она останавливается и обводит взглядом присутствующих.

— В этом месяце у нас большие простои.

Она опять делает паузу, думает и продолжает, и опять слова ее звучат веско и серьезно:

— Если я болею за производство, я не должна бюллетенить, а должна выполнить свой промфинплан, который есть на фабрике. У нас есть свой общественный суд, где мы судим наших рвачей и тех, кто делает большой брак в работе. На-днях мы судили девчат, тех, которые прогуляют, а потом идут к врачу за бюллетенем. Мы проверяем и бюллетени.

Она рассказывает, как приходится бороться за качество продукции:

— Есть у нас и партийные несознательные, и комсомолки несознательные. Да, есть. Ежели ты комсомолка, то и работай по-комсомольски. Лично я заметила, что одна из них работать работает, но шайбы не приваривает, а возьмет молоток, стук-стук, и откидывает... Я раз ей сказала, два сказала, а потом сообщила мастеру. Смотрю, а она сегодня то же самое делает. Приходит приемщица, я ее и спрашиваю: «Ты принимаешь шайбы... А посмотрела ты, что принимаешь...», — «Отойди, говорит, ты не контроль». — «Нет, говорю, я рабочий и должна спросить, потому что вы делаете прорыв и приносите вред заводу». Я не боюсь, что они спорят, я тоже могу ответить им, как нужно. Я пошла в контрольный отдел и заявила. Стали проверять и, действительно, оказалось, что все эти шайбы брак, что из 250 штук у нее только 100 штук оказались хорошими. Мы боремся за качество работы на заводе, а не только за количество.

— Я не боюсь, что они спорят, — говорит она с улыбкой.

За все нужно бороться. За все нужно драться. Нужна настойчивость. Нужна воля. Нужно крепчайшее сознание достоинства своего труда и завода, чтобы

относиться и к себе, и к товарищам, и к производству так, как этого требует социалистическая страна.

Это не так просто. Совсем не так легко бороться, проявлять настойчивость, портить отношения с товарищами, с мастерами, с завкомом, с директором. Это далеко не просто. Никто не любит, чтобы их подтягивали, «учили», браковали их работу. Находится достаточное количество возражений, встречных обвинений. А ведь известно, для обвинений всегда можно найти материал. Но что же делать. Подлинный революционер не боится всего этого. Он добивается своей цели, если эта цель поставлена партией и советским государством. Что же делать, конечно, неприятно требовать, настаивать, ругаться, проверять. Но мало ли что неприятно?! Это необходимо.

— Мы их подтягиваем, — говорит Полякова, и опять улыбается. — И будем подтягивать.

Но видно и по улыбке ее, и по всему облику, что она и себя умеет подтягивать. Волевое начало в ней преобладает, чувство общественной ответственности развито давно. Она еще в деревне была делегаткой.

Она — представитель нового поколения. Она особенно реально чувствует себя хозяином своей новой молодой страны. Она ничего, абсолютно ничего не хочет терять из огромного богатства пролетарской страны. Она не обращает внимания на временные затруднения и всякие нехватки. Она знает, что не только в будущем, но и в самое ближайшее время будет все в избытке, лишь только будет выполнен план, и тем скорее это будет, чем крепче и глубже план будет выполнен. Она привыкла, как и вся лучшая передовая часть всей рабочей массы и всех трудящихся, широко мыслить. Мыслить не узкими, а широкими государственными масштабами.

Вот почему такими вескими кажутся ее слова и по особому радует ее лицо в красной косынке, умеющее быть серьезным и озаряться веселой, добродушной, живой улыбкой.

... Текут часы. Выступают и выступают все новые товарищи.

— Я не будут говорить о том, о чем уже говорили здесь другие, — заявляет тов. Обухов (ф-ка «Свобода»), — не буду говорить о старой жизни и вспоминать старое. Об этом достаточно говорили, скажу о наших достижениях.

И он подробно рассказывает, как растет фабрика, как нужно бороться за каждый станок, и как станки растут. Нет труб, нет материалов. Но надо, чтобы они были. И они есть. Была одна сушилка для мыла, а сейчас их четыре. Сначала не умели с ними обращаться, выписывали инженеров из-за границы, а сейчас сами работаем. Растет соревнование. Растет ударничество. Растет изобретательство. На 1931 г. имели 758 рабочих предложений. Больше половины их было уже проведено в жизнь. И вот, спрашивается, почему мы раньше не могли давать эти самые предложения? Ясно, почему! Теперь мы совершенно переродились. Мы работаем для себя. А раньше я работал кузнецом на старого хозяина и заработал у него туберкулез.

Выступают еще и еще — товарищи. Опять говорят о прошлом. Не могут не говорить об этом проклятом прошлом. С радостью и гордостью переходят к настоящему. Правда, не все еще гладко в настоящем. Много есть препятствий, неполадок, но во всех речах, во всех рассказах ярко выступает уверенность, что препятствия будут отброшены, трудности преодолены, ибо что такое любые трудности роста и строительства по сравнению с тяготами, угнетения и эксплоатации, которые так реально и правдиво предстали сегодня!

Вечер приближается к концу. Часы показывают одиннадцать...

Товарищи пришли с работы. Это был не выходной день и не праздник. Это был трудовой день, после которого, обычно, собрание, длящееся час или полтора часа — утомляет...

Почему же никого — а это можно смело сказать, что это было именно так — не утомило это собрание?

Почему с самого начала чувствовалась вот эта самая исключительность, о которой мы несколько раз упоминали? Почему это ощущение не покидало всех присутствующих?

Наконец, это стало ясно.

Этот вечер был исключительным потому, что он представлял — в миниатюре — весь рабочий класс, борющийся за дело своего освобождения. Живо, в живых словах непосредственных участников сменялись этапы великой борьбы,

Двадцать пять человек собрались не случайно. Это был лик рабочего класса — во всем своем разнообразии — в своем действенном развитии, в победном движении к коммунизму. Да, на этом собрании ясно было видно, как тяжкое прошлое сменяется светлым будущим. И молодостью — молодостью, веяло на этом собрании от всех, несмотря на различие возрастов, ибо это была молодость великой эпохи, ведущая через классовую борьбу к бесклассовому обществу.

И прав был председательствующий, когда он, подводя итоги вечера, с непосредственной искренностью воскликнул:

— Все вы молодые, товарищи! Даже те, кому немало лет! Не в летах дело, а в том великом, которое вы несете в себе, и которое вечно молодо, ибо это есть борьба за освобождение от рабства трудящегося человечества.

Мих. Гринберг

Мастер Бутыгин

Тяжек был жизненный путь отца Васи Бутыгина. Пастух. Грузчик. Стрелочник на железной дороге. И наконец — путевой сторож на глухом полустанке между Гривно и Столбовой (Курская железная дорога). Выпивал отец, бывал грозен и буен. И маленькому Васе попадало...

Умер старик Бутыгин. И девятилетний Вася вместе с семьей попадает в город Подольск. Мать ходит на поденные работы, стирает белье, моет полы. Горькое, полуголодное существование. Беспросветная нужда. Маленький Вася является уже обузой, «лишним ртом» и вынужден обеспечить себе пропитание собственным трудом. Дед каретник «пристраивает» мальчугана учеником в водопроводно-механическую мастерскую, владелец коей являлся эксплоататор-шкуродер, некий Смирнов (Москва, Кривоколенный переулок).

Непосильный, нечеловеческий труд взвалили на худые детские плечи десятилетнего Васи.

В тесном грязном помещении позади мастерской ютились сто тридцать рабочих. На нарах спали по-двое. Вповалку. Проход — в поларшина. Стружки, окурки. Провонявшая потом одежда, онучи, тряпье. Никакой вентиляции. И над всем этим — сизый прогорклый махорочный смрад. Тут жили и спали рабочие. А ученики, среди которых оказался и Вася, спали в самом дальнем затхлом углу. О них мало думали. Еще меньше заботились. Словно бурьян у оврага.

Согласно «законам», в ученье полагалось принимать с пятнадцати лет. Однако нужда в рабочей семье толкала к тому, что «закон» этот старались всячески обходить. А желание «за дешовку» использовать детский труд делало и хозяина-эксплоататора «глухим и слепым» к законам.

Инспектор труда, правда, иногда заглядывал. Но шуршащая «красненькая» делала и его «слепым и глухим». А приказчик тем временем подавал незаметный знак, и ученики исчезали — прятались в кулях угля, в уборной.

Работа начиналась в шесть часов утра и кончалась в девять вечера. Перерыв утром и вечером по пятнадцати минут и днем на обед — час.

В мастерской имелся сверлильный станок — огромная допотопная махина. Приводилась она в движение верченьем колеса вручную. Один сверлит, другой вертит колесо. Обязанность ученика Васи как раз и заключалась в том, чтобы вертеть колесо. С утра до ночи. До изнеможения.

Но этим круг обязанностей не замыкался. После окончания работ надо было произвести уборку мастерской. Очистить и смазать станки. Убрать инструмент и т. д. Это еще час, полтора работы. В одиннадцать ночи ложились.

Существовало еще для учеников дежурство. Еженедельно по два человека: один — дежурный, другой — поддежурный.

Ночью — днем во время работы некогда было — из бассейна на Лубянской площади доставляли бочками воду в мастерскую и затем перетаскивали ее ведрами, наполняя двенадцативедерный куб. Это — обязанность дежурного. А поддежурный вставал в четыре часа утра, чтобы растопить куб и приготовить к пяти часам утра чай. Надо было также вынести помои, притащить пуда три хлеба, разбудить рабочих, разнести хлеб и чай по нарам.

Часто приходилось Васе выполнять эти обязанности. Ложился он тогда на скамейку с поленом в изголовьи. Малейший поворот — и Вася падал на пол. Это делалось для того, чтобы не проспать.

За все это «ученик» получал один рубль пятьдесят копеек в месяц, харчи (похлебка и картофель), фунт чаю в месяц и белую булку один раз в неделю (по воскресеньям).

Так жил и работал маленький Вася Бутыгин.

Не многим лучше жилось в жадных, цепких руках эксплоататоров и взрослым рабочим.

Спустя года три-четыре Вася был приставлен в подручные к взрослому рабочему, слесарю-водопроводчику, выполнявшему работы «по вызову». Вася Бутыгин носил инструменты и проволоку (для прочистки), причем шли пешком, делая «концы» через всю Москву: в Петровский парк, к Дорогомиловской заставе и т. д. Оплата: один рубль семьдесят пять копеек в месяц.

В 1892 году Вася Бутыгин уже работает в цеху младшим слесарем на тисках. Оплата — два рубля в месяц, а затем — два рубля пятьдесят копеек.

В 1897 году Бутыгин переходит на арматурный завод Ефремова (Шаболовка) слесарем.

В 1903 году Василий Бутыгин работает, имея уже в своем распоряжении ученика. Так — до 1917 года.

Грянула революция. Завод забурлил новой жизнью. Василий Иванович — активист. Вот он в профшколе. Вот выделен рабочими на хлебозаготовки. И везде доверие рабочих оправдано. Порученная работа выполняется с честью.

1918 год. Рабочих на заводе сорок человек — вместо четырехсот. Но уполномоченный завкома Василий Иванович Бутыгин вместе с горсточкой рабочих держит завод. Сообща добиваются коекаких заказов. Сами калькулируют, сами выполняют.

Был момент, когда завод хотели закрыть, законсервировать. Бутыгин ходит «по инстанциям», спорит, доказывает, убеждает. Наконец обращается за поддержкой к печати.

В 1920 году 14 августа появляется статья в «Правде» под заголовком: «Герои труда на экономическом фронте». Сигнал услышан. Ходатайство рабочих во главе с Бутыгиным рассмотрели внимательно, серьезно.

И завод отстояли.

Сейчас это большой, широко развернувшийся, переоборудованный, увеличивший свою мощность и производственные возможности — 2-й Московский арматурный завод.

Непомерно тяжелый труд, нестерпимая эксплоатация, работа «от зари до зари» — таков был долгий путь нужды, рабского труда и лишений, пройденный в капиталистических условиях рабочим Василием Ивановичем Бутыгиным, ныне мастером завода «Арматура», где он работает с 1923 года.

Стар стал т. Бутыгин. Сорок один год производственного стажа. Можно бы спокойно переходить на пенсию. Но у Василия Ивановича сохранился еще огромный запас неизрасходованной энергии. А трудовой энтузиазм довершает остальное. Поэтому Василий Иванович с утра и до вечера — на заводе. Поэтому Василий Иванович всегда первый там, где нужна помощь, где обнаружена прореха, где выявлено «узкое» место.

Рос и ширился завод. И то-и-дело не хватало ему оборудования. Обычно в таких случаях заводоуправление бывает озабочено мыслью, куда бы поудобнее пристроить заказ на изготовление необходимого оборудования. На «Арматуре» такие вопросы разрешались иначе. Здесь такой «заказ» передается Василию Ивановичу. Проходит небольшой промежуток времени, в течение которго Василий Иванович целыми днями неутомимо бродит по ему одному известным «медвежьим уголкам» Москвы, — и необходимое оборудование появляется.

Понадобились однажды заводу револьверные станки. Тов. Бутыгин отобрал на заводе имени Маленкова много различных частей из груды давно не используемого оборудования. Все эти части перевезли на «Арматуру». Под непо-

средственным наблюдением и по указаниям Василия Ивановича все эти части были собраны, приведены в порядок, отремонтированы. И завод получил девять исправно действующих станков.

Нужен был заводу большой автомат. Поиски не давали нужных результатов. За это дело взялся Василий Иванович. И среди гор железного лома на складах Рудметаллторга он отыскал необходимый станок, который, после некоторого ремонта, работает и по сей день.

Нужны были формовочные машины для литейного цеха. Их искали везде, в том числе и на заводе бывш. Ефремова. И не нашли. А т. Бутыгин отыскал четыре таких машины и сто двадцать плит на том же заводе бывш. Ефремова, где машины эти давно находились в бездействии.

Приступили на «Арматуре» к расширению механического цеха. И снова тормоз: не хватает станков. Опять взяли Василия Ивановича «в работу». И он откопал для цеха тринадцать штук различного вида станков. Именно — откопал. На Виндавской товарной станции имелось «кладбище» различного старого оборудования. Оттуда и привез эти станки т. Бутыгин. И ничего. Отремонтированные, они пущены в ход, и не одна ударная бригада аккуратно выполняет на них свои производственные задания, не сдавая высоких темпов, взятых в работе.

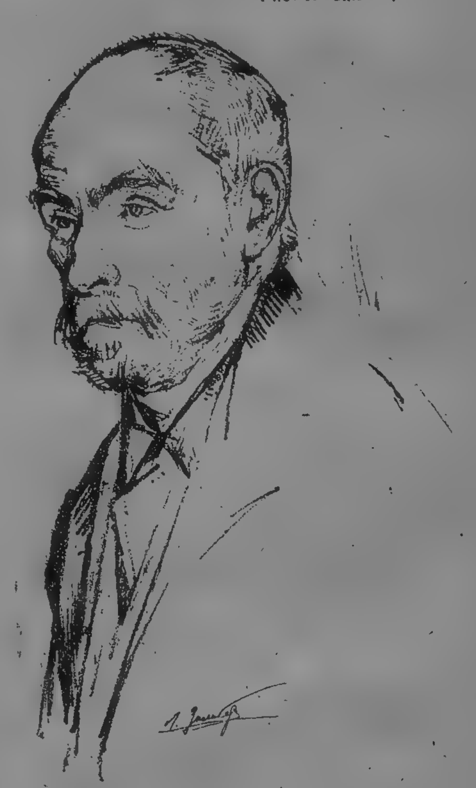
И на заводе «Манометр» среди «хлама» отыскал Василий Иванович восемь сейчас исправно действующих станков.

Много пользы принес т. Бутыгин в деле расширения завода и его дооборудования. Но не только этим измеряется ценность его для завода, об'ясняется популярность и любовь, которыми он пользуется среди рабочих.

За изготовление на «Самоточке» сотни шпинделей, например размером в полдюйма, приходилось платить от трех до четырех рублей. Это дорого, да и работа протекала медленно. Что делать? Как удешевить обработку и увеличить производительность? За разрешение этого вопроса взялся мастер механического цеха т. Бутыгин.

Путем нескольких рационализаторских мероприятий ему удалось приспособить для этой работы револьверные станки. Это помогло увеличить норму выработки в три раза и удешевить стоимость обработки, доведя ее до рубля девяноста копеек. А ведь завод изготовляет таких шпинделей до миллиона штук в год. И главное: работа настолько упростилась, что ее свободно выполняет даже и малоквалифицированный рабочий.

Рис. Л. Зильберштейна

Тов. Бутыгин

Этот путь был широко использован и в дальнейшем. По указаниям мастера Бутыгина был введен целый ряд различного рода рационализаторских мероприятий, и в конечном счете завод получил возможность перевести с токарных станков на револьверные до 85 процентов всей работы.

Так например обработка корпусов в два и два с половиной дюйма стоила сорок копеек штука, а сейчас — одиннадцать копеек.

Или: обработка деталей от № 1 до № 10 (фигура № 15—75, масленки Шарко) обходилась от рубля тридцати ко-

пеек до восьмидесяти копеек в среднем за штуку. Сейчас, с переводом их обработки на револьверные станки они обходятся от двадцати восьми до двадцати трех копеек штука.

Или гайки «Рот» (к брандспойтам и рукавам). Их ежемесячно изготовляют не менее четырех-пяти тысяч штук, причем обработка каждой обходилась сорок, тридцать пять копеек, а сейчас — лишь восемь копеек штука. Сейчас этот метод работы внедрен и на заводы «Манометр» и Коломенский, где выпуск гаек «Рот» доходит до двенадцати тысяч в месяц.

Не один миллион рублей экономии получил завод «Арматура» от этого небольшого роста человечка в сапогах и кожаной куртке с неизменной «заячьей ножкой» в зубах, именуемого Василием Ивановичем Бутыгиным. Уважают, любят и гордятся им рабочие. Ценят его.

И однажды в порядке премирования послали его вместе с другими товарищами на экскурсию в Ленинград. Побывал там мастер Бутыгин на многих предприятиях, в том числе и на заводе «Вулкан». Глядел всюду, много беседовал с рабочими и администрацией, что-то вычислял, отмечал в своей записной книжке. А вернувшись обратно на завод, Василий Иванович заявил:

— Заказы на ведра для огнетушителей больше не будем отдавать на сторону. Я берусь наладить изготовление их на самом заводе.

До этого момента работу это обычно отдавали промкооперации с оплатой за одну только обработку от трех рублей семидесяти пяти копеек до четырех с полтиной за штуку.

Приступил Василий Иванович к претворению в жизнь сделанного им заявления. Проделал все необходимые подготовительные процессы, изготовил несколько штук ведер и представил заводоуправлению. Одобрили. Направили в трест. Но там на деле взглянули иначе. Инженер Соколов поверхностно подошел к делу, не разобрался в его сущности и забраковал ведра.

Но Василий Иванович не из тех, которые отступают перед трудностями. Он дождался момента, когда Соколов уехал в отпуск, и поставил вопрос о ведрах перед другим инженером, т. Жуковым. Тот отнесся к делу с должным вниманием, и вопрос быстро получил свое разрешение.

Теперь до тридцати тысяч ведер, потребных заводу в год, завод вырабатывает у себя и обходится такое ведро всего лишь рубль восемьдесят копеек за штуку. Причем вместо прежде отпускавшихся 58 листов оцинкованного железа на каждые 100 штук его теперь расходуется только 46 листов.

Трудно, чрезвычайно трудно хотя бы только перечислить все те рационализаторские мероприятия, которые были осуществлены по предложениям и при помощи мастера Бутыгина. Многочисленны изобретения и рационализаторские предложения т. Бутыгина. И не раз, добиваясь проведения их в жизнь, Василию Ивановичу приходилось побеждать косность, волокиту, явную враждебность и недоверие, а подчас и высмеивание. Но Василий Иванович неизменно побеждал, и вот почему: он в совершенстве владеет техникой производства и пользуется поддержкой массы. При этих условиях почти невозможно оспаривать т. Бутыгина, ибо он сам, своими руками немедленно приступит к проведению в жизнь того мероприятия, которое разработал. А рабочие всегда готовы ему помочь. И помогают.

Рабочие твердо знают:

— Если за дело взялся Василий Иванович, значит дело верное. Значит будет выгода заводу.

Был случай, когда не только отдельные рабочие, но почти весь цех принимал участие в осуществлении того мероприятия, которое наметил мастер Бутыгин.

Много лет трубки к огнетушителям (цилиндровая и поршневая) изготовлялись из латуни, причем длина каждой трубки равнялась 600 миллиметрам, Василий Иванович переконструировал эти трубки, предложив изготовлять их, укоротив каждую на 100 миллиметров. Осуществление этого предложения, нисколько не отражаясь на качестве работы, должно было принести экономию цветного металла: вместо 1.410 граммов каждая переконструированная пара трубок весит лишь 870 граммов, то есть получается экономия в 540 граммов на каждой паре трубок. А

Фото фотокружка з-да „Арматуры"

Тов. Бутыгин

таких трубок завод изготовляет за год 25 тысяч штук.

На этот раз категорически воспротивилось принятию предложения т. Бутыгина заводоуправление, сославшись на то, что нельзя, мол, нарушать заказ, принятый от треста.

Все доводы Василия Ивановича о том, что его предложение нисколько не отразится на качестве выполнения заказа, ни к чему не приводили.

Тогда Василий Иванович, на свой риск, предложил цеху изготовить тысячу трубок к огнетушителям, реконструированных по его указаниям, то есть длиной в 500 миллиметров вместо 600 миллиметров. Заказ был выполнен, отправлен в трест и там принят без каких бы то ни было возражений. То же самое повторил Василий Иванович вторично. И в третий раз. Когда и третья тысяча трубок к огнетушителям была принята заказчиком, Василий Иванович сообщил о проделанном им опыте заводоуправлению, поставив его перед фактом.

Теперь заводоуправлению ничего не оставалось делать, как согласиться с мастером Бутыгиным. Так это и было.

С тех пор уже много деталей, изготовлявшихся из цветного металла, по предложению Василия Ивановича уменьшены в размерах и весе или делаются из недефицитных металлов. Многие сотни тонн цветного металла сэкономил завод при помощи т. Бутыгина.

Вот и сейчас т. Бутыгин проделал огромное дело, дав миллионную экономию не только заводу, но и тресту, совершенно высвободив многие сотни тонн цветного металла. Дело в том, что завод вырабатывал корпуса по определенным моделям. В 1930 году трест ввел стандарт (по новой модели). Но вес корпусов, изготовленных по новым моделям, оказался тяжелее прежде вырабатывавшихся. Таким образом расход цветного металла при изготовлении того же количества корпусов оказывался значительно большим.

Василий Иванович заспорил. С циф-

рами, выкладками и расчетами в руках доказывал он нерентабельность нового стандарта, добиваясь его отмены, предлагая, без ущерба для качества, переход на облегченный по весу выпуск стандартных корпусов.

Спорили много и упорно. В разных инстанциях и комиссиях. А время шло.

За один лишь 1931 год трест потерял 736 тонн цветного металла. Но ничто не научало?

Тогда т. Бутыгин перенес решение спора в НК РКИ. Там сумели должным образом разобрать заявление Василия Ивановича.

И «стандарт» был отменен.

НК РКИ обязал трест перейти на выпуск корпусов по стандарту облегченного типа, как того добивался Василий Иванович.

Попутно НК РКИ обязал трест претворить в жизнь и другие предложения Василия Ивановича, а именно: 1) стволы брандспойтов изготовлять не из красной меди, как это делалось до сих пор, а из железа, с последующей оцинковкой; 2) гайки «Рот» изготовлять не из меди, а из чугуна, и т. д.

Выполнения этих предложений Василий Иванович добивался с 14 ноября 1928 года.

Если учесть, что выпуск облегченного типа корпусов будет проведен по всем предприятиям треста согласно решению РКИ, то получится полное высвобождение до 750 тонн цветного металла в год. Остальные принятые предложения мастера Бутыгина дают еще до 200 тонн сэкономленного цветного металла. В переводе на деньги это означает экономию до двух миллионов рублей золотом в год.

У Василия Ивановича пятеро детей.

Из них один сын — Серафим, двадцати восьми лет — инженер Красной армии, член ВКП(б) (был комсомольцем с 1920 года).

Второй сын — Павел, двадцати шести лет — член партии. Сейчас на хозработе. Был в Красной армии, отличился в боях в ДВКА и награжден орденом Красного знамени.

Третий сын — Сергей, двадцати четырех лет — вузовец, член ВКП(б).

Есть и еще младшие дочь и сын, оба — пионеры.

Василий Иванович был беспартийным. Был... Но, кадровый пролетарий, неразрывно связанный с рабочим классом тысячами кровных нитей, видя, что принес Октябрь и ему и всему рабочему классу, видя успехи социалистического строительства, достигнутые благодаря энтузиазму трудовых масс, помноженному на испытанное руководство ленинской большевистской партии, — старый кадровый рабочий, мастер Василий Иванович Бутыгин не счел для себя возможным оставаться дальше вне рядов партии. Он подает заявление о приеме.

На общем собрании Бутыгина принимают единогласно.

И как раз сейчас, пятнадцатилетнюю годовщину Октября мастер Бутыгин празднует вместе с трудящимися массами всего Советского союза, являясь уже членом Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Это высокая честь в Стране советов. Ее надо заслужить конкретными делами в борьбе за генеральную линию партии, за дело рабочего класса.

Мастер Бутыгин с этой задачей справляется вполне.

П. Воробьев

ТАК БЫЛО

Михаила Петровича Борисова знают все рабочие и работницы завода имени Дзержинского. Все — от мала до велика.

Товарищ Борисов — лучший ударник завода, старый слесарь, член партии.

Сегодня вечером Михаил Петрович и я сидим в его комнате. Она, белая и просторная, обнимает нас теплом и свежестью воздуха. Положив руки с узловатыми пальцами на стол, Михаил Петрович смотрит в широкое итальянское окно своей комнаты. Черные глаза его блестят, он вспоминает:

— Молодость?.. Прошла она хромоногая, кувырком. Комната была тесная, спали вповалку, на одной наре. Окно наше выходило в забор, возле которого останавливались прохожие для своей надобности. Рабочий жил, как свинья!

Теперь Михаил Петрович и я видим через окно выклепанное раскаленными заклепками звезд небо и долго наблюдаем, как темная запятая аэроплана, обгоняя сломанный диск луны, идет на запад. Мы живем выше, и многое стало доступно нашему глазу.

Михаил Петрович рассказывает о своей жизни все по порядку.

Тогда мне лет было столько, сколько на руках моих пальцев. Когда я работал учеником слесаря в мастерской, меня били так, что мозги вскипали от тупой боли и ненависти.

На работу выходил в пять часов утра и целый день работал, работал... Руки мои чинили утюг, потом паяли самовар, потом снова утюг, потом замок, самоварную трубу, детский велосипед. (Я завидовал детям, катающимся на этом велосипеде.)

В мастерскую приходил пьяный хозяин. Было ему шестьдесят годов. Давно задумал он, но никак не мог нажить себе большую металлическую фабрику. Был кустарем. За долгие годы отрастил себе широкую седую бороду. Прислуги у него не было, и очень часто владелец дома требовал очистить помещение из-под мастерской за неуплату денег. Это озлобляло его, и он вымещал свою злобу на нас.

— Сволочь! — кричал он на мальчиков (взрослых мастеров не было), заставляя непосильно работать. Бил куда ни попадя.

В голове рождалась только одна мысль: «Скорей бы ночь!» От устали ноги в суставах немели, и все сочленения дрожали. Из рук вываливались инструменты. Хотелось упасть, схватиться скрюченными пальцами за неровный пол крепко-крепко, чтобы не оторвали, и спать.

— Мишка, сволочь!.. Гляди, олово капает на ногу, гад!

В ухе долго стоит звон от удара.

Стрелки «ходиков» показывают десятый час. Скоро ужин, но есть не хочется. Во рту сухо, веки слипаются, но спать рано, — работы еще много. А завтра в пять часов утра надо будет просыпаться и ставить самовар.

О, этот пузастый, противный, как хозяин, самовар! Надоел он нам, ребятам, до остервенения! Это он отнимал у нас сладкий утренний час.

Желая пролежать лишнюю минуту утром, я наливал самовар водою с вечера, чтобы, проснувшись на заре, мне с ним не мешкаться.

Как-то раз была не моя очередь ставить самовар. Я спал, и мне снился какой-то приятный сон. Мне и не надо бы вставать, но привычка взяла свое, я вскочил. Самовар стоял наготове, как всегда. Я насыпаю углей и тычу в трубу пучок пылающей лучины. Разжег и сам бегу в мастерскую на работу.

Я ставлю заклепки в крышку утюга.

После сна руки мои отекли, и пальцы не сжимаются.

Но самовар вероятно поспел. Ноздри мои ощущают какой-то неприятный, угарный запах. Я бегу в кухню. Медное пузо самовара покраснело, труба упала набок, олово горячим ручейком протекло в щель пола.

Оказывается, в самовар не была налита вода, и от моего разжигания он распаялся.

Чтобы удобнее было меня бить, я подставил хозяину голову. Он запустил свою здоровенную пятерню в волосы и, оскалив свои ржавые зубы, бил редко, с каждым ударом выбирая свежее место. В этот день он отшиб у меня память так, что вот сейчас я уже не помню, как я жил у этого хозяина дальше.

А колесо жизни скрипело и вертелось вперед и вперед. — Сбежал я от хозяйчика на завод несгораемых шкафов к Миллеру. Но — хрен редьки не слаще. Толстый здоровенный немец умел издеваться более тонко, «по-цивилизованному». Однажды, проходя по цеху, он бамбуковой клюкой ударил старика-слесаря Герасима Герасимовича, когда тот, согнувшись «в три погибели» (как он любил сам выражаться), правил листы железа. Слесарь запрокинул свою голову, и открыл рот, собираясь взвыть. Миллер воткнул ему в рот окурок своей сигары и сказал, доставая рубль из кармана:

— Если хозяин бьет тебя — радуйся...

Машин и станков на заводе было очень мало, и вся работа производилась вручную. Работали бригадой по шесть, по восемь человек, сдельно. Весь заработок получал бригадир («поп»).

Шли всей бригадой в трактир. «Поп» за наши гроши угощал нас чаем с калачами. Тот, кто пил водку, в этот вечер получал вволю. Пили, плясали, дрались. Кроме общего пропоя заработка некоторые из «хороших» получали от «попа» подарки — штаны или рубаху.

Квартировали на «вольной» квартире, по двенадцать человек в комнате (вот в такой по размерам, в какой я один сейчас с женой живу, — двадцать четыре метра), платили по три рубля с человека. К женатым приезжали жены из деревни и уплотнялись тут же, в одной комнате. С тоски и отчаяния пьянствовали «до локтей», в карты играли напропалую.

Запутался я совсем. Подвернулся «хороший» человек, закупил меня за сорок рублей в Астрахань. Поехал как мастер, думал облегченье себе найти. А приехал — хуже расстроился. В мастерской тридцать человек подростков-малышей, и ни одного, кроме меня, взрослого. Получали они по возрасту — по копейке за год.

Жизнь не стоит на месте.

1914 год. Об'явлена империалистическая война. Прощай, жизнь! Прощайте, жена и дети! Я — «бравый солдат русской непобедимой армии».

«Бо-же, ца-ря хран-и!..»

Финляндский стрелковый полк шагал через мазурские топи, в Карпаты. Несли великодержавное знамя и пели:

«Царствуй на славу — на страх врагам...»

— Смирно! Становись на молитву!

— Что нос высунул из ряда! — кричал фельдфебель и бил между глаз в переносицу так, что глаза наливались синевой.

Выходит поп с крестом, влезает на стол.

— Христолюбивые братья! — заговорил он дрожащим голосом.— Варвары хотят погубить православную веру, отобрать наши земли, обесчестить ваших жен и дочерей. О, братие во Христе!..

Солдаты сдвинулись тесным кольцом вокруг стола в кучу, понуря голову в землю. Поп вошел в раж и забыл, что ходит по крышке стола. Ногой наступил на край. Стол перекувырнулся кверху ножками. Серое кольцо солдат раздалось, и поп ударился глазами о мысок солдатского сапога.

— Рота, стройся! Бараны-ы!.. — взревел ротный, сконфуженный тем, что никто из солдат не смог поддержать падающего попа. — Смирно!., Глубоким снегом два часа, шагом марш!

Грохотали снаряды, дробящие землю и людей. Выла пурга. На Карпатских вершинах мороз доходил до тридцати градусов. Мы готовились к бою. Завтра... Завтра, может быть, будет желанная развязка. Я устал и в жизни ничего лучшего не вижу. Завтра бой, смерть... Мы давно-давно уже мертвы. По всему белому свету бродит неустанная смерть. Караулит со свинцовой печатью возле каждой головы. Завтра!

Раннее утро. Солнце скрылось в дыму. Кругом мрак. Только и видно, как выплескивает молния разорвавшегося снаряда, и гремит неустанно гром. И дымное небо от взрывов, кажется, шатается над нашими головами.

Шли молча, как немые. Откуда-то родился острый крик, больше похожий на крик ребенка, вышедшего из утробы матери. Я кричу вместе со всеми что-то свое, безумное, непонятное. Я бегу с винтовкой наперевес в гору. Что-то острое кольнуло меня. Винтовка выпадает из рук, в глазах начинается ночь... Падаю на колено, глаза мои медленно закрываются. Пуля пробила руку, пальцы слипаются в крови. Сознание борется, я падаю на бок и качусь с горы вниз.

Я спасен. В санитарной повозке привезли в лазарет. Меня заставляют жить, а жить не хочется. Лечат рану и обмороженное тело, чтобы потом более удачным ударом убить его. Нет, этого мне не хочется. Надо бежать!

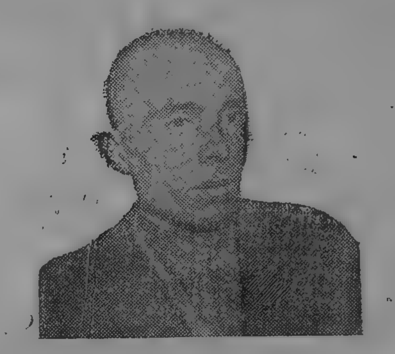
Я бегу и попадаю в руки начальства. Меня бьют и снова лечат, чтобы здорового убить в бою.

Но Николку свергли. Офицеры перепугались. На армейском с'езде полковник фон-Ладье говорит речь:

— Солдаты, Россия свободна. Теперь нужно драться до полной победы. Нам теперь есть за что драться.

Я, младший унтер-офицер, должен сказать, то, что поручила мне моя рота. И я поднимаюсь и говорю против полковника фон-Ладье:

— Довольно! Долой войну! Буржуазия вас обманывает!

Тов. Борисов

Мне показалось — я вырос вместе с этими словами на целую голову.

Кругом зашумели. Когда я кончил говорить, лучшие мои товарищи заслонили меня и дали мне возможность бежать от немедленного ареста.

Через день я повел свою команду брататься к проволочным заграждениям немцев. Мы выражали свою мысль языком, руками, мимикой.

— Зачем воевать? Мы братья по классу. И враг, против которого мы должны воевать, — наш общий враг — буржуазия.

Михаил Петрович замолк.

Ночь за окном комнаты стала темней и губже. Часы ударяют двенадцать раз. Завтра с утра — работа на заводе. А сегодня — нужен здоровый, крепкий отдых.

— А что, Михаил Петрович, если придется еще разик на войну сходить?

— Теперь даже обязательно, — говорить Михаил Петрович. — Теперь у меня на самом деле есть за что бороться: за н а ш и заводы, за н а ш и фабрики, за н а ш е социалистическое строительство!. Дочь моя работает на заводе вместе со мной. Вот он сын — фабзайчонок! И вижу я, что им мы, старики, открыли новую, небывалую дорогу — дорогу к социализму.

Н. Шатилов

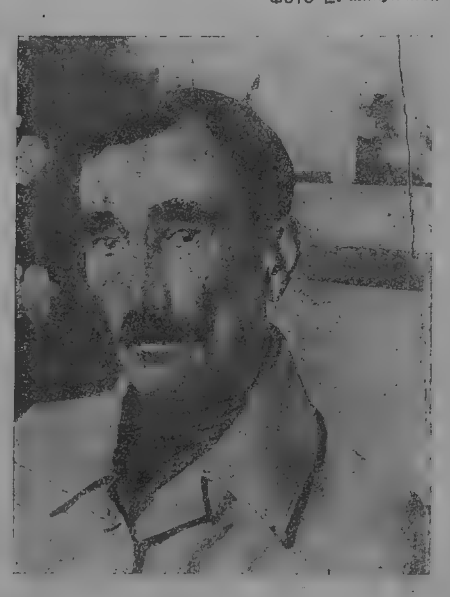
Говорят массам

Их трое.

Ничего, что седина посеребрила им волосы. Голоса звучат юношеской бодростью. Чувствуется, что они говорят с сознанием своей огромной ответственности перед массами. Они говорят массам — тысячам молодых рабочих и работниц, поколению великого Октября.

Двое мужчин и одна женщина. Всего трое, а кажется, что это огромный человеческий коллектив. За каждым из них стоят сотни. Эти трое — передовые из передовых. Это те, на плечах которых выросла фабрика.

Фото Е. Микулиной

Тов. Рябов

* * *

Голос Ольги Львовны Кудрявцевой иногда наполняется волнующим негодованием, обидою прошлого, и слышится — вот-вот он дрогнет привычной женской слезою... Но это только на одно мгновение. Вот он снова подымается кристаллическим звуком, вызывая чувство уверенности в окончательной победе над строем бесправия и угнетения.

— Товарищи, раньше мы работали на деревянных фабриках, были деревянные лестницы, деревянные стены. А теперь у нас новые, железо-бетонные гиганты.

Это она говорит попутно. Больно уж не терпится сказать именно об этом, вспоминая тяжелое прошлое. И как-то невольно хочется громко, радостно, во весь голос крикнуть: «Теперь у нас гиганты!».

— Я работаю на фабрике с 1890 года, — спокойно рассказывает Кудрявцева. — Поступила я на фабрику с двенадцати лет. Сейчас мне пятьдесят пять лет, и не было еще ни одного года, когда бы не работала на фабрике... Сколько я тогда зарабатывала? Семь рублей пятьдесят копеек в месяц за двенадцать часов ежедневной работы. Вот сколько. И горе, бывало, если опоздаешь! Прибежишь запыхавшись к воротам, а сторож: «Куда прешь? Видишь — закрываю. Иди домой, доспи, — ты не выспалась, небось». И пойдешь... Больно мне хотелось поучиться хорошей работе, квалификацию получить, но не тут-то было!

не позволяли. Был у нас заведующий, как Иван Грозный: берет тебя за шиворот и выбрасывает вон из цеха. «Дело не твое! — кричит он. — Делай, что дают!». Эх, и настроение же было! Кажется, если бы знала дорогу, так и пошла бы прямо пешком в деревню...

Да, товарищ Кудрявцева! Многие из вас, — все, кто работал задолго до революции, испытали на себе жестокую руку хозяев-эксплоататоров...

Вот что мы узнаем из истории фабрики.

Сам Альфонс Ралле, хозяин фабрики, если не считать жажды к наживе, никакими талантами не отличался. В 1850 году власти разрешили этому французскому рантье открыть в Москве парфюмерную фабрику. Было разрешено нанять всего сорок человек рабочих.

Уважая закон, Ралле нанял всего тридцать девять рабочих, сам — сороковой. А вот что мы читаем в ведомости, составленной этим сороковым:

«На данное число на фабрике числится 39 молодцов и 13 мальчиков».

Тридцать девять «молодцов»! А тринадцать мальчиков — это, так сказать, не в счет. Зато уж и эксплоатировались эти «мальчики» вне всякого счета.

Был у Ралле управляющий Бого. Хороший был управляющий, под стать своему хозяину.

Жизнь рабочих при Бого, — узнаем мы из архива фабрики, — ничем не отличалась от тюрьмы. Живших в казарме при фабрике он отпускал гулять только три раза в неделю. Возвращающихся домой после двенадцати в общежитие не пускали. Заставляли ночевать на улице.

Рабочий день продолжался, как правило, двенадцать часов. Мужчины получали девять — пятнадцать рублей в месяц, женщины — тридцать — тридцать пять копеек в день.

По вечерам, во время работы, Бого ходил вокруг фабрики, заглядывая в окна. Если увидит, что кто-нибудь зевнул или потянулся, — записывает в книжку, а при выдаче зарплаты за каждый зевок вычитал по пятачку.

Особенно доставалось этим самым мальчикам.

Их драли за уши за малейшую провинность.

Однажды, застав на кухне двух мальчиков, зашедших туда перекусить, Бого с руганью набросился на них, пытаясь ударить. Один из мальчиков выпрыгнул в окно, а другой хотел спрятаться под стол. Но раз'яренный управляющий схватил его за волосы и хотел так тащить до самого цеха. Мальчик спасся тем, что выплеснул в лицо Бого кружку с квасом и убежал.

Взбешенный Бого приказал собрать во двор фабрики всех мальчиков.

— Где тут, который в меня... квасом?

— Ей-богу, господин Бого, не знаем!

— Как, стервецы, не знаете?! Он был в красной рубахе.

— Да мы тут почти все в красном. Который же?..

— В красном?.. Ах, чорт, в самом деле! Вы что это, якобинцы проклятые, в красные рубахи разрядились? Чтобы не было! Немедленно!..

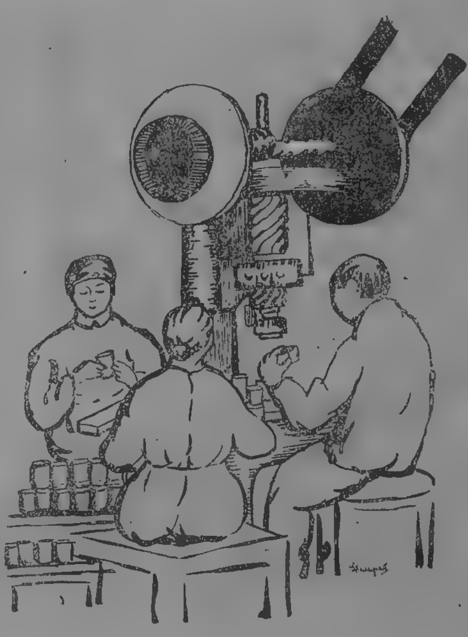
Дальше Бого уже не мог кричать. На губах у него выступила пена. Красный цвет бросился ему в глаза, в голову, замутил сознание.

Ребятишки разбежались.

* * *

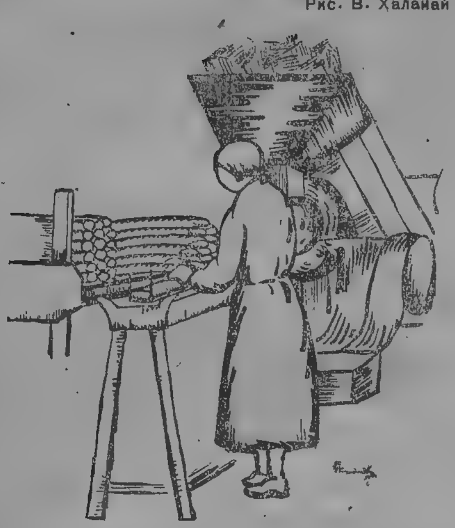
— Тяжелая была жизнь, — говорит, вздохнув, Максим Федорович

Рис. В. Халанай

Ф-ка „Свобода". Мыльный аггрегат

Рис. В. Халанай

Ф-ка „Свобода". Колбасная машина для резки мыла

Рябов. — Поступил я на фабрику еще пятнадцатилетним мальчиком. Работать приходилось с восьми утра до шести часов вечера. Десять часов каждый день — за гроши. Правильно говорит товарищ Кудрявцева — все это пришлось пережить, испытать на себе.

Вот они где сидели у нас, эти Ралле и Боко, — показывая на затылок, угрюмо добавляет Максим Федорович.

Сбросили. А трудная была борьба!

Когда началась война с Японией, забрали меня в армию, — рассказывает Рябов. — Многих побили. Я остался жив.

Собрались домой ехать. Вдруг — приказ: задержать в Николаеве. Почему, спрашиваем, домой не везут нас? — Нельзя. В Москве чума.

Это офицеры так изображали перед нами революцию 1905 года. Боялись фронтовиков-рабочих впускать в самый центр революционной борьбы.

Не вытерпели мы. Нашли среди своих ребят машиниста, сами за кочегаров, кондукторов и оберов. Составили поезд из запасных вагонов и двинули в центр. Так доехали до Москвы. Сами себе на станциях давали отправительные звонки.

Первое, что я увидел на Красной Пресне, — это полицию, громившую дом лейтенанта Шмидта. Реакция торжествовала. Разгромив славные баррикады, расправившись с революционерами, царская власть вымещала свою злобу на кирпичах дома, где жил революционный офицер морского флота.

Тяжелая была борьба, а все-таки сбросили мы их, проклятых. Вот товарищи Кудрявцева и Обухов знают. Вместе пережили. Трое нас осталось, старых рабочих нашей фабрики. Все на своих плечах вынесли. А теперь нас — сила!

После 1905 года, во время реакции, надумали мы бастовать. Прежде всего написали требование дирекции: повысить расценки. Отказали. Мало того, стали увольнять старых рабочих и нанимать взамен новых. Работницы наши организовали пикеты против штрейкбрехеров. Разбивали стекла в трамваях, в которых новые рабочие приезжали на фабрику. Не помогло. Три недели мы не сдавались. Но потом, не выдержали — пошли к хозяевам просить о приеме на работу.

Неприятно было смотреть на унижение своих товарищей. Я пришел последним.

— Для вас нет работы, — заявил мне хозяин. Но все-таки поломался немного и принял.

Но так и оставили меня под подозрением. Перевели в другое отделение, где заведующим был немец, специально поставленный охранкой по выуживанию политических сведений. С меня этот фигляр никогда глаз не спускал.

Бывало, спрашивает:

— Ну, Рябов, рассказывай, когда забастовать надумали?

— Не знаю, — говорю.

— Врешь, ты знаешь! — кричит он на меня. — Говорить не хочешь? Ну, да я допытаюсь. Всех вас, забастовщиков, в Сибирь упекут...

Каждый день грозили Сибирью да каторгой, мучили на работе, донимали штрафами, стремились в безмолвных скотов превратить. Да не вышло. Нет такой силы, которая сломила бы силу рабочих!

При этих словах глуховатый голос Рябова подымается до гулкого, вызванивающего сталью. Шире разворачиваются слегка сутуловатые плечи, вспыхивают победным пламенем еще совсем юные глаза старого, испытанного в боях пролетария.

— Верно все это, правильно! Сама испытала, — вспыхивает товарищ Кудряв-

Фото Е. Минулиной

Тов. Кудрявцева

цева. — Работали в холоде, в воде. Наша фабрика стояла на болоте. Ревматизм наживали, подагру, туберкулез. А хозяева об этом не думали. Зато с «богом» действовали. Даже заплесневелые на болоте стены они «освящали» особым молебном.

...Собрали нас на «торжество». А мы тоже со своей стороны решили отпраздновать. Хозяева приглашали попов и причт, а мы — самого лучшего большевика-пропагандиста.

Наверху, в хозяйских апартаментах устроили роскошный обед для хозяев, приказчиков и представителей власти. А у нас в корпусах для рабочих подали пустую похлебку — наше обычное хлебово.

Только мы сели за столы, выступил наш оратор. Он говорил:

— Смотрите, как ваши эксплоататоры развлекаются, там, наверху. Им сухо, тепло. Они сыты, одеты. А вы?.. Почему вы болеете туберкулезом? — Потому, что хозяева, выжимая из вас прибыли, держат вас в сырых холодных корпусах... Выход один, товарищи, — организовываться на борьбу с эксплоататорами, бастовать!

Тут появилась, как из земли, полиция. Хотели арестовать пропагандиста. Да рабочие не дали. Замешали его в толпе, и он сумел убежать.

После этого «освящения» у нас наладилась работа подпольной организации. Организовались тайные кружки. Собирались мы по ночам, в укромных местечках, как будто грамоте учиться, а в это время обсуждали и решали вопросы борьбы.

В революцию 1905 года у нас на фабрике были организованы Совет рабочих депутатов и своя боевая дружина из восемнадцати человек.

Не думайте, товарищи, что мы шли с голыми руками. Нет. У нас были револьверы, кинжалы и самодельные пики. Мы готовились к серьезным боям.

Бились в первых рядах в 1905 году. Завоевывали власть в 1917 году. За сорок три года работы на фабрике много-го навидались, много испытали радости и горя. Но никогда не забуду радостного времени — завоевания свободы. Вот уж пятнадцать лет прошло, а все — как вчера. Октябрь — холодный месяц, а на душе было, как в мае.

Было нас сорок три года назад пятьдесят рабочих. Работали на хозяев. Те-

Фото Е. Микулиной

Тов. Обухов

перь — две тысячи четыреста. Работаем на себя, на свое, рабочее государство.

— Ольга Львовна и Максим Федорович много рассказывали о прошлом нашей фабрики. Мне теперь остается поговорить о наших достижениях. Пусть узнают рабочие других фабрик и заводов, с чем мы пришли к пятнадцатой годовщине великого Октября.

Это говорит Обухов Иван Васильевич, многозначительно поднимая руку вверх. Из всех троих он выглядит самым молодым, самым упругим. Кажется, что все его сухощавое тело состоит из одной, туго сжатой стальной пружины, готовой каждую минуту разжаться в стремительном, молниеносном броске.

— Какие же достижения мы имеем? Если еще совсем недавно мы имели два котла, то теперь уже шесть паровых котлов нагревают и двигают наши машины. Недавно не было у нас ничего. Не было труб, не было материалов. Рабочие сами, своими руками добыли все то, что теперь имеется на фабрике... Вместо одной сушилки, имевшейся всего три года тому назад, мы теперь имеем четыре сушилки для сушки мыла. Совсем недавно мы выписывали специалистов из-за границы. Смотрели, как они работают, учились у них, перенимали опыт. А теперь... — Обухову трудно сдержать торжествующий смешок. — Теперь мы сами стали специалистами!.. У нас в тубном цехе сто процентов ударников. Растет изобретательство, рационализируется производство. Семьсот пятьдесят восемь предложений было внесено рабочими в одном только 1931 году. Уже больше половины этих рационализаторских предложений проведено в жизнь, реализовано на производстве.

В октябре 1917 года рабочий класс нашего Союза завоевал свободу. Именем свободы названа теперь наша фабрика. И нам думается, что фабрика «Свобода» с честью носит это имя.

„Без партии, способной собрать вокруг себя массовые организации пролетариата и централизовать в ходе борьбы руководство всем движением, пролетариат в России не смог бы осуществить свою революционную диктатуру.

Но партия нужна пролетариату не только для завоевания диктатуры, она еще больше нужна ему для того, чтобы удержать диктатуру, укрепить и расширить ее в интересах полной победы социализма.

Партия нужна пролетариату для того, чтобы завоевать и удержать диктатуру. Партия есть орудие диктатуры пролетариата“

(СТАЛИН)

Н. Изгоев

БУДНИ

На выбор

Именно потому, что эти предприятия и их ячейки нельзя назвать образцовыми во всех отношениях; именно потому, что переплелись достижения с недочетами, победы с поражениями, удачи с неудачами; именно потому, что рядом с напряженной борьбой на одном участке порою увидишь бездействие на другом; что одни успехи чересчур высоко оценены, другие недооценены, одни неудачи восприняты с яростью, другие — с холодком; потому что стремительным натиском инициативы и активности опрокинуты трудности, и ячейка по ним ведет предприятие, не всегда успевая закрепиться на новых позициях; что живут предприятия молодо, буйно, не застыв, не упившись похвалами, и работают, не успокоившись, что в динамике этой сочетались традиции большевистской работы с непрестанным под'емом активности масс; что крепнут заводы и фабрики, улучшается жизнь трудящихся, вырастают и ширятся кадры строителей социализма в непрестанной борьбе, проходя через срывы, ошибки, через трудную новизну нашей жизни, — по многим этим причинам стоит поведать о фабрике имени ткача Петра Алексеева и заводе имени Ф. Дзержинского.

Бывает: живет завод полнокровно и ровно. Эта тишь успокоит, заворожит благополучием. Благоденствие воцарится в конторе, в завкоме. Благодушие завоюет ячейку, расползется в цехи, и актив разойдется в углы, и завод полегонечку начинает дышать по-иному, с одышкой. Но когда подкрадется новый этап, когда будет нужен новый рывок, «неожиданно» мускулатура окажется ослабевшей, каналы и русла, по которым проходит горячая заводская кровь, обмелевшими, заилившимися, и нужно много усилий, много сил, много нервов, энергии, чтобы восстановить положение. И не просто восстановить, а утвердиться на новой, на более высокой ступени.

Образцовый завод окажется завтра в хвосте, а отсталый прорвется и выйдет в ведущие. Промахи, срывы, ошибки бывают у самых отличных ячеек. И у самых отсталых, если во-время сыщут они основное звено, если сумеют напористо навалиться на решающие рычаги, должны быть, бывают и есть такие победы, которыми долго гордится район, а порой целый край и республика.

У множества, у большинства предприятий в Советском союзе есть все данные быть поставленными прекрасно. Для этого предприятие должно жить словно пронизанным электрическим током высоковольтного напряжения. Для этого ни одно из звеньев величайшей цепи наших обязательных возможностей не должно быть ослаблено. Но бывают порой непростительные, порой неудачно сложившиеся обстоятельства (об'яснение найти всегда можно, но не всегда найдешь оправдание), бывают такие усло-

вия, в которых срываются звенья, ослабевает вся цепь — и тогда наступают прорывы. Но та же могучая цепь большевистской работы, сплетенная из крепчайшей связи партии с массами, из беззаветной преданности рабочих масс делу социализма, из методов большевистского руководства, — эта цепь позволяет выбраться из глубочайших прорывов и итти на под'ем.

Может быть, даже наверняка, по Москве, по Октябрьскому району есть заводы и фабрики с показателями поярче, чем на фабрике им. П. Алексеева или заводе Дзержинского. Может быть, даже наверняка есть еще более сплоченный коллектив, еще большая сила конкретного руководства, еще более крепкие связи с рабочею массой, еще больше способности непрерывно будить энтузиазм и инициативу, беречь их, растить и холить и кипучим потоком энергии их поворачивать турбины социалистического строительства. Не в этом дело. Мы берем Алексеевку или Дзержинку так, как они сегодня есть, когда им не чуждо ни то, что встречается там худшего.

Старый производственник, ударник з-да им. Дзержинского тов. Лея

Кошачий концерт

Однажды на заводском дворе замяукали кошки. В жалобных и отчаянных их голосах слышались недоумение и тревога.

Что-то произошло.

Кошачьи страдания привлекли к себе всех, кто был в этот час на заводе.

Кошки сидели в клетках крольчатника и пускали рулады во всю мощь своих далеко не приятных голосов.

Завод хохотал. Не хихикая, не ехидно. Хохотали веселым, здоровым смехом, гулко раскатившимся по заводу, радуясь умной шутке, сыгранной над разглагольствовавшими работниками ЗРК, завкома, ячейки.

Крольчатник так долго стоял пустым, так долго мозолили проходящим глаза безнадежно пустые клетки крольчатника, что кто-то не выдержал и в насмешку посадил вместо кроликов — кошек.

И кошачий концерт призвал к порядку чересчур разговорчивое руководство.

На завтра в крольчатнике вместо кошек появились пушистые существа, и на этот раз это были кролики.

Те самые, которых рабочим завода Дзержинского поднесут на завтрак в первый день октябрьских торжеств. Такие же самые, какие, свыше двух тысяч мирно плодятся в подмосковном хозяйстве завода, обещая к будущему Октябрю составить удесятеренное стадо, но надеясь на еще не совсем заготовленные корма.

На фабрике имени Алексеева кошачьих концертов как будто не было. Правда, рабочие как-то навели милицию на веселую компанию, пьянствовавшую в парке. В этой компании был директор завода со своим пушистым и длинным «хвостом». Но этот намек тогда еще не был понят.

Директор на завод заглядывал редко. Он был занят: он бегал по всяким инстанциям, проводя ответственные операции,— он втирал очки. По примеру директора, многие присные, введенные им на завод, занимались где-то своими де-

лами. По примеру присных, некоторые специалисты успокоились и махнули рукой на дело: пусть идет, как идет.

А шло плохо, и все хуже. Зима подкатила к предприятию отчаянным браком. А завод еще жил баловнем: ему давали лучшее сырье. Но зимой поставили перед заводом задачу перейти на сырье суррогированное. Переход провели без рабочих, рабочим не рассказали о новом сырье, о свойствах его, о взаимоотношениях со старыми механизмами, никто не боролся за внедрение нового сырья в производство завода. Специалисты отмахивались:

— Разве можно?

По машинам шел лютый брак.

В январе 79,3% продукции — брак, в феврале — 92%, в марте — 96,5%.

В эти месяцы крепко испортились отношения между Фирсовыми. Оба — рабочие. Оба — ткачи. Муж и жена. Он — беспартийный, она — коммунистка.

И чем больше прометок было в товаре, тем больше прометок появлялось в семейной супружеской жизни ткачей Фирсовых. Продукция выходила с полосностью, — неряшливо, безобразно работала фабрика. Стала жизнь Фирсовых сплошь грязно-серая, и густые черные пятна пробегали по ней. Ссорились. Недосеки, подплетины проходили из фабрики в жизнь.

Задирал, собственно, муж.

Он не смеялся над тем, что жена его в партии. Нет, за это он ее уважает.

Он не издевался над ней за общественную работу. Нет, он присматривался, он прислушивался к этой работе.

Он не ругал жену «партбилетом в юбке», как «некоторые — которые»...

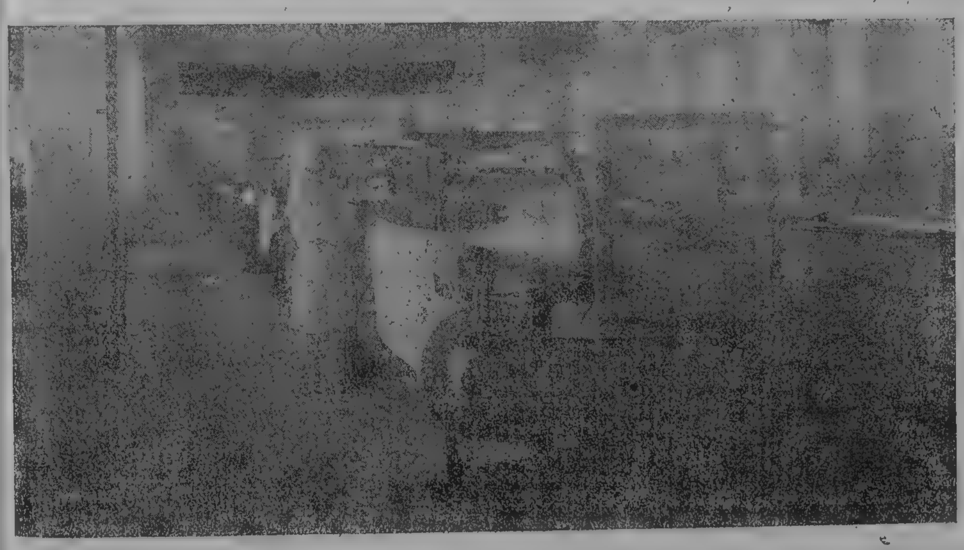
Но, сумрачный, злой и обиженный, хрипло и злобно кричал он жене и ее подругам-партийкам, старым товаркам, прожившим в ткацком цехе по целой четверти века:

— Сороки, чего вы молчите? Лупоглазые, чего вы не смотрите? Что вы не боретесь? Вам, партейным, доверена фабрика в первую очередь, а мы скоро до того доработаемся, что и память ткача Алексеева отработаем в брак.

Фабрика делала брак.

Секретарь ячейки в цехи не показывался. То ли боялся рабочим в глаза посмотреть, то ли помогал директору хвастать в районе прекрасными достижениями: по количеству фабрика шла впереди, фабрика победно гнала метраж, и директор хвастал этим успехом, скрывал, что все эти длинные метры — просто-напросто брак.

На фабрике Алексеева кошек в крольчатник не сажали. Но у каждого рабочего, преданного социалистическому хозяйству, — а таких рабочих на фабрике

В цехах фабрики им. Петра Алексеева

подавляющее большинство, — отчаянно скребли на душе кошки, и поэтому Фирсов костерил свою жонку, костерил каждого, кто попадался ему на глаза.

Двадцать пять лет простоять у станка, из этих двадцати пяти — пятнадцать лет каждый метр протягивать как дорожку социализму и теперь, вот вступив в него — делать брак!?

И каждый партиец, у которого кошки скребли рабочее сердце, — а таких подавляющее большинство на фабрике, — начинал царапаться в стенки пустого крольчатника, в который очковтирателями превращалась фабрика, начинал думать о путях спасения старой фабрики.

Тетя Таня — ткачиха Титова, подруга Фирсовой, — ходила «ябедничать» в райком. Не нравилось это директору. Сплетничает, де склочничает она.

Давно уже просилась тетя Таня на учебу. Старой ткачихе, вступившей в партию в тяжкие годы гражданской войны, учиться не поздно и в сорок лет. Раньше ее не пускали. Но теперь директор, вызнав про «кляузы», про беседы в райкоме прибежал умиленный, приветливый, ласковый.

— Тетя Таня, иди на учебу. Вот путевка в Промышленную академию. А не хочешь — в Торговую можно.

Тетя Таня в те поры не захотела итти на учебу.

— С фабрики не уйду, пока не добьюсь перелома.

И не пошла ни в Торговую, ни в Промышленную академию. Пошла опять ходить и доказывать, что фабрику надо спасать.

Документ

Жил он или не жил, но этот трест существует и носит название «Нежилтрест». Видимо не жил, потому что когда дзержинцы, обегав район, искали подвал, он сунул им помещение в Оружейном переулке, и завод уплатил три тысячи рублей за вывозку мусора из этого подвала. К сожалению в состав этого мусора не вошли управление дома и работники «Нежилтреста». Подвал оказался маленьким, да и домком оказался благодарным заводу за очистку подвала от мусора и поэтому спешно завалил в подвальчик дрова. А с улицы ЗРК завода Дзержинского насыпали в подвальчик картофель. Пошли сутяжничество, штрафы, суды, приезжали комиссии, картошка потела. Надоело заводу эта волынка и уже без помощи «Нежилтреста» отыскали рабочие рядом с заводом большущий подвал, просторный, сухой, под самым носом Райпита. Вывезли мусор и здесь, а мусор этот копился со времен Октябрьской революции, и забрали подвал.

Так завод обеспечил себя не только картошкой, но и хранилищем для нее. Занимались этим делом не столько в ЗРК, сколько в ячейке, и не столько в самой ячейке, сколько в ее цеховых звеньях. Партийцы болели душой за картошку, — заводу досталась она нелегко, — поработали и разыскали что требовалось.

Так и на Алексеевке бились за другое помещение, еще поважнее, покрупней, посолидней.

«В МОСКОВСКИЙ КОМИТЕТ ВКП(б)
т. КАГАНОВИЧУ

От «треугольника» и рабочей бригады фабрики имени ткача Петра Алексеева Октябрьского района.

Дорогой тов. Каганович!

На фабрике имени ткача Петра Алексеева намечены к переоборудованию четыре рабочие казармы на квартирную систему: две из них надстраиваются — по два каменных этажа, и две внутри переоборудуются.

Переоборудование ведет Стройтрест Октябрьского района.

Строительство начато 25 мая с. г. Рабочие в количестве 200 семей выселены 22 мая. Часть рабочих семей помещена в производственный корпус фабрики, часть находится в шалашах, и часть помещена в рабочем клубе.

Срок переоборудования и окончания строительства — 1 сентября.

На 5 августа должно быть выполнено работ на 70% по плану, но мы имеем выполнение на 45%.

На 5 августа должно быть завезено стройматериалов 80%, имеем в наличии 40%.

Особенно острый недостаток ощущается в гвоздях, которых завезено только 15%, пиломатериалов 25%, материалов по специальным работам завезено только 10%, а также имеется недостаток в рабсиле особенно квалифицированной (штукатуры, плотники, слесаря, маляры и т. д.).

В общем, оставание от плана по строительству на 30 дней.

На основании решения МК ВКП(б) было произведено обследование строительства комиссией, которой было предложено не выселять рабочих из двух корпусов и работы не производить, ограничиться только ремонтом, а также было установлено для окончания двух начатых корпусов в срок обеспечить полным завозом материалов согласно заявок, составленных по пятидневкам прорабом об'ектов, на что было дано согласие т Константинопольского.

До настоящего времени перелом в завозе материалов имеется незначительный, несмотря на то, что прошло после обследования комиссии 6-7 дней. Работа тормозится, что угрожает невыполнением сроков.

Мы, выделенная бригада для быстрейшего продвижения материалов и транспорта более двух с половиной месяцев соприкасаемся с теми учреждениями, которые выдают фонды на эти материалы, а чаще всего приходится получать эти фонды из Моссовета, и когда обращаешься с этими бумажками на склады Мосснабсбыта, на которых материалов не оказывается, то получается, что фонды остаются на бумаге.

Учитывая положение и настроение рабочих, что темпы работы по переоборудованию казарм слишком медленны, 28 июля мы решили записаться к вам на прием, и 4 августа нас направили к т. Булышеву и т. Рубину, которые нас уверили в помощи по обеспечению материалами и окончанию постройки в срок. Но ввиду того, что времени для окончания строительства осталось 20 дней, перелом в завозе материалов имеется недостаточный, а также и обеспеченность рабсилой недостаточна, и боясь того, чтобы не остались рабочие под дождем, — мы решили обратиться к вам с письмом, надеясь, что вы нам в этом деле поможете, и просим, т. Каганович, не отказать нам в приеме у себя, где мы хотим изложить все наболевшие вопросы, которые имеем» (Следуют подписи).

Этот документ — повесть о работе ткачихи Пулиной. Это она атаковала учреждения, торопила людей, боролась за темпы. Это она не соглашалась, именем рабочих, на простой ремонт казарм и требовала полного переоборудования. Она,

Директор ф-ки им. П. Алексеева т. Шаронов

не удовлетворившись помощью района, пошла в Моссовет, пошла в МК.

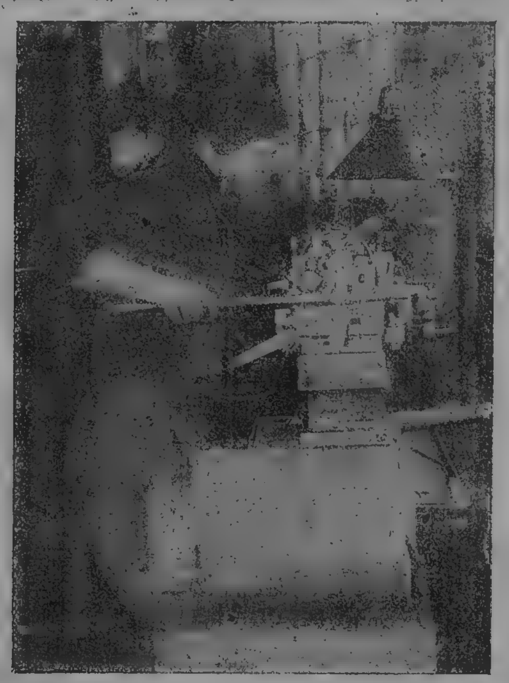
Большевичка Пулина, именем рабочих, поддержанная партколлективом, показала уменье итти до конца, и в середине октября на фабрике уже распределяли новый жилищный фонд. Рабочие в'езжали на новые квартиры.

Эти рабочие завоевали квартиры не только настойчивым штурмом строительных и снабженческих организаций, не только обращениями в руководящие и директивные учреждения, — 6.000 дней отработано на субботниках.

Выходной день

Этим летом на заводе Дзержинского оказалось, что выходные дни — это совсем не дни, в которые не работаешь на заводе. Выходной день означает, что в этот день весь завод **выходит** на поле и строит свою продовольственную базу. Выходные дни — это дни, когда заводской коллектив ищет выхода из «безвыходного» положения.

Хозяйство в Катуаре и Хлебникове оказалось запущенным; прозевали вто-

З-д им. Дзержинского. Барабанный цех работа на револьверном станке.

рую полку, потеряв огурцы и другие овощи, которые пригодились бы заводской столовой, да и рабочему на дому. Но что поделаешь, если хозяйство получено поздновато, что хозяйство потому и получено, что другие хозяева с ним не справились!

Субботниками выручили хозяйство, обеспечив себя картофелем и капустой до нового урожая, обеспечив столовую, ЗРК и рабочие семьи, обеспечив заодно и свиней, тех что ожидают телеграммы о готовности свинарника.

Свиньи похрюкивают в Бежецком районе и не подозревают, сколько хлопот из-за них на заводе. Технический директор, до сих пор занимавшийся арифмометрами, урывает время, чтобы походить вокруг свинарника и проверить, правильно ли кладутся стропила, правильно ли для свинячьего свинства сделан сток в выгребную яму.

И меньше всего догадываются свиньи, сколько споров идет из-за них. Свиньи есть хотя и в Бежице. Свинарник готовится принять свиней. Не готов только хозяин. Нет хозяина. Сходятся ЗРК и столовая в тесную комнатку партячейки, продолжая давешний спор: кто кормит свиней и кто кушает. Собственно говоря, известно, кто их с'ест: столовая. Кормить тоже будет столовая. Но столовая заявляет:

— Свиньи будут кормиться моими отходами, значит я отвечаю за откорм свиней. Отдайте свиней в мое распоряжение.

ЗРК рассудительно отвечает:

— Если я вам отдам, у меня за них спишут деньги с контокоррента. Я останусь без денег и без свиней.

За спиной столовой — Нарпит, за спиной ЗРК — потребкооперация. Не любят друг друга эти организации, они спорят не только о свиньях, но и кроликах, и о будущем птичнике. Но есть ячейка, есть партийная линия, есть партийная дисциплина.

Ячейка примиряет столовую с ЗРК, ЗРК — с хозотделом дирекции. Примиряет по-разному. Порой втолкует, порой взгреет, порой прикажет, порой пристыдит.

Комсомольцы ехали на грибницу. Требовались деньги на проезд. Когда заговорили об этих деньгах, ЗРК сразу же отказался от грибниц. Хозотдел — тоже. А ехать надо. И грибницы строить кому-то надо. Секретарь партячейки вынул кошелек, выскреб только что полученную зарплату, дал деньги и взял расписку. Потом эта расписка долго демонстрируется на рабочих собраниях, так долго, что ЗРК и хозотдел приходят к секретарю и вымаливают:

— Довольно срамить нас! Бери деньги. Отдай расписку.

Но секретарь не хочет. Эта расписка пробирает ребят до костей получше иного взыскания.

На под'ем

Новое руководство на ф-ке им. П. Алексеева встретили осторожно:

— Всяких видели.

В это время Титова, ткацкий подмастер, пришла и спросила:

— Нельзя ли после работы провести ткачей по другим цехам? Скажем, в отделку, в подготовительный. Не знает рабочий всего производства, нет связи цехов, и поэтому слабо чувство ответственности.

В это время Сметанников — подмастер

прядильни, Малышенкова из аппаратного цеха — многие заговорили в ячейке.

— Приказом не возьмешь. Один директор не сломит всего, что набралось на фабрике за год с лишком. Только вместе с рабочими, в рабочей массе, во главе массы можно двигать вперед производство.

Директор-большевик сразу согласился:

— Правильно! Соберем производственный актив. Соберем сначала старых рабочих. Соберем партактив, поговорим начисто.

Пошли разговоры задушевные, откровенные, и директор по-рабочему высказал все, что он видел за время работы на фабрике, и рабочие, не церемонясь в словах, рассказали про все, что у них накипело.

И вот взялись. Сняли кое-кого из мастеров, сопротивлявшихся перелому. На место мастера сукновального цеха выдвинули рядового рабочего Бирюкова и сказали ему:

— Вот что, Бирюков: сейчас нужен организатор производства. А техникой овладевай по пути.

Выдвинули многих, Качнулись колеса, и завертелась иная жизнь в цехах. Стали подмастеры из ткачих спорить с новыми ткачихами:

— Не так работаешь.

— Начальство... Поработай вот, а потом учи!

«Начальство» отстраняло ткачиху и работало:

— Видишь, получается?

— Да, твоя правда.

После смены ходили гурьбой к бракоещикам:

— Покажите, что у кого забраковано.

Видели каждый свои ошибки. Видели все ошибки. Обижались, что видят ошибки все. Стали тянуться друг перед дружкой. На фабрике возрождалось соревнование в борьбе за качество. Новые кадры рабочих, работниц, за год не видавшие настоящей работы, стали дышать новым воздухом. Он был насыщен большевистской волей кадровых рабочих, социалистическим отношением их к труду. Восстанавливалось настоящее ударничество. Коммунист на работе становился примером: коммунист работает лучше и чище.

Потянулись рабочие на заседания, на технические конференции, производственные совещания. Оттуда шла дорога к технической учебе, к ударничеству, в партийные ряды.

Стала Титова помощником директора по производственным совещаниям, стала Фирсова группоргом ткачей, — браку в июле дали 45%, в августе — меньше 12%, в сентябре — 8% по метражу и 0,5% по нулевому браку.

И тете Тане опять не дают итти на учебу.

— Голубушка, самый разгар под'ема. Закрепиться надо.

Идет закрепление. Упал брак. Поднялась невиданно активность рабочих. На собраниях утвердили 360 премий ударникам — лучшим ударникам. В бригады входит хозяином хозрасчет.

Победили, побеждают, будут побеждать большевистские методы.

Алексеевка ожила. Фабрика — на под'еме.

Ударница з-да им. Дзержинского т. Кириллова

Премированный ударник им. ф-ки П. Алексеева мастер Бирюков

Ленинский путь

Так выглядит ячейка. В сущности, можно бы и иначе показать часы и минуты жизни ее. Есть цифры показателей, есть промфинплан, кривая лента выполнения его. Есть множество задач, уложенных в графики плановых заданий и встречных планов. Они — в заботах о рабочем жилье, о снабжении, о продовольствии, о росте культурности о рабочем отдыхе.

И если показатели высокие, значит живет ячейка на высоком уровне; если линии выполнения планов колеблются и срываются вниз, значит бьет перебойно заводский пульс, значит в сердце завода — партийной ячейке — что-то пошаливает.

Никакая работа завода немыслима без ячейки. Цементируя классовую солидарность трудящихся, она собирает в себе небывалые, неистощимые силы. трансформирует их в волевую энергию сознательных работников социалистического производства, и этой энергией движется производство, организуется социалистический быт, строится социализм.

Каждая ячейка и должна быть образцовой, каждая может работать бесперебойно.

Тов. Сталин писал:

«а) Партия есть высшая форма классовой организации пролетариата в сравнении с другими формами организации пролетариата (профсоюзы, кооперация, государственная организация), работу которых призвана она обобщать и направлять; б) диктатура пролетариата может быть осуществлена лишь через партию, как ее направляющую силу; в) диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одна партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство с другими партиями; г) без железной дисциплины в партии не могут быть осуществлены задачи диктатуры пролетариата по подавлению эксплоататоров и перестройке классового общества в общество социалистическое» («Вопросы ленинизма»).

В связях с массами, в настойчивой, зоркой и упорной борьбе с пережитками капитализма в экономике и сознании людей, в сплочении энтузиазма трудящихся на основе растущих побед диктатуры пролетариата, в осуществлении ведущей и руководящей роли ячейки в жизни заводских организаций, в конкретном, чутком и бдительном руководстве — лежит залог непрерывного роста успехов ее, успехов фабрики или завода, неот'емлемых, не отделимых от работы любого звена треугольника, от производительности станка и конвейера, от посещаемости заводских собраний, от количества веников, нарезанных комсомольцами, от самочувствия кроликов, от заправки борща в заводской столовой от состояния подметок башмаков молодежи, от напора Пулиной на строительные организации, от мусора «Нежилтреста» и переторжек ЗРК и райпита, — от всего, чем полна наша буйная жизнь, от всего, чем живет наша гордость, наша счастливая доля строителей социализма в первой в мире и истории человечества — страна диктатуры пролетариата.

А. Демин

Об одном из острейших орудий партии

Передо мною на столе с десяток фабрично-заводских многотиражек. Это газеты Октябрьского района города Москвы.

Я не торопясь развертываю одну, другую, пятую—и они, эти «Резцы», «Рулоны», «Регуляторы» (все их не перечесть) начинают наполнять комнату трескотней москвошвейских машин, грохотом мощных заводских двигателей, четким стуком новейших заводских автоматов.

Мне ясно представляется, как ко мне в комнату ворвалась целая толпа требовательных, настойчивых, серьезных и улыбающихся строителей социализма — людей обоего пола, всех национальностей и разных возрастов.

А заголовки кричат, теребят:

«Под знаменем партии—на борьбу за промфинплан!»

«За шесть условий т. Сталина!»

«Ни одного ударника не рабкора!»

Они эти заголовки так же неугомонны, требовательны, настойчивы и уверены в своей правоте, как и те кто их создал.

Кто редакторы этих газет? Кто их авторы? Кто их подписчики?

Только в одном Октябрьском районе имеется тридцать семь печатных газет. Всего со стенновками и учрежденческими газетами в районе, по совершенно точному подсчету, имеется тысяча газет. Тысяча газет в одном Октябрьском районе!

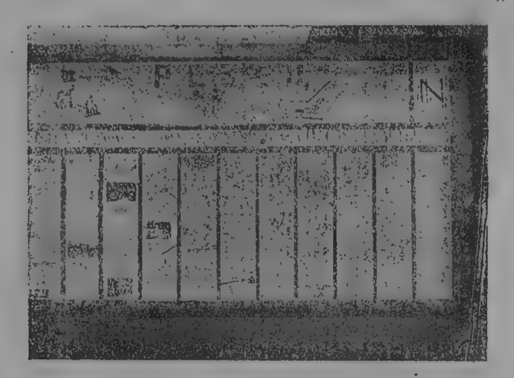
Это, товарищи, солидная цифра.

Но нам удивляться этому не приходится, это у нас в порядке вещей.

Слова тов. Ленина: «Газета—не только коллективный пропагандист и коллек-

Одна из цеховых стенгазет з-да им. Дзержинского

Общезаводская газета „Резец"
з-да им. Дзержинского

тивный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом»,— претворяются в жизнь.

Наша печать имеет славное прошлое. Но... здесь без истории не обойтись.

В данном случае речь идет об истории фабрично-заводской печати.

До Октябрьской революции бабушкой нашей фабрично-заводской печати была нелегальная листовка.

Из рассказов работницы фабрики имени П. Алексеева т. Титовой (она работает на этой фабрике двадцать пять лет) мы узнали, что:

— Раньше на нашей фабрике рабочие не имели своей литературы, нелегальные листовки пронести в стены фабрики было очень трудно. Но когда рабочий кружок собирался у меня на квартире, то там зачитывались нелегальные листовки, которые к нам присылались из Петербурга. Кто там печатал их,— мы не знали.

Рассказ Титовой дополняет рабочий т. Офман, активный участник подпольных рабочих кружков и активный распространитель нелегальной литературы:

— Для того чтобы получать литературу, от завода выделялось несколько товарищей, которые и доставляли на завод нелегальные листовки. Иногда попадала «Искра», но в очень ограниченном количестве, на весь завод — одна-две листовки. Были случаи, когда печатали и сами, но не типографским способом, а на стеклографе. В дни забастовок распространить литературу было обыкновенно чрезвычайно тяжело, так как по цехам часов до одиннадцати-двенадцати ходила полиция. Мы проникли ночью в пределы завода с Москва-реки через туннель по трубам. Или же перед концом работы затевали возню у мусорного ящика, затем незаметно для других оставляли в этом ящике человека, зарывали его, и он, должен был ждать часов до двух, когда все угомонится. Тогда он вылезал из своего убежища и приступал к работе. Листовки рассовывались и расклеивались везде, где только было можно: на стенах, на верстаках, на станках, часть из них прикрепляли к крану. Когда днем приходили рабочие и пускали кран, эти листовки отрывались и, как голуби, разлетались по всему цеху.

* * *

Так революционная листовка, прокламация, проникшая в гущу рабочего класса, поднимала его на великое дело борьбы за свое освобождение от капиталистического рабства, от господства кучки грабителей, подготовляя рабочий класс к захвату власти и построению бесклассового, социалистического общества.

* * *

История фабрично-заводской печатной многотиражки тесно связана с ростом социалистического строительства, с новыми формами труда, с культурным ростом рабочего класса. В отрыве от этих факторов ее рассматривать нельзя.

1929 г. Редколлегия газеты „Натиск" комбината „Известия"

Она (заводская многотиражка) выросла из стенновки приблизительно в 1928—1929 году.

С ее появлением на свет многие пророчили смерть стенновке. Но наша практика показала обратное. Цеховые газеты растут как никогда. Это — сердце цехов, к которому надо чутко прислушиваться.

«Печать — самое острое, самое сильное орудие нашей партии» (Сталин),— и это сейчас понятно, как никогда, так как наша печать, выполняя заветы Ленина, агитирует, пропагандирует и мобилизует широчайшие массы рабочих и трудящихся на борьбу за величайшее дело пролетариата — построение бесклассового, социалистического общества.

Так ли обстоит дело в «культурных» и «цивилизованных» странах Запада?

Предоставим слово для ответа на этот вопрос Алексею Максимовичу Горькому:

«Вы, граждане Смит и Моррисон, ошибочно приписываете буржуазной литературе и журналистике значение «организатора культурных мнений»,— этот «организатор»—паразитное растение, которое пытается прикрыть грязный хаос действительности, но прикрывает его менее удачно, чем, например, плющ и сорные травы прикрывают грязь и мусор развалин. Вы, граждане, плохо знаете, каково культурное значение вещей прессы, которая единогласно утверждает, что «американец прежде всего—американец» и только после этого — человек. В свою очередь пресса расистов Германии учит, что расист прежде всего — ариец, а затем уже врач, геолог, философ. Журналисты Франции доказывают, что француз прежде всего — победитель и поэтому должен быть вооружен сильнее всех других,—речь идет, конечно, не о вооружении мозга, а только о кулаке.

Не будет преувеличением, если сказать, что пресса Европы и Америки усердно и почти исключительно занимается делом понижения культурного уровня своих читателей, уровня и без ее помощи низкого. Обслуживая интересы капиталистов, своих работодателей, искусно умея раздут муху до размеров слона, журналисты не ставят своей целью укрощение свиньи, хотя, конечно, видят, что свинья обезумела и бесится.» (Горький, «С кем вы, мастера культуры?»)

Редакция газеты „Резец" завода им. Дзержинского

Что делает наша большевистская печать для поднятия культурного уровня рабочего класса?

Для ответа приведем следующее:

ПЕРВАЯ ЗАМЕТКА РАБОТНИЦЫ.

Пишет ученица из школы ликбеза:

«Когда я не ходила учиться, тогда я ничего не знала. А теперь я хожу учиться, стала сама читать и писать. В этом мне помогла наша газета.

Я теперь сама пишу в нашу газету «Функционалка». Когда редакция была в клубе — было плохо. Я сама четыре раза приходила в клуб с заметкой и не могла разыскать редакцию, — пришлось писать письмо в «Рабочую Москву». Теперь редакция «Функционалки» перешла в корпус, и дело пошло лучше. Я написала первую заметку — и вижу внимательное к себе отношение. Каждая работница должна писать в свою газету.

В первой своей заметке скажу о столовой. Нам надо поставить на должную высоту свою новую столовую. Наша столовая очень темная.

В следующем письме я расскажу, как я научилась писать и что дала мне советская власть за пятнадцать лет, расскажу о всех наших достижениях.

Писала Казакова Елена.
ученица ликбеза».

(«Функционалка» от 26/IX 1932 года, газета суконной фабрики им. П. Алексеева.)

КАК Я СТАЛА БЕЗБОЖНИЦЕЙ

«Я, сотрудница столовой № 24 Тормозного завода, Зазулина, хочу в газету передать свое впечатление после экскурсии. Я была в антирелигиозном музее, посмотрела, какие были мощи и чем нам морочили голову до сих пор. Я имела у себя в квартире иконы и все верила и боялась всякого божьего наказания, а теперь все иконы выбросила и об'являю себя безбожницей и ударницей по производству. Подписалась на заем на месячный заработок и вызываю всех своих товарищей по работе последовать моему примеру. И именно теперь, когда наша Советская страна нуждается в поддержке.

Зазулина».

(Регулятор от 23/VI 1932 года газета Тормозного завода.)

Заметок, подобных этим, можно было бы привести изрядное количество.

* * *

Но кто же они, эти редакторы заводских многотиражек?

Все они — рабочие, выдвинутые от станка. И почти все имеют только начальное образование. Выдвинулись на редакционную работу через рабкорство. А многие из редакторов стенновок и многотиражек сейчас на ответственных политических и хозяйственных постах.

Тов. Рабинович, редактор газеты „Рулон" комбината „Известия"

Тов. Рабинович — редактор газеты «Рулон» комбината «Известия ВЦИК» — до 1930 года наборщик. Тов. Лосев, в прошлом — первый редактор стенновки на Тормозном заводе, сейчас зам. зав. сектора «Инструмента и приспособлений» на заводе имени Дзержинского. Редактор стенновки завода имени Дзержинского т. Грудский — сейчас инженер. Тов. Миронов из «Правдиста», проработавший в активе рабкоров с 1923 по 1931 год, сейчас работает выпускающим центрального органа партии, «Правды».

И все эти товарищи приписывают свой рост главным образом работе в массовой, низовой печати.

Такие случаи можно приводить без конца.

Рабочие любят свою газету, они крепко связаны с ней.

Рабочие завода имени Дзержинского Кордеев, Бычков и другие, уезжая в отпуск, просили, чтобы им обязательно высылали газету по месту отпуска.

На том же заводе имени Дзержинского молодежь, уходящая в армию, держит из Красной армии связь со своей газетой и просит обязательно высылать им ее.

В частности сейчас ведется переписка с т. Абросимовым (Средняя Азия) с т. Лобода (Кронштадт) и с другими.

Такие факты имеются на многих предприятиях.

Растет и ширится наше социалистическое строительство.

Растет и ширится рабочая печать, а с нею вместе растет и армия рабкоров.

Если рабкоров-активистов на заводе имени Дзержинского было в 1926 году 30 человек, то сейчас их насчитывается 359 человек.

При заводах имени Дзержинского и Тормозном в этом году (1932) организован КИЖ, в котором обучаются журналистке активисты-рабкоры.

На газетном отделении Райкомвуза, без отрыва от производства, учатся 40 рабкоров.

Рабкоры перерастают в литкружковцев и начинающих писателей, а затем и в талантливых поэтов, критиков, драматургов.

...в. Ульянов, редактор газеты з-да Дзержинского „Резец"

Таков был путь сейчас уже выявившихся писателей Платошкина, Шведо..., Громова, Сухарева и многих других.

* * *

За пятнадцать лет революции наша ни...овая печать выросла, окрепла стала под...инным организатором трудящихся масс ...борьбе за скорейшее построение соци...изма.

Но значит ли это, что у нас с газетой ...е закончено и все обстоит благополуч...? Конечно, нет.

Недостатки еще имеются, и очень зна...ительные. О них, не скрывая, говорят ...сами редакторы.

Одни жалуются на плохо поставлен...ю массовую работу, другие жалуются ...плохую связь со своими стенновками; ...етьи — на отсутствие художественного ...териала; четвертые — на то, что... ...дзавкома фабрики имени П. Алексе...... Петрова и директор фабрики Шаро...в в течение двух месяцев не отвечают ...рабочие письма; пятые жалуются на ...кружковцев, которые, напечатав ка...-нибудь свое произведение в цен...альной прессе, не хотят больше принимать участие в своей заводской печати, считая это дело «низким» для себя.

И почти все жалуются на задержку печатанья газет со стороны типографий.

Со всеми этими недостатками надо бороться — бороться всеми средствами, и главным из них — действенностью самой газеты.

Но умеют ли в Октябрьском районе делат газеты действенными? Да, умеют, и неплохо.

Вот примеры.

Тов. Фридман, зам. редактора «Правдиста», наглядно продемонстрировал передо мною достижения «Правдиста» за год, перелистав с комментариями все номера, с первого до последнего. «Правдист» в особо горячие дни, как колдоговорная кампания, заем и пр., выходит ежедневно.

Здесь борьба и за экономическую независимость, и за хозрасчетные бригады, и за своевременный выход «Правды» и ее изданий. Борьба за качество рабочего питания (по инициативе «Правдиста» было снято все руководство комбинатской столовой). А ко дню соцсоревнования «Правдист» провел рейд ударников, в котором приняли участие 200 человек.

«Правдист» шефствует над одной из новостроек, время от времени уделяя целые страницы подшефным. У «Правдиста» в цехах имеется четырнадцать детищ — стенновок, с которыми держится неплохая связь.

Заканчивая свою беседу, т. Фридман заявил: в производственной и общественной жизни типографии «Правдист» имеет решающее значение.

Тов. Ринкус, начавший свою рабкоровскую работу в Красной армии (сейчас — массовый работник газеты «Регулятор» на Тормозном заводе), рассказывает следующее:

— На заводе есть старый мастер, т. Мальков, хороший производственник, который однако, недооценивал роли газеты и смотрел на нее как на забаву. Вскоре случилось так, что т. Мальков попал под острое перо рабкора. Тов. Мальков был очень обижен. «Лучше бы они мне еще что сделали, матом обругали бы, но только ничего в газету не писали бы», — орал он в цехе. А после этого, когда т. Мальков исправился, о нем же была помещена вторая заметка. Тов. Мальков был очень доволен и всем показывал но-

Рабочие з-да Дзержинского за читкой газеты „Резец“

мер газеты, делясь с другими своею радостью...

В частности с пишущим эти строки был такой случай.

Однажды во время вечернего перерыва (дело было в ночной смене) токарь, тов. Л., заявил:

— Что мне ваше писание? Как горох в стенке! Я поллитра куплю тому, кто про меня напишет.

У меня, честно признаться, давно руки чесались на тов. Л., так как он на заводе слыл самым отчаянным «матологом». И я про тов. Л. написал частушки.

А через два дня тов. Л. бегал по цеху и размахивал полуметровым шакром:

— Пузо пропорю!

Его спрашивали:

— Ты что, Л.?

— Да как же, какая-то сволочь пропечатала в газете!

А когда в последствии я ему признался в своей вине, он на меня здорово обиделся.

Сейчас тов. Л. работает мастером, вступил в ряды ВКП(б) и газете придает большое политическое значение.

Случаев, подобных этим двум, можно привести немало. Но недооценщики печати в наше время встречаются уже реже. За это дело нередко приходится отвечать не только перед рабкорами, но и перед партией и перед всем рабочим коллективом.

Вот пример:

«Несмотря на то, что «Резец» и общественность завода в течение двух месяцев упорно доказывали, что одной из основных причин прорыва является наличие крупных технических неполадок на заводе, слабость работы технического отдела в прежнем его руководстве, нечуткое отношение и слабое реагирование на ценнейшие предложения рабочих, — все эти моменты техсовещание обошло молчанием и тем самым объективно встало на путь зажима самокритики.

Считая в основном линию «Резца» правильной, бюро партколлектива завода имени Дзержинского осуждает позицию т. Архипова, занятую им по отношению к газете, а отсюда и неправильную ориентацию по вопросам ликвидации прорыва.

Обязать редакцию «Резца» усилить развернутую критику недостатков всех отделов заводоуправления и цехов, организовав систематическую проверку через газету выполнения решений последнего партсобрания.

Предупредить коммунистов, руководителей цехов и отделов заводоуправления, что невнимательное, нечуткое отношение к вопросам и предложениям, поднимаемым рабочими как на страницах «Резца», так и через заводские организации, повлечет за собой самые суровые меры партвзыскания».

(Выписка из резолюции бюро ячейки ВКП(б) завода имени Дзержинского, «Резец» от 5/VII 1932 года).

Так через массовую, низовую печать пролетарская общественность дерется за скорейшее построение социализма.

Таков путь, проделанный низовой печатью от нелегальной листовки до действенного постановления партийной организации.

Таков итог к пятнадцатому Октябрю.

Павлов, Яковлев

Под руководством Партии ЛЕНИНА

Районная комсомольская организация за 2 года своей работы под руководством районной партийной организации, МК и МГК ВЛКСМ достигла крупнейших успехов на всех участках союзной работы, ведя решительную и непримиримую борьбу на два фронта против попыток «леваков» противопоставить комсомол партии, против правых оппортунистов — агентуры кулачества, являющихся главной опасностью на данном этапе, против осколков контрреволюционного троцкизма, остатков бывших оппозиций, против гнилого либерализма и примиренчества к ним.

Главнейшими задачами всей районной комсомольской организации являлось: на основе решений 16-го партийного с'езда, 17-й партийной конференции, 9-го с'езда ВЛКСМ и 7-й всесоюзной конференции ВЛКСМ, путем проведения в жизнь 6 исторических указаний тов. Сталина бороться за укрепление поворота комсомола «лицом к производству», за внедрение хозрасчета, за выполнение промфинплана 3-го решающего и 4-го завершающего года пятилетки, за организацию большевистской встречи второй пятилетки — построения бесклассового социалистического общества.

Выполнение и перевыполнение промфинплана за истекший период по ряду предприятий района во многом об'ясняется активным участием комсомольцев в социалистическом соревновании и ударничестве. За один только год, начиная с 1-й по 2-ю районную конференцию организовано новых молодежных бригад 792, из них 379 хозрасчетных. Подавляющее большинство из них не только выполняют производственное задание, но и перевыполняют, показывая на деле образцы большевистской борьбы за пятилетку в 4 года.

В период подготовки к 18-му МЮД и 15-летнему юбилею Московского городского комсомола охвачено всего социалистическом соревнованием и ударничеством 90% комсомольцев района.

Ударные молодежные бригады Тормозного завода Галатинова, Васильева и Антонова ежемесячно перевыполняют производственное задание и являются лучшими ударниками не только на производстве, но и в политучебе.

По инициативе комсомольцев под ру-

Одна из лучших комсомольских бригад Тормозного з-да. Бригада чугунолитейного цеха комсомольца Галятина

ководством парторганизации завода им. Феликса Дзержинского и РК ВЛКСМ возникла идея Сталинского займа и осуществлена на практике с охватом всех комсомольцев и большинства рабочих завода, что дало конкретные результаты по ликвидации прорыва трех кварталов 1931 г. и выполнению декабрьской программы в 5.211 арифмометров и промфинплана 3-го решающего года пятилетки.

Комсомольцы фабрики П. Алексеева дают рекорды в выполнении промфинплана, в борьбе за качество продукции. Лучшие ударники — Белкина, Бритевская, Подлягаева, Толмазева, Осипова и др. — систематически выполняют план на 130—135%.

Силами комсомольцев только 5 предприятий (Тормозной. Дзержинский, Арматура, Свобода, Трансмиссия) внесено 150 рационализаторских предложений, дающих экономию ежегодно 350 000 тыс. рублей. Всего в районе имеется больше 80 рационализаторских групп, систематически работающих над улучшением условий производства, по освоению технологических процессов, по рационализации производства. Всего комсомольцами внесено по району 1.500 рационализаторских предложений.

Комсомольцы-транспортники боролись главным образом за выполнение приказа тов. Андреева, решений партии и правительства о здоровом паровозе и введении спаренной езды, за внедрение расчета, улучшение качества ремонта, ликвидации обезлички и включение по существу во всесоюзное соревнование на лучший паровоз.

Силами комсомольцев ст. Лихоборы тяга сверх плана выпускается к 15-й годовщине Октябрьской революции 3 паровоза.

Наряду с достижениями в производственной работе комсомола имеются крупнейшие недостатки:

Комсомольцы ряда предприятий (Химзавод, «Войкова», Хрустальный, Мосштамп, Мосбелье № 2 и 6) слабо участвуют в индивидуальном соцсоревновании и ударничестве неудовлетворительно борятся за выполнение промфинплана, вследствие чего предприятия имеют глубокий прорыв и недодают стране ежемесячно на тысячи рублей товаров.

Недостаточно настойчиво внедряется хозрасчет в производственные бригады, в результате чего 300 молодежных бригад района не переведены на хозрасчет.

Не выполнены указания партии и 9-г

Быв. комсомолец Тормозного з-да т. Пылевин Взят с работы предзавкома в райком ВКП(б)

с'езда комсомола о 100-проц. охвате ударничеством комсомольцев.

Отсутствует систематический учет производственных показателей каждого в отдельности ударника и организованный обмен опытом между ячейками.

На участке борьбы партии за улучшение рабочего снабжения, выполняя решения сентябрьского пленума ЦК, комсомол района добился значительных успехов; силами комсомольцев заготовлено 150 000 веников, организовано крольчатников на 10 тыс. голов кроликов, было отработано в проводимых субботниках 100.000 человеко-дней, произведена разгрузка картофеля. Сейчас наряду с этим комсомол переключается на переработку картофеля.

Для постоянной работы в потребкооперацию направлено 175 комсомольцев, организовано 3 молодежных магазина, открыто 10 молодежных отделений в магазинах. Заложено 7 грибниц по выращиванию грибов шампиньонов.

Но наряду с этим имеет место еще не удовлетворительное участие ряда комсомольских ячеек в улучшении работы столовых, буфетов; особо плохо обслуживаются рабочие ночных смен. Еще не все комсомольцы осознали, что нет почетнее задачи, как бороться за улучшение материально-бытовых условий, за удовлетворение растущих потребностей рабочих и трудящихся масс.

В области марксистско-ленинской учебы на 1932/33 гг. охвачено по производственным и советским ячейкам 12 500 комсомольцев и 7 500 б/п. рабочей молодежи. В соответствии с политуровнем каждого комсомольца и б/п. молодежи скомплектованы кружки по различным формам учебы.

В деле комплектования кружков и в период подготовки к новому политучебному году проведена значительная массово-политическая работа; проработана речь Ленина на III с'езде комсомола с охватом 15 тыс. человек молодежи, проработаны решения 6-го с'езда партии с охватом 8 тыс. человек молодежи и т. д.

Наряду с удовлетворительным охватом молодежи политсетью имеется, как это показали первые дни политучебы, совершенно неудовлетворительная посещаемость особенно со стороны б/п. молоде-

Комсомолка Тормозного з-да тов. Валлик проводит со старыми производственниками беседу о XVIII МЮДе

ки, в ряде организаций: «Известия», Хрустальный з-д, 13-я типография, Арматура, П. Алексеева и др. Первый день политучебы был сорван исключительно по вине руководства ячеек, не сумевших организовать комсомольцев и б/к. молодежь на учебу, проявивших недооценку марксистско-ленинской учебы.

В бою за овладение марксистско-ленинской теорией подготовлены кадры рабочих пропагандистов. Всего по 27 предприятиям занимается 464 рабочих пропагандиста, из них 150 человек уже ведут кружки в сети комсомольского просвещения.

Лучшими рабочими пропагандистами в районе являются: Цедыкович — секретарь экспериментально-ремонтной ячейки тормозного завода, Мухин — секретарь общезаводской ячейки завода им. Феликса Дзержинского, Шоверер — секретарь цеховой ячейки 20-го завода и десятки других товарищей.

По линии военной работы основным содержанием работы ячеек ВЛКСМ была борьба за выполнение решений 9-го с'езда комсомола об овладении каждым комсомольцем определенной военной специальностью, об улучшении работы ячеек осоавиахима, выполнение указания тов. Кагановича: «Комсомол должен стать душой и сердцем осоавиахима».

На этом участке наряду со значительными успехами в работе районной организации имеет место на сегодняшний день невыполнение полностью решений 9-го се'зда комсомола.

Решение сентябрьского пленума ЦК ВКП(б) районной организацией комсомола встречены с большим под'емом. Проходившие районный актив и собрания по всем ячейкам еще раз подтвердили сплоченность комсомольцев вокруг партии и ее ленинского ЦК во главе с тов. Сталиным, еще раз показали, что молодые большевики Октябрьского района всегда были, есть и будут верными и лучшими помощниками партии на всех фронтах социалистического наступления, что комсомольцы района под руководством районной парторганизации, МК и МГК ВЛКСМ будут и впредь решительно бороться за линию партии, еще теснее сплотятся вокруг ВКП(б), ее руководства во главе с вождем мирового пролетариата тов. Сталиным, ведя непримиримую борьбу против правых и «левых» оппортунистов, против «онктрреволюционных троцкистов, против пособничества, укрывательства и примиренчества по отношению к ним.

Районный комсомол еще раз подтвердил, что задачи, возложенные на нас партией, мы выполним с честью и по-боевому. Конкретными делами, усилением классовой боеспособности, развертыванием идейного наступления встретим великую годовщину Октябрьской революции.

В. Беликов

ТРОЕ

Московский тормозной завод — одно из немногих ударно-коммунистических предприятий. Завод получил два года назад красное знамя районных организаций и до сих пор с честью носит звание краснознаменного.

Победы завод завоевывает вовсе не потому, что он поставлен в какие-то особые условия по сравнению с другими заводами. На Тормозном не редкость трудности в снабжении сырьем, материалами. На заводе не хватает квалифицированной рабочей силы. Но недаром завод — краснознаменный, ударно-коммунистический. Именно потому, что партийная, комсомольская и профсоюзная организации завода неустанно мобилизуют массы рабочих на выполнение программы, именно потому, что свыше пятидесяти процентов состава рабочих — коммунисты и комсомольцы, которые личным примером воодушевляют на преодоление трудностей, — завод с честью борется за промфинплан.

В партийной и комсомольской организациях Тормозного завода растет и крепнет с каждым днем пополняющийся актив. Комсомол вырастил добрых пять-шесть десятков энергичных молодых специалистов и общественников. О трех из них — Вовиковиче, Афанасьеве и Воробьеве — пойдет здесь речь.

* * *

Алексей Вовикович молод так же, как его комсомольский стаж. Родился он в 1913 году, и сейчас ему должно сравняться девятнадцать лет. В комсомоле Леша — два года: вступил в 1930 году. Два года — срок как будто совсем небольшой. Но этот период времени так насыщен фактами, что кажется очень и очень большим.

...Мальчиком, кончив семилетку, Алексей пришел на Тормозной. Мог пойти в контору. Предложили. Но ему хотелось ближе к станку. Стал квалифицироваться на револьверщика в цехе ВР.

ВР — цех воздухораспределителя — один из основных цехов завода. Алексей Вовикович попал туда в то время, когда ячейка только развертывала свою работу. В то время ячейка комсомола ВР работала вяло, вернее сказать — работы ее совсем не чувствовалось. Однако, по мере того как развивался цех, росла ячейка, повышалась ее активность. Основными вопросами в работе комсомола ВР стали производственные вопросы.

Алексей начал работать в «легкой кавалерии». А месяца через два после того, как его приняли в комсомол, он стал членом бюро и производственным организатором. К этому времени (средина 1930 года) он уже освоился с производством, вошел в курс дела. Начал жить жизнью цеха.

Цех — в прорыве. Алексей вместе с лучшими комсомольцами цеха начинает организовывать первую комсомольскую производственную бригаду, которая должна была показать и доказать, что планы и задания выполнимы, надо только уметь организовать победу. Бригаду организовали. И бригада в первые же два месяца показала образцы ударной работы.

Берется следующее звено. Организуется сменно-встречный. Бригада переходит на хозрасчет. В цехе создается еще шесть бригад.

Вовикович — член бюро ячейки. Он руководит массово-экономическим сектором. Он вместе с лучшими ребятами организует в чугунолитейном цехе, работа которого сопряжена с работой ВР, сквозную бригаду по изучению причин брака. Созывает после конференцию для обсуждения конкретных мероприятий по их устранению. Это лишь один штрих. Их можно привести десятки!

— Помню, как-то в конце месяца, — вспоминает Вовикович, — в цехе прорыв. Все детали для сборки ВР были готовы, не хватало только корпуса, причем не самого корпуса, а отставала сверловка. Комсомольцы Хитев, Кричевский, Степин, работавшие по сверловке, не могли удовлетворить потребности цеха. Тогда мобилизовались все на ликвидацию прорыва. Работали, не считаясь со временем, не только комсомольцы, но и взрослые рабочие. План был выполнен. Прорыв ликвидировали. Комсомольцы буквально героически дрались за программу.

Сосредоточивая внимание на улучшении производственной работы ячейки, Вовикович, тогда уже секретарь цехячейки, не забывает и о марксистско-ленинской учебе. Обязательное для него правило — ежедневная читка газеты, постоянная политучеба. А сейчас он — пропагандист.

Сейчас Алексей — на ответственном участке комсомольской жизни завода. Он — секретарь ячейки экспериментально-ремонтного цеха. Эта ячейка — самая отстающая. Ребята, которые в ней состоят, квалифицированные рабочие, за последнее время совершенно отошли от комсомола. Приходится чуть ли не снова создавать ячейку. Начал Алексей с того, что знакомится с людьми, изучает, на кого надо опереться. Изучение человека, сколачивание актива в первую очередь — испытанный метод работы одного из лучших комсомольцев Тормозного завода, Алексея Вовиковича.

* * *

Михаил Афанасьев — самый молодой мастер Тормозного завода. В активе его политической жизни не так много событий, как у Вовиковича. Но зато в активе производственном — огромный багаж.

1926 год. Михаил поступает в фабзауч при заводе. Три года напряженной работы, именно напряженной, — и ученик токаря получает квалификацию токаря четвертого разряда, а затем направляется в инструментальный цех.

Здесь он работает в то время, когда инициативнейший из инициативных комсомольцев завода Зайцев предлагает организовать первую комсомольскую хозрасчетную бригаду. Миша — в этой бригаде. Опыт ее работы достаточно хорошо известен. Он стал достоянием всей комсомольской организации Союза. О нем написаны книжки.

Афанасьев был рядовым бригадиком до тех пор, пока бригадир Зайцев не ушел учиться. Тогда Миша назначается бригадиром. А в июле 1932 года он становится мастером.

Таков краткий, но выразительный путь комсомольца Афанасьева, ныне кандидата партии и секретаря ячейки цеха.

* * *

Воробьеву — всего восемнадцать лет. Сережа лишь в январе 1932 года кончил фабзавуч. Учился на слесаря. Но Тормозной завод осваивает сейчас чрезвычайно сложное производство тормоза Матросова, на производство которых он должен целиком переключиться, и Сергей Воробьев посвятил всю свою учебу изучению этого тормоза и его изготовления.

Их тринадцать человек, все они молоды, как и Воробьев. И сейчас эта группа под руководством бригадира Воробьева осуществляет мероприятие мирового значения. Скоро должны состояться международные испытания тормозов всех систем, в которых примут участие двадцать две страны.

Тормозы Матросова, которыми будут оборудованы два товарных паровоза, грузоподъемностью семьдесят вагонов каждый, делает тринадцать парней, лица которых не успели еще обрасти даже пушком. И руководит ими Сережа Воробьев.

„Нужно понять, что условия существования рабочих изменились у нас в корне. Рабочий ныне—не то, что раньше. Нынешний рабочий, наш советский рабочий, хочет жить с покрытием всех своих материальных и культурных потребностей и в смысле продовольственного снабжения, и в смысле жилищ, и в смысле обеспечения культурных и всяких иных потребностей. Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия".

(СТАЛИН).

А. Кошелева

Культура и быт

Социально-политические сдвиги, сопровождающие строительство социализма в нашей стране, в корне изменили весь ее культурный облик. Гигантский рост индустрии и освоение первоклассной техники в промышленности и в строительстве крупнейшего в мире социалистического земледелия не были бы возможны без огромного культурно-политического роста и технической грамотности широких рабочих масс и крестьянства.

XV с'езд партии в директивах к составлению пятилетнего плана указал, что „в основу плана культурного строительства должны быть положены те задачи народного образования, которые обеспечивают культурный рост широких масс трудящихся (всеобщее обучение, ликвидация неграмотности, массовое проф-техническое образование и т. п.), и задача подготовки квалифицированных специалистов и научных работников".

XVI с'езд еще раз подчеркивает, что „всеобщее обязательное первоначальное обучение и ликвидация неграмотности должны стать боевой задачей партии в ближайший период".

Идя по пути, указанному с'ездом, партия под руководством ЦК добилась решительных сдвигов на этом важнейшем участке культурного строительства.

Введено всеобщее обязательное начальное обучение детей (для Москвы и крупнейших индустриальных центров—семилетнее). Всего в СССР обучается 25 миллионов детей против 7 миллионов до революции. Почти полностью ликвидирована неграмотность взрослого населения до 35 лет. Общее количество грамотных взрослых составляет 70 процентов вместо 25 процентов до революции, По количеству грамотных мы догоняем передовую в этом отношении Германию. превращая целые республики и области поголовной неграмотности (Чувашия, Бурято-Монголия и др.) в области сплошной грамотности.

Одна треть всех рабочих вовлечена в тот или иной вид учебы (технической политической, общеобразовательной).

Выпуск квалифицированных рабочих из школ ФЗУ в 1932 году достигает 350 тысяч человек, выпуск инженеров и техников—85 тысяч человек. Число научно-исследовательских учреждений промышленности возросло за один год

Детсад комбината „Известий“

с 141 до 205 единиц, а количество научных работников — с 6 до 12 с половиной тысяч человек. По количеству обучающихся в вузах мы обогнали Францию, Англию и Америку.

Темп роста тиражей газет не может итти ни в какие сравнения с темпами капиталистических стран.

Неизмеримо возросли культурно-бытовые потребности рабочего класса.

Такие завоевания Октября, как светлое просторное жилище, санатории, дома отдыха, клубы, парки, стадионы, театры и кино, детские социально-культурные учреждения (ясли, детсады, оздоровительные учреждения, лагеря), общественное питание и прочее в корне изменяют быт рабочей семьи и являются не только доступными рабочему, но именно ему в первую очередь принадлежащими, его обслуживающими.

Растут из года в год вложения в жилищное строительство, благоустройство городов, в строительство санаторий, домов отдыха, клубов, парков, детских учреждений по всему Союзу и по Москве.

Наибольший размах это строительство приобрело после решений июньского пленума ЦК (1931 г.) и XVII партконференции, поставившей во весь рост задачу построения бесклассового, социалистического общества во второй пятилетке.

Октябрьский район, идущий в первых рядах среди других районов в деле всеобщего обучения и борьбы за качество учебы, а также в деле борьбы за стопроцентную ликвидацию неграмотности, имеет в этой области ряд достижений.

За ударную работу по подготовке к учебному году район в 1931 году имел переходное красное знамя, в 1932 году занесен на доску почета и награжден почетной грамотой республиканским комитетом по всеобучу.

В школах района обучается 38 тысяч человек вместо 9 тысяч обучавшихся до революции, поднявшись за два года на 2[illegible] тысяч человек.

В корне изменилось лицо школы, качественно иным стал наш советский школьник.

Пионерорганизация охватила своим влиянием детскую массу. Развертывается внешкольная и оздоровительная работа.

В ожесточенной борьбе с правым оппортунизмом и „левыми" „прожектерами" школа, на основе исторического решения ЦК о школе от 5 сентября 1931 года и 5 августа 1932 года, развернула огромную работу в деле борьбы за качество учебы, за повышение общеобразовательных знаний.

Сеть дошкольных учреждений возросла за последние два года на 150 процентов. Количество детей в яслях увеличилось с 683 до 5 269 человек.

Район имеет восемь клубов, из коих два имеют новые помещения, вместимостью до двух тысяч человек каждое, выстроенные в течение последних двух лет

На территории района находятся семь театров с филиалами и четыре кино Вновь открываются к пятнадцатой годовщине Октября два кино.

Растет число физкультурников в районе. Развивается самодеятельное искусство, драматические, хоровые, музыкальные кружки. Организуется в рабочем клубе имени Горького фабрики „Свобода" первый рабочий театр.

Подытожив свои достижения за пятнадцать лет революции, трудящиеся Октябрьского района под руководством Ленинского ЦК и Московского комитета добьются новых решающих сдвигов на пути культурного строительства во второй пятилетке.

Фото Е. Микулиной

Читальный зал в фойе кино „М. Дмитровка"

В. Цветков

От пьяного трактира — к цеху питания

Славилась старая Москва широким гостеприимством и хлебосольством. Водили солидные зажиточные москвичи приезжих провинциалов по богатым купеческим трактирам, ресторанам, кафе и благожелательно учили неопытных провинциалов разбираться в тонких особенностях тогдашних предприятий «общественного питания». Тестовский трактир был знаменит растегаями, ресторан «Эрмитаж» неподражаемо готовил салат-оливье. Трактир в Зарядьи подавал к водке шесть сортов закуски, а на Б. Дмитровке — восемь.

Удивлялся и умилялся провинциал хлебосольной Москве и приступал к практическому знакомству с общественным питанием. Честно выполнял несложную программу «культурных развлечений», предоставляемых «хорошему гостю»: бил зеркала, мазал горчицей лысину старичку-лакею, рыдал под гиканье цыганского хора.

Дореволюционный поэт-сатирик Шумахер точно передает впечатления провинциала:

От ланинского редереру
Трещит и пухнет голова.
И чорт велел мне пить мадеру,
Наугощался через меру...
Что делать! Матушка-Москва!

Таково было общественное питание для «чистой», «благородной» публики.

Одинокий мелкий служащий шел в маленькую грязноватую кухмистерскую, уныло поглощал жиденький суп, с трудом прожевывал «второе», разнообразные французские названия которого всегда скрывали одно: кусочек несвежего мяса, поджаренного на залежавшемся сале. Память о кухмистерской оставалась на всю жизнь в виде катара желудка, гемороя и т. д.

Столовая 61-го чуг.-лит. з-да им. Войкова. Стол раздачи

Трактир и пивная — два основных вида предприятий «общественного питания» (вернее общественного спаивания), которыми могло пользоваться население рабочих окраин. В трактир шли не пообедать, не поужинать, а «погулять», развеять грусть-тоску, завить горе веревочкой. Крестьянин-писатель С. Под'ячев ярко и сильно описал трактир:

«Крик, шум, отборные ругательства неслись со всех сторон. Дым махорки ел глаза... Лампы горели, как будто окруженные туманом... Люди оборванные, грязные, испитые, страшные, — пили, ели, ругались, бегали, кружились, как будто в каком-то водовороте...»

Рабочих столовых при фабриках, как правило, не существовало. Кто жил близ фабрики — бежал наскоро закусить домой, торопясь «обернуться» до штрафного гудка. Большинство рабочих обедали тут же у станка — хлебом с колбасой или соленым огурцом. Кое-где можно было побаловаться и горячей пищей: у ворот фабрики стояли торговки, продававшие из больших кастрюль щи, лапшу, рубцы или «бульонку». Об этом кушаньи стоит напомнить: «бульонка» делалась из всевозможных мясных отбросов и об'едков ресторанов и трактиров. Об'едки мелко рубились и поджаривались — с лучком, с перцем, с лавровым листом, чтобы отбить у лежалых отбросов неприятный дух.

Плохо приходилось рабочим-сезонникам, когда хозяину-подрядчику казалось выгодным организовать для них общественное питание. В артельный котел валилась затхлая крупа, солонина с червячком, прогорклое масло. Когда дело доходило до того, что лавровый лист и прочие душистые специи не могли заглушить запаха тухлятины, артель шла к подрядчику с просьбой оказать божескую милость и харчами не обижать. Подрядчик сердился и кричал; кричал и сердился вызванный им околоточный. Выискивали «зачинщиков бунта» и тащили их в часть.

Устраивала иногда старая Москва и настоящие столовые для рабочих. Была, например, столовая при Юсуповском работном доме, организовывавшем общественные работы для безработных.

«Столовая эта, уставленная поперек длинными узкими столами и скамейками, состояла из двух больших, с низкими темными потолками комнат. В прежнее время здесь, вероятно, была какая-нибудь фабричная мастерская. Голые стены с обвалившейся кое-где штукатуркой выглядывали чрезвычайно мрачно. Точно так же были мрачны и высокие, с одной только правой стороны, окна. Холодом и сыростью несло от каменного выстланного большими серыми плитами пола. Вообще вся эта столовая производила какое-то до крайности тягостное и тоскливое впечатление, точно тюрьма или затхлый могильный склеп»...

Директор столовой 45 строительства „Учебного городка“

«На столе уже стояли и дымились чашки со щами — каждая на восемь человек, и лежали ложки, похожие скорей на деревенские чумички... Ложки с изумительной быстротой опустились в чашки, захватывая там мутную воду с запахом капусты... Люди торопливо глотали, да-

вились, чавкали с таким азартом и жадностью, что если бы сытый человек посмотрел на это со стороны, то пришел бы в ужас.

В один миг чашки опорожнились!.. Немного погодя, подали гречневую кашу в таком ограниченном количестве, что ее едва хватило бы поесть досыта двоим... Ее уничтожили в один миг так, что я едва успел зачерпнуть и проглотить одну ложку»... (С. Подъячев. «В работном доме»).

В трудные годы гражданской войны родилось советское общественное питание. В холодных, нетопленных, неприспособленных помещениях начали работать первые рабочие столовки; не было оборудования, не хватало посуды. Все силы и средства разоренной империалистической войной страны шли на борьбу с генеральскими и адмиральскими бандами. Скромное и скудное меню было у первых рабочих столовых: суп из воблы и пшенная каша.

Наравне с бурным ростом хозяйственного восстановления и развития Советского союза росло общественное питание. Индустриализация страны дала возможность миллионам женщин оторваться от плиты и примуса. Кустарные столовые не могли справиться с удовлетворением потребностей десятков миллионов новых потребителей, пришедших на фабрики, заводы, гигантские стройки, шахты, торфоразработки. «Столовка» выросла в крупное промышленное предприятие. Из стекла и железобетона выстроены по СССР сотни фабрик-кухонь. Тысячи огромных столовых с механизированным, усовершенствованным оборудованием обслуживают фабрики и заводы. Рабочая окраина забыла о пьяном трактире, о духовитой «бульонке» из грязной кастрюли уличной торговки. На окраину пришла культурная столовая. О работе окраинной рабочей столовой стоит рассказать.

Новой советской Москве тесно в шестидесятикилометровом поясе Окружной

Столовая 61 чуг.-лит. з-да им. Войкова

железной дороги. Рабочая окраина перекинулась за ее пределы.

12-й километр по Ленинградскому шоссе — теперь рабочая окраина Москвы. Там, где трамвайные рельсы делают петлю и убегают обратно в Москву,— свежим кирпичем краснеют новые цехи завода отопительных приборов им. Войкова. Среди них выделяется широкими окнами один из основных цехов завода — цех питания, официально называемый столовой № 61 Октябрьского района.

В огромном светлом обеденном зале много воздуха и простора, хотя за сотней с лишним столиков — каждый на четыре места — полный комплект обедающих. Впечатление простора дают высота обеденного зала и широкие проходы между столиками. Яркая зелень и цветы отличают два ряда столиков, где обедают рабочие, находящиеся на диэтетическом питании, и инженерно-технический персонал.

Через раздаточные окна каждый посетитель может увидеть работу важнейшего производственного отделения цеха питания — кухни. Она занимает площадь не меньшую, чем обеденный зал. Раньше работа кухни, в старых ресторанах, не говоря уже о трактирах, тщательно охранялась от нескромного взгляда посетителя. Это было понятно. Многие процессы кухонной работы в старом ресторане требовали глубокой тайны, — чтобы не отбить у посетителя аппетита.

Кухня столовой № 61, как и других наших механизированных столовых, напоминает гигантскую лабораторию. Нет дыма, чада, удушливого запаха перегоревшей пищи, которые до сих пор сопутствовали представлению о кухне. Длинные плиты, с вделанными в них специальными плотно прикрывающимися котлами, безукоризненно чисты. Весь обслуживающий кухню персонал в белых, хирургической чистоты халатах и колпаках. Чистота и простор в подсобных помещениях кухни, где разделывают мясо и рыбу. Грязная работа по чистке овощей не нуждается в человеческих руках. Человек только помогает машине — картофелечистке или корнерезке, чтобы приготовить полуфабрикат. Для нескольких тысяч блюд, ежедневно вырабатываемых столовой, потребовалась бы сучная работа десятков людей. Машина чисто и аккуратно делает эту работу в несколько часов.

Внизу, в подвальном этаже — снова ряд подсобных помещений. Здесь помещается пирожная мастерская, изготовляющая разный кондитерский и сдобный товар для заводских буфетов и ЗРК. Рядом с пирожной — хлеборезная, где машина быстро делит на ровные ломти буханки хлеба, присланного вторым хлебозаводом. Дальше идут кладовые — для мяса, рыбы, масла, овощей, помидор и огурцов, засоленных самой столовой.

Столовая 45. Общий вид

Столовая № 61 ежедневно готовит до пятнадцати блюд, из них два-три обязательно мясные. Ежедневно готовится около сотни специальных диэтетических обедов — под постоянным наблюдением медработника. Для ребят подшефной школы столовая каждый день отпускает 300 горячих завтраков, по 20 копеек каждый. Ребята получают творог с сахаром, рисовые или манные пудинги, жареное мясо с овощами, кисель и компот.

Откуда берет столовая тонны разнообразных продуктов? Октябрьский трест общественного питания в порядке централизованного снабжения дает столовой только 25—30 процентов того количества пищевых продуктов, которое нужно столовой, чтобы сытно накормить ра-

Столовая 61. Разделка мяса

бочих. Остальное количество столовая добывает из двух основных источников, указанных постановлениями партии и правительства: собственная продовольственная база и самозаготовки.

Отбивные котлеты и свиная корейка — не редкость за обедом рабочего. За июль—сентябрь столовая переработала 15 свиней, в среднем по 70 кг чистого мяса. Это — продукция собственного свинарника завода, на котором сейчас откармливаются 107 свиней. В ближайшее время число их будет увеличено до 200. В любой момент столовая может забить 6—7 свиней, достигших нормального для убоя веса (60—70 кг мяса, не считая отходов). Свиньи пока в резерве у столовой: хватает других видов мяса.

Более отдаленные перспективы снабжения дешевым и вкусным мясом учтены столовой. Сейчас в ее крольчатнике 320 маток. План — 600 маток — к 1 ноября будет перевыполнен. Число клеток доводится до 1000; все они будут заселены кроликами, которые к лету начнут давать приплод. Через несколько месяцев кроличье мясо станет обычным блюдом в меню столовой.

При столовой имеется овощехранилище на 500 тонн; потребности общественного питания завода им. Войкова полностью удовлетворяются этим количеством овощей до будущего урожая. Собственный огород завода — 17 га — не покрывает нужды столовой. На помощь приходят самозаготовки. Закрома овощехранилища быстро наполняются.

Самозаготовки играют большую роль также и в снабжении мясом. Три агента столовой, нередко и сам директор ее, раз'езжают по районам, выполнившим централизованные планы заготовок, и везут оттуда скот рогатый и мелкий, кур и гусей. В третьем квартале самозаготовки дали 19 коров и 22 курдючных овцы; 2 дойных коровы сохранены от убоя; столовой нужно молоко. Когда истощатся запасы мяса в кладовых столовая приступит к забою 7 больших телят, пока нагуливающих килограммы лишнего веса.

Неплохи перспективы мясоснабжения и в текущем квартале. Подшефный заводу совхоз «Диктатура» по договору сдает столовой 4 головы рогатого скота и около 20 овец. Завод в свою очередь помогает совхозу — металлическими изделиями, гвоздями для стройки и пр.

Четкая работа столовой обеспечивается тем, что энергия и инициатива администрации цеха питания встречает полную поддержку заводского «треугольника». Чувствуется, что дирекция, завком и партийная организация завода отчетливо понимают влияние хорошего, питательного обеда на ход производства, на рост производительности труда, ликвидацию прогулов и пр.

* * *

Десятки огромных зданий новых сельскохозяйственных вузов вырастают на пустырях Петровско-Разумовского. Наркомзем СССР развернул здесь строительство гигантского учебного городка. Тимирязевская с.-х. академия уже окружена кольцом советских вузов — молочным, мясо-молочным, мелиоративным, овощным, птицеводческим, механизации сельского хозяйства, электрификации и т. д. Строятся все новые и новые вузы;

Столовая 61. Раздача из буфета

Столовая 61. Отделение для ИТР

реконструкция сельского хозяйства ежегодно требует десятки тысяч новых специалистов.

Уже сейчас на территории Тимирязевского поселка живет многотысячная армия советского студенчества и рабочих-строителей. Нелегкая задача — обслужить их общественным питанием. Шесть больших механизированных столовых едва справляются с этой задачей.

Столовая № 45 — одна из лучших. Состав пятитысячной массы посетителей, обслуживаемых ею, очень пестр: тут и студенты, и высококвалифицированные инженеры, и строители-сезонники, только что пришедшие из деревни. Столовая ежедневно готовит около 10 тысяч блюд самого разнообразного характера. Вот выбранное наудачу меню столовой: 1) щи ленивые, 2) щи свежие, 3) лапша с маслом, 4) суп крестьянский, 5) жареные мозги с картофелем, 6) зразы, 7) буженина, 8) битки, 9) колбаса жареная, 10) баранина, 11) морковные котлеты, 12) компот яблочный, 13) кисель малиновый, 14) яблоки в сиропе и т. д. Любая категория посетителей столовой легко выбирает в этом меню обед по вкусу и по карману. Стоимость блюд от 15 копеек до 1 р. 50 копеек.

Много энергии, настойчивости и труда положило руководство столовой № 45, чтобы дать рабочим и студентам разнообразный, хорошего качества, сытный обед. Большая и длительная работа потребовалась для того, чтобы клиентура столовой могла дать о ней такой отзыв:

«Решения партии и правительства об улучшении общественного питания дирекцией и персоналом столовой — выполнены» (отзыв «треугольника» строи-

тельства учебного городка НКЗема СССР). Лучшей похвалой столовой являются отзывы о ней самих потребителей:

«Суп жирный и вкусный. На второе подается доброкачественное мясо с искусно приготовленной подливкой. Пища питательная. Всегда все подается горячим, хорошо приготовленным».

Именно в настойчивом стремлении точно выполнить указания партии и правительства «секрет» успеха столовой № 45. Отсутствие расчета на самотек, на централизованное снабжение, забота о создании собственной продовольственной базы дают возможность столовой ежедневно кормить рабочих свежей, жирной свининой. Из свинооткормочного пункта на 200 голов, регулярно пополняемого, одна свинья каждый день идет на кухню. Связь с колхозами и совхозами обеспечивает овощами текущую потребность столовой и наполнение ее овощехранилища на 600 тонн.

Особенно замечательна столовая № 45 необычайной четкостью распорядка своей внутренней жизни. Обслуживая тысячи посетителей, еще не привычных к общественным методам питания — строителей-сезонников — столовая сверкает чистотой, свеже вымытыми полами, блестящими клеенками столов, украшенных цветами. Никаких очередей, никакой толкучки, неизбежных, казалось бы, при напряженной нагрузке обеденного зала, — в столовой нет. За последние месяцы столовая увеличила свою пропускную способность с 3 тысяч человек до 5 тысяч, штаты столовой значительно уменьшены.

Столовая 45. Рабочие-строители за обедом

Шесть исторических условий тов. Сталина, действительно проводимых в жизнь, — вот что дало возможность столовой № 45 добиться таких результатов. Правильная расстановка рабочей силы, полная ликвидация обезлички и уравниловки резко улучшили обслуживание посетителей. Повара прикреплены к определенным участкам работы и несут полную ответственность за изготовленное ими блюдо. Подавальщицы прикреплены к определенным столам.

Ударничество и соцсоревнование, на основе индивидуальной сдельщины, стали в столовой подлинными методами работы. Проведен очень точный и своевременный учет. Тщательно разработаны нормы по каждой специальности отдельно. Подавальщица например должна подать по норме 800 удешевленных стандартных обедов или 650 порционных блюд. Раздатчица — 2200 «первых» или 1800 «вторых». Персонал столовой работает, как хорошо выверенный механизм. Около раздатчиц всегда стоят вовремя доставленные котлы и противни с готовой пищей. Подавальщицам не приходится ждать у раздаточных окон ни одной лишней минуты и заставлять ждать посетителя. Работники всех специальностей без большого напряжения перерабатывают свои нормы на 40—50 процентов.

Огромное значение в создании крепкого и спаянного коллектива работников столовой имела большая воспитательная работа, проведенная руководством столовой. При красном уголке регулярно производится читка газет, работают политический и общеобразовательный кружки, происходят производственные совещания, выделен техчас для повышения квалификации поваров.

Самой успешной, самой лучшей характеристикой штата столовой № 45 является заявление слушателей курсов Наркомзема, отметивших «подлинно товари-

щеское отношение обслуживающего персонала к посетителям».

В этих простых словах выражено очень многое. Они показывают каких огромных успехов добилось общественное питание в Советской стране за 15 лет. Исчезли грязные трактиры-кабаки. Появился равноправный цех общественного питания. Нет больше презираемого, бесправного «человека» — лакея. Работник общественного питания стал необходимым, активным участником великой социалистической стройки.

Столовые №№ 61 и 45 — две из многих, которые к пятнадцатой годовщине Октября вступили в конкурс на лучшую московскую рабочую столовую, — две из многих, ведущих упорную борьбу за здоровое питание трудящихся СССР, за освобождение трудящейся женщины от кухонного рабства.

Столовая 45. Свинарник

А. Юрин

С коммунистическим знаменем в руках

В ожидании товарища Чудиновой я расположился в комнате дежурнаго по Октябрьскому райпо. Был выходной день для всех, но не для Чудиновой — председателя правления. Она принадлежит к той категории работников, которая, как «счастливые», ни часов, ни дней не наблюдают. С одинаковым успехом Ксению Павловну можно застать и в девять часов утра и в двенадцать ночи, а во время кампании трудовой день председателя едва укладывается в двадцать четыре часа.

Тов. Чудинова, предс. Октябрьскогорайпо

— Легко работать с Чудиновой, — говорит дежурный. — Быстро ориентируется в самых сложных вопросах и, главное, смотрит в корень.

Приход Чудиновой прервал разговор с дежурным.

— У меня две задачи, — обратился я к Чудиновой, — ознакомиться с работой райпо и подробно узнать вашу биографию.

— Начнем с первого — это приятнее.

Глаза старой большевички, но молодой женщины загорелись огнем, когда она начала перечислять важнейшие достижения работы райпо.

— Промфинплан первых трех кварталов нами перевыполнен, — было сказано скороговоркой, т. к. для Чудшовой — это в порядке вещей. — По паенакоплению стоим на первом месте в Москве. Мы поставили перед собой задачу — к пятнадцатой годовщине Октября добиться выполнения плана паенакопления четвертого квартала на шестьдесят процентов.

Овощная база Октябрьского райпо

Можно ли сомневаться в том, что это будет выполнено?

Чудинова не любит много распространяться о работе возглавляемого ею кооператива. Ее выражения коротки, но ясны и полны большевистской решимости.

— План самозаготовок перевыполнен на девяносто процентов.

Интересуюсь, как проходит наиболее ответственная сейчас кампания — заготовки картофеля; Октябрьское райпо должно заготовить 26 тысяч тонн.

— Нарпит немного подвел. На пятнадцатое октября мы стоим на третьем месте, но это нас не смущает, — кампания будет закончена в срок и полностью.

Сомневаться не приходится.

И без пояснения Чудиновой я еще раньше знал, что Октябрьское райпо по сравнению с другими кооперативами Москвы наиболее широко развернуло торговлю товарами широкого потребления на Бутырском, Минаевском и Новослободском колхозных рынках.

Сознаюсь, меня несколько удивила широкая осведомленность Чудиновой о работе Райпо. По старой практике знаю, что когда председателю правления нужно давать об'яснения о работе кооператива, то он вызывает к себе в кабинет несколько работников с готовыми материалами и цифрами — мол, самому всего не обнять... Чудиновой никого звать не нужно. Она знает подробно обо всем потому, что всегда сама руководит кампаниями и действительно вникает в самые подробные детали работы аппарата.

* * *

О себе Ксения Павловна рассказывает нехотя. Постепенно разворачивается картина жизни большевички Чудиновой — члена партии с 1914 года.

Захолустный город Сибири Ишим — родина Чудиновой. В этом городе, где преобладающее число населения соста-

Тов. Фриц, директор продмага № 21, лучшего женского магазина района

вляли политические ссыльные, прошло ее детство. Старые профессионалы-революционеры оказали серьезное влияние на развитие идеологии молодой девушки. В шестнадцать лет она была уже зрелой революционеркой и в первый раз была исключена из фельдшерской школы за политические убеждения, целиком и полностью расходившиеся с «идеологией» царских жандармов и полицейских собак, стороживших тюрьмы Ишима. В 1914 году Чудинова приехала в Москву. Недолго пришлось поработать здесь в подполье. В 1916 году Чудинова ссылается в Нижний-Новгород, откуда нелегально переезжает под Москву, в Богородск. Перед высылкой, Чудинова сидела в Пречистенской и Бутырской тюрьмах.

Богородские рабочие хорошо знают Чудинову. Многие из них перебывали в нелегальных кружках, руководимых Ксенией Павловной. Здесь они получали первую большевистскую закалку. Недаром рабочие Богородска первыми в Московской области выступили против учредилки и требовали роспуска земских скопищ.

До марта 1918 года Чудинова работает в Богородске, перейдя из подполья на должность председателя уездного комитета партии, и несколько позже — уездного продовольственного комиссара. В конце 1918 года Чудинова переезжает в

Крольчатник Октябрьского райпо

Омск, где работает председателем горпарткома вплоть до прихода чехов.

Открывается вторая страница яркой жизни большевички. Чудинова остается в подполье в Свердловске для связи. Угроза ареста и расстрела нависает с каждым днем. Другую молодую подпольщицу, Соню Морозову, арестовали и, для того чтобы «развязать» язык, приговорили к изнасилованию. Разум молодой революционерки не вынес гнусного насилия сорока четырех озверелых бандитов колчаковской банды. Соня Морозова выдает Чудинову. Однако, за недостаточностью улик (этому стремилась Чудинова во время следствия), полевой суд приговорил ее к высылке из прифронтовой полосы.

Прямо из суда Чудинова нелегально пробирается в Томск, на подпольный всесибирский с'езд партии. Позже, по дороге в Барнаул, на станции Новониколаевск колчаковский офицер узнал большевичку и предал ее контрразведке. До перевода в женскую камеру Чудинову с определенной целью посадили на ночь в камеру уголовных. Но молодая большевичка сумела так воздействовать на уголовных, что, вместо насилия, за Чудиновой и ее грудным ребенком был организован самый тщательный уход.

Шесть месяцев отсидела Чудинова в колчаковской тюрьме. С помощью надзирателя, «своего человека», ей удалось бежать в Иркутск, где она опять окунулась в подпольную работу.

После разгрома колчаковских банд Чудинова переходит на советскую работу, занимая ответственные должности по здравоохранению. С 1924 года Чудинова

Тов. Караяни и тов. Паткин, лучшие ударники госторговли

в Москве и работает в МОСПО в качестве инструктора и заведующего оперативной информацией. По окончании Промышленно-экономического института Чудинова переходит на работу (с 1930 года) в Октябрьское райпо, где была заворгом, заместителем председателя правления и, наконец, председателем.

* * *

Теперь ясно, почему нельзя сомневаться в заявлениях Чудиновой, что Октябрьское райпо выполнит поставленные перед партией и правительством ответственные задачи.

Октябрьский РК ВКП(б) совместно с райкомом союза кооперации и госторговли постановил ходатайствовать перед ЦИК о награждении тов. Чудиновой орденом Ленина.

А. Котов

В НОВОЙ КВАРТИРЕ

Семь больших домов заняли улицу. Вернее, они создали ее, эту улицу с прямой мостовой, с асфальтированными тротуарами и с утвердившимися на одном из углов висячими электрическими часами. Правда, пока что создана одна сторона этой улицы. На противоположной стороне, за расшатанным забором, чуть-чуть отступив от него, редко расставлены обитые тесом темнорыжие дома, за ними — пустырь. Но дальше опять начинаются новые улицы, с такими же, как эти семь, большими, вновь отстроенными домами.

Созданные на месте прежних окраин, в течение полустолетия известных тем, что здесь ютилась беднота и сюда вывозились из Москвы помои, белые шестиэтажные дома все настойчивее и все успешнее теснят эти пустыри. Это наступление идет с двух сторон, и с одной из них уверенно наступают семь больших домов.

Фото Е. Микулиной

Тов. Калякин

Василий Александрович Калякин живет в седьмом из них. Четыре года тому назад он перебрался в квартиру на втором этаже этого дома, в две просторные комнаты с широкими окнами, которые пропускают так много света, что выкрашенный белой краской потолок кажется солнечно-ярким, а предметы в комнате вовсе не бросают теней.

Он перебрался из темнорыжего дома, где с семьей в восемь человек ютился в крохотной комнате, в которой для всех не хватало даже пола.

Но за этим пришло новое. Наладилась домашняя жизнь. Прочней установился жизнепорядок. В этот жизнепорядок вошло то наконец, что раньше было недосягаемо даже для дум.

Дома он привык учиться. Высокая книжная этажерка, служащая одновременно и подставкой для громкоговорителя — в одной комнате, и стопка книг с боку комода в другой — нужны не только для ребят. Но в то же время

Василий Александрович особенно интересуется и учебой ребят. Для него было немалой радостью, когда Клавдия по школе перестала значиться в числе слабых, а Нюра перешла на предпоследний курс техникума.

Утвердилась успокоенность за семью.

В домах есть хорошо оборудованный детский сад, клуб и продбаза, которая доставляет жителям семи домов продукты на квартиру. Это дает основание на заводе, на производстве не беспокоиться о домашних делах и полнее и лучше отдавать свои силы основному — борьбе за промфинплан.

* * *

Василий Александрович любит поговорить о прошлом. Он вразумительно, не спеша рассказывает о ночевке в ночлежном доме в первые дни приезда в Москву.

Это было лет тридцать тому назад. Он хорошо помнит этот дом. Помещался он на самом краю города, в полуподвале. Окна ночлежки, лишь на треть выходившие из-под земли, с улицы были тщательно забаррикадированы брошенными досками, булыжником, проржавленным железным ломом, при помощи которого прохожие этих окраин спасались от грязи, заполонившей улицу от одной ее стороны до другой. В комнате всегда было темно, и железная лампа день и ночь бросала тусклый отсвет на прокоптелые стены и потолок.

Собирались посетители ночлежки часам к восьми-девяти вечера. Гвалт стоял несмолкаемый: ругань, песни, истерические выкрики женщин. Часам к двенадцати кое-кто все же засыпал. Но в первом часу хозяин начинал собирать поночлежное. Он будил дремавших, он настойчиво тряс заснувших и вышвыривал с палатей тех из них, у кого не находилось пятака.

Так проходила ночь.

— Вот вы спрашиваете о квартирах..., — говорит Василий Александрович и снова, так же не спеша, нанизывает событие на событие.

Жил он тогда у земляка, где в маленькой комнате кроме него жили еще шесть человек. Грязь стояла непомерная. Особенно мучила краска (Василий Александрович работал тогда на красильном заводе). Приносимая с завода,

Фото фотокружка з-да „Арматура"

Старый дом, где жил тов. Калякин

она в'едалась в тело, забивалась в волосы. Даже купленный в лавчонке ситный становился то черного, то зеленого, то голубого цвета, в зависимости от того, на какой краске приходилось в этот день работать.

В 1905 году Василий Александрович перешел работать на арматурный завод Ефремова и перебрался на новую квартиру. Пришлось жить у богобоязненных старичков на койке. Старички эти, с виду безвредные, даже больше того — добрые, таили грубочайшую ненависть ко всем тем, кто боролся с все более дряхлеющим, но в то же время уничтожающим все живое, капиталистическим порядком. Василию Александровичу доставалось поэтому не только от казаков, но и от этих хозяев. Участие в забастовке, правда, еще кое-как сошло, а вот когда на Шаболовке в декабре начались баррикадные бои, то, под угрозой изгнания из квартиры, Василию Александровичу запрещалось куда-либо

выходить. Он, понятно, выходил, но как трудно было после утихомиривать искренний гнев своих домохозяев.

Тем не менее, с квартиры вскоре пришлось уйти.

Выгнали и с завода.

Начались поиски работы. В конце концов устроился на Мещеринской текстильной фабрике чернорабочим. Жить перешел на Скотопрогонную улицу. Здесь в полутемной комнате, размером меньше сажени, помещалось четыре человека. Впрочем, было не до квартиры. В годы войны под угрозой мобилизации приходилось работать по шестнадцать часов в сутки. Работа была трудная (Василий Александрович был тогда стерженщиком), выматывающая за шестнадцать часов всего человека до основания. Поэтому не было времени даже разглядеть свое жилье по-настоящему.

* * *

На заводе «Арматура» Василия Александровича знают все. Работая стерженщиком, он установил новые нормы выработки водопроводных вентилей. Вместо двадцати двух, а до революции — восемнадцати, он доказал, что свободно можно выработать их тридцать восемь штук. Он снизил себестоимость бензинных кранов, что сэкономило цеху сотни рублей на каждом заказе.

С тех пор за ударную работу он неоднократно премировался. Последней наградой ему была путевка в санаторий Кисловодска.

* * *

Василий Александрович снимает со стены длинное, ярко окрашенное павлинье перо и нежно перебирает тяжелыми пальцами его ворсинки.

— Привез из Кисловодска. Этим летом ездил. Отдохнул.

Он одевается и идет показывать свою старую квартиру.

— Да, да, на этой же улице. Совсем близко.

На широком дворе, через который мы проходим, играют дети. Здесь много зелени. На дорожках расставлены садовые скамьи.

Фото фотокружка з-да „Арматура"

Новые рабочие дома, в одном из которых живет тов. Калякин

— А ведь здесь были пустыри.

Василий Александрович улыбается, и от середины носа к краю губ глубоко обозначается складка.

«Старой квартирой» оказалась крохотная комната в двухэтажном, предназначенном на слом деревянном доме, с горбатым потолком и свисающими со стен грязными лохмотьями обоев.

— Вот тебе и помещенье, — говорит он. — Квадрат его таков, что поперек уляжется человек, а вдоль — тоже, подлинней только который.

На обратном пути он задерживается возле под'езда. Здесь собрано десятка три бочек. Они поставлены друг на друга с обеих сторон входа, и когда между ними проходишь, то кажется, что идешь длинным коридором.

Василий Александрович улыбается, причем у него низко опускаются тяжелые брови, и, барабаня по пустой бочке, смеется:

— Ведь поставили словно для торжественного в'езда!

И потом, уже совершенно серьезно, добавляет:

— Не догадаются простой вещи сделать — перевезти их в склады.

Хозяйский глаз старого рабочего видит все неполадки, всякую бесхозяйственность. Дома, с любовью склоняясь над газовой плитой, находящейся в просторной светлой кухне, он об'ясняет:

— Откроешь кран — вот!..

В отверстии вспыхивает синеватое пламя, оно расходится по окружности. Коротенькие язычки его все теснее

Фото фотокружка з-да „Арматура“

Тов. Калякин со своей семьей вечером, у себя дома

приближаются друг к другу и в легком дрожании, сохраняя расположение правильного круга, застывают неподвижно.

Фото фотокружка з-да „Арматура“

Тов. Калякин в цеху за работой

* * *

К Василию Александровичу заходит приятель. Они говорят о работе, о заводе, о новом крольчатнике и детском саде при доме.

Приятели говорят цифрами, экономическими выкладками, и тем не менее беседа не смолкает ни на минуту. Они приводят показатели соцсоревнования, рост ударничества, последние достижения в выполнении промфинплана.

Речь заходит о домах.

— Вот белые, — говорит Василий Александрович, — обеспокоены нашим строительством. Они обеспокоены даже и потому, что мы слишком изменили нашу страну.

У Василия Александровича снова от улыбки резко обозначается и чуть-чуть поднимается выше складка от носа к углам губ. Он подходит к окну и показывает на наступающие кварталы новых шестиэтажных домов. Они загораются окнами, и от этого вечером их наступление кажется еще увереннее и успешней.

Е. Виленский

НА СТРАЖЕ ЗДОРОВЬЯ

В маленьком кривом переулочке — Успенском, выходящем на Малую Дмитровку и на Петровку, как будто нет ничего, бросающегося в глаза. Обычный московский переулок, где большие дома с тысячным населением горделиво смотрят на своих одноэтажных соседей. Обыкновенный переулок, маленький и кривой.

Собственно говоря, по существу этот переулок ничем особенным и не выделяется, но когда пишущему эти строки пришлось побывать в двух домах этого переулка, — переулок этот стал вдруг выглядеть совсем не так незначительно.

Этот переулок оказался границей между столетиями.

2-я клиническая больница Мосздрава

Детский санаторий Октябрьского райздрава. Вечерний чай

В Успенском переулке находится детский оздоровительный санаторий Октябрьского района. И в этот же переулок выходят залы Второй клинической больницы, бывшей Ново-Екатерининской. Как будто бы ничего особенного. Стоят два лечебных учреждения. Однако чтобы оправдать наши слова о границе между столетиями, мы остановимся поподробнее на этих учреждениях.

Больница старше санатория на сто пятьдесят семь лет. Санаторий открылся лишь в этом году. А больница была учреждена в 1775 году Екатериной Второй, издавшей на имя родоначальника всех «архаровцев» — московского оберполицеймейстера Архарова следующий указ:

«Усмотря, что в числе скитающихся по миру и просящих милостыни в здешнем городе есть престарелые, увечные и больные, которые трудами своими кормиться не в состоянии, также никому не принадлежащие (!) люди, о коих никто попечения не имеет, заблагорассудили мы, по природному нашему человеколюбию, учредить под ведомством здешней полиции особую больницу и богодельню учреради повелеваю:

Для произведения потребного на то строения употребить состоящие в ведении полиции бывшие хлебные магазины, да сверх того пять тысяч рублей, собранные при Варварских воротах, да четырнадцать тысяч, собранные из провиантской суммы, подлежащей за отпущенную из полиции муку».

«Природное человеколюбие» Екатерины Второй расшифровывается чрезвычайно просто.

В 1771 году в России разразилась чума. Лишь в одной Москве за сентябрь умерло от чумы 21 401 человек. А население Москвы тогда было меньше населения нынешнего Октябрьского района, не достигая 200 тысяч человек (в районе — 350 тысяч).

Больше всего чума ударила по рабочему населению, положение которого стало крайне тяжелым из-за недостатка работы. Эпидемия находила благоприятную почву среди истощенного населения и угрожала благополучию состоятельных кругов. Вот тут-то правительство и вынуждено было открыть ряд лечебных учреждений, одним из которых явилась Ново-Екатерининская больница.

Значительна и велика история этой больницы. Она является одной из сок-

ровищниц русской медицинской мысли. Она сыграла огромную роль не только как лечебное, но и как педагогическое учреждение. В этой больнице росли и развивались крупнейшие русские врачи.

Изучая историю и архив больницы, сталкиваешься с наиболее крупными событиями трех веков. Больница была свидетелем, и далеко не пассивным, эпидемии восемнадцатого века, вторжения Наполеона, пожара Москвы, холеры 1830 года, «освобождения» крестьян, Ходынки, революции 1905 года и 1917 года. В архивах больницы мы находим длинный список бойцов, отдавших свою жизнь и свое здоровье во время боев с реакцией.

Когда-то больница в своих стенах видела только «низкий» класс—преимущественно крепостных. Сплошь и рядом мы встречаем истории болезни, написанные о «Клавдии Матвеевой, девке надворного советника Степана Осиповича Фольца» (1821 год), «Елене Симоновой, вечно отпущенной на волю» (1823 год), «Иване Константинове, человеке генеральши Е. П. Ватковской», «экономическом крестьянине Акиме Петрове»...

А разительнее всего — рассказы. Есть в больнице люди, отцы и деды которых родились в темных сырых катакомбах здания. Деды — отцам, отцы — детям, а «дети», которым сейчас по шестьдесят-семьдесят лет, рассказывают нам о нравах больницы. Рассказывают много тяжелого. Для иллюстрации достаточно привести один факт,— крепостные больные приковывались к постели цепями.

* * *

Дети, шумной гурьбой наполняющие комнаты оздоровительного санатория в Успенском переулке, еще не знают истории одного из первых медицинских учреждений, в частности о цепях. Они радостно устремляются к заведующей санаторием т. Цванцигер и окружают ее, как цыплята наседку. Они в одинаковых вязаных свитрах, веселые и бодрые, рыскают по большому санаторному саду, они деятельно участвуют в жизни сегодняшнего дня санатория — в крольчатнике, свинарнике, огороде, сборе для кроликов опавших осенних листьев.

Детей — пятьдесят. Они имеют отдельную хорошую столовую. Для двух групп — старшей и младшей — две комнаты для игр. Чудесная застекленная веранда для отдыха и аэротерапии — лечение воздухом, самым лучшим лекарством.

Молочная кухня Октябрьского райздрава. Разлив молока. Вскармливание ребенка в яслях

А когда выходишь из этого светлого, солнечного санатория, то невольно сворачиваешь в сторону Петровки, чтобы пройти мимо виднеющейся крыши мрачной больницы, один вид которой воскрешает целый рой тяжелых и мрачных видений.

* * *

Вот детская амбулатория Октябрьского района. Нелегкая работа — пропустить пятьсот—семьсот детей в день. Но амбулатория пропускает.

Здесь есть кожный, хирургический, нервный, зубной и ушной кабинеты. Здесь есть вечерняя помощь на дому. Здесь есть квалифицированная помощь — консультирует крупный специалист Сперанский, который не только работает в амбулатории, но в тяжелых случаях ездит на дом. Здесь проводится диспансеризация школьников со всеми видами исследований. Здесь закупаются диэтпитание и физиотерапевтическое лечение. Средства на это не отпущены. Амбулатория, живущая на твердом хозрасчете, сумела сэкономить, и на эти деньги покупает диэту и физиотерапию для своих ребят.

На Миусах — новый светлый дом, с большим залом для ожиданий, с длинным рядом дверей в кабинеты врачей. Это новая амбулатория — имени десятилетия Октября.

Лучший ударник здравоохранения главврач 2-й клинической больницы тов. Владимирович

Палата в гинекологическом отд. 2-й клинической больницы

Операционная 2-й клинической больницы

На Палихе, в новом помещении — другая амбулатория района, переехавшая из старого, негодного, тесного дома.

На других улицах и переулках — еще много амбулаторий, пунктов, диспансеров, поликлиник. В Октябрьском районе около шестидесяти пунктов, наблюдающих за здоровьем населения. Наблюдающих, заботящихся, берегущих здоровье пролетариата, борющегося за социализм.

А охранять здоровье борцов за социализм нужно по-новому. Недостаточно принять больного или сходить к нему на дом. Недостаточно поставить градусник и выписать рецепт. Надо подумать и о предупреждении болезни, и о санитарной гигиене, о профилактике, о производственном обслуживании.

Сплошь и рядом на предприятиях района мы видим результат работы лечучреждений.

На Тормозном заводе переоборудованы эксгаустеры, установлена вытяжная вентиляция, рабочие снабжаются газированной соленой водой для питья по рецепту д-ра Обуха.

На Термитно-стрелочном заводе переоборудована камера распыления алюминия.

Здесь рационализировано освещение. Тут переоборудован рабочий стол в помещении вальцеварки. Там установлены у станков специально сконструированные насосы для стока мыльной пены, что освободило рабочих от необходимости засасывания ртом.

Сплошь и рядом представители медучреждений кропотливо трудятся над оздоровлением условий труда, над уменьшением заболеваемости, над созданием такой обстановки, которая максимально содействовала бы сохранению сил и здоровья трудящихся района.

Здравоохранение района имеет большие достижения. В частности за последние два года бюджет райздравотдела вырос с 1245,7 тыс. руб. до 3 935 тыс. руб. Увеличено число больничных коек (за счет внутренних ресурсов, о чем — ниже), увеличен оборот коек, улучшен

Группа медперсонала 2-й клинической больницы во главе с проф. Казанским, д-ром тов. Чур-киным и д-ром Корицким

социальный состав обслуживаемых: в 1930 году 41% рабочих, в 1932—57%.

Раньше площадь внебольничных помещений равнялась 1474 *кв. м.* Теперь — 2800 *кв. м.*

Бюджет амбулаторных посещений вырос с 533,1 тыс. руб. до 1367 тыс. руб.

К пятнадцатилетию Октября райздрав открывает: санаторий для пионеров на 75 человек, ясли при фабрике «Пролетарский труд» — на 100 коек, ясли при комбинате «Братцево» — на 60 коек, краткосрочный стационар при психиатрической амбулатории—на 30 коек, ночной профилакторий — на 100 коек.

Приобретено три рентгеновских аппарата.

* * *

После реформы медобразования клиника была передана Наркомздраву, и вся ее система была в корне реорганизована.

Успехи у больницы — очень велики. Вместо 150 коек теперь за счет рационализации использования помещения есть 230. Промфинплан выполняется блестяще. Так за первое полугодие 1932 года насчитывается 15 108 клино-дней, в то время как годовой план равен 13 630 (терапевтическое отделение). Качество работы улучшено. Налажены самозаготовки.

Больница отбросила свою вековую академическую замкнутость и отчужденность от нужд трудящегося населения. Сохранив свои лучшие традиции клинического учреждения, она сумела переключиться на обслуживание нужд рабочих района. Силами своих высококвалифицированных специалистов-профессоров и клиницистов она широко проводит работу по консультации больных, направляемых из амбулаторий.

Бригады специалистов выезжают на окраины района для обслуживания рабочих по месту работы.

Значительная часть амбулатории района имеет возможность пользоваться учебно-вспомогательными учреждениями района (рентген, физиотерапия, лаборатория, поликлиника и др.). Больница при активном участии своей профессуры (проф. Хесин В. Р., проф. Лукомский И. Г., проф. Казанский А. Д.,

проф. Тарасевич И. Ю. и др.) и общественности, под руководством своей партийной организации, организовала и проводит работу по снижению заболеваемости в районе, борьбе с травматизмом, борьбе с глистными и раковыми заболеваниями, женскими заболеваниями и т. д. Больница полностью охватила детское организованное население района сонацией полости рта, поставив это дело исключительно четко и научно.

Больница по справедливости оправдывает свое назначение научно-консультативной методологической базы здравоохранения района, расширяя и углубляя эту свою работу.

Вместе с тем больница — старейшее теоретическое медицинское учреждение Москвы — в последние годы до революции снизившая свою роль в этом отношении — сейчас имеет четкие педагогические целеустановки. Она является клинической базой для студентов 1-го Московского Медицинского Института, готовя кадры пролетарских специалистов санитарных врачей и врачей стоматологов.

Врачи района имеют возможность проходить стаж в больнице для повышения своей квалификации в клинической обстановке.

Сестры здравпунктов предприятий района периодически проходят в больнице курсы по повышению квалификации.

Больница провела уже ряд курсов для медицинских сестер. Эти курсы непрерывно заполняются санитарками, работницами, дружинницами Красного Креста.

Задачи больницы растут с каждым днем. Ее спаянный, работоспособный коллектив полностью готов к дальнейшей борьбе за осуществление этих задач.

Однако дальнейший ее научно-педагогический рост и развитие по пути удовлетворения нужд здравоохранения района стационарно-клинической помощью наталкивается в первую очередь на недостаточность помещения.

Но вернемся к Ново-Екатерининской больнице.

Главврач больницы т. Владимирович, лучший ударник больницы, сумевший превратить оставшуюся нам в наследство от царской России больницу-тюрьму в культурную советскую больницу, показал заявление на имя райкома и райсовета. Под этим заявлением ряд подписей. А готов подписаться под этим заявлением не только я, не только любой медработник района, но и всякий человек, который хотя бы поверхностно ознакомится с положением дела.

Больнице мало места. Сорок—пятьдесят процентов больничной площади занято жильцами — потомками тех, кто на протяжении полутора столетий жил, работал в больнице, жильцами, не имеющими теперь никакого отношения к больнице.

Тов. Владимирович просит их выселить. Это необходимо сделать. Однако здесь надо поставить вопрос гораздо шире. И мы с т. Владимировичем ставим его.

Единственная больница района имеет 230 коек на 350 тысяч населения. Норма — 8 коек на тысячу населения. Строить новые больницы — дело нужное, но трудное. Надо на базе этой больницы, насчитывающей сто пятьдесят семь лет

Зубоврачебный кабинет поликлиники 2-й клинической больницы

Переносный рентгеновский аппарат в одной из палат 2-й клинической больницы

Подготовка кадров медработников. Занятие кружка по повышению квалификации сестер

со дня «рождения», являющейся, как мы уже говорили, сокровищницей медицинской мысли, создать больницу-городок. Для этого есть все возможности. Большой участок земли. Перестроив существующее здание, освободив его от жильцов, достроив еще несколько корпусов, — мы можем создать в районе прекрасный городок здоровья, столь необходимый. Достижения района к пятнадцатилетней годовщине красноречиво говорят о возможностях района. Надо их реализовать.

К двадцатилетию Октября городок здоровья должен украшать наш район.

П. Холмогорцев

Новое и старое

«Октябрьская революция не только освободила страну от власти капиталистов, но освободила рабочих и крестьянских детей от буржуазной и церковной школы», так пишет в своих замечаниях посетившая одну из школ Октябрьского района делегация германских и австрийских рабочих. Завоевания советской власти в области культуры настолько замечательных, что они вызывают у всех, даже у иностранцев, восхищение широтой своих задач и грандиозностью результатов.

В центральной России из 1 000 человек 642 были неграмотны. Среди народов Сибири, Туркестана, Кавказа, Казакстана и др. грамотных всего было от 2—4%. Такое положение оставалось неизменным в течение десятилетий и потому неграмотность, бескультурье, форменная дикость считались как бы обязательным свойством этих народов. В теперешней Таджикской республике, имеющей свыше 1 000 школ, до революции была всего 1 школа, обслуживавшая баев и князей. Царское правительство и не старалось продвигать культуру в массы, т. к. «неграмотным народом легче управлять», говорила царица Екатерина II. «Обучать грамоте весь народ, или большое число людей принесло бы более вреда нежели пользы», заявлял министр Народного просвещения Шишков.

Школьное образование высшего и среднего типа охватывало только детей дворянства, буржуазии, чиновничества, интеллигенции.

Дети рабочих и крестьян учились, как правило, в низшей школе, при чем даже низшей школой охвачено было в старой России менее 25% детей.

Мы обучаем сейчас в школах около 25 миллионов детей. Во всех уголках Советского Союза, включая и самые отсталые районы, уже осуществлено всеобщее обучение. Обучение грамоте стало не только возможным, но и обязательным. Наряду с этим проделана колоссальная работа по перестройке внутреннего содержания школы. Изменилась система школ, изменились программы, изменился социальный состав учащихся, изменилась внутренняя жизнь школы, облик учителя, изменился в общем весь строй и дух школы.

Старая школа

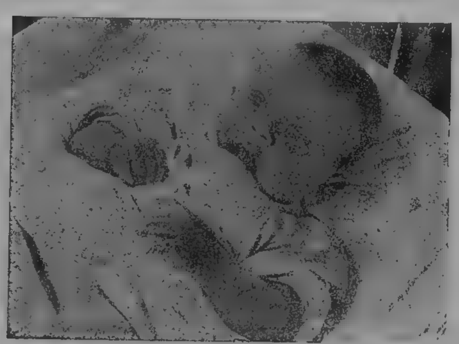
Очень интересно хотя бы бегло воспроизвести облик старой школы, чтобы глубже почувствовать все величие наших достижений.

В системе дореволюционной начальной и средней школы прежде всего бросается в глаза пестрота и многочисленность типов школ. Это разнообразие объясняется в первую очередь тем, что школа была не только по духу, но и по составу сословно-классовой. Правда дворянские дети, дети буржуазии, купцов, крупных чиновников, высших специалистов — совершенно не учились в начальной школе. Для них приглашались учителя на дом, их готовили прямо в среднюю школу. Но средняя школа была неприкрыто сословно-классовой и обслуживала почти исключительно имущие классы. Каждый тип учебного заведения,

Фото Е. Микулиной

даже каждая отдельная школа обслуживала определенную группу буржуазии, дворянства или чиновничества. Институты, кадетские корпуса, большинство гимназий — обслуживали дворянство, реальные училища, частные гимназии, коммерческие школы — буржуазные элементы, духовные семинарии, епархиальные училища — духовенство и т. д. Только второклассные школы, учительские семинарии, ремесленные школы обслуживали детей богатых крестьян, ремесленников и рабочих.

В нашем Октябрьском районе, в помещении теперешней 25-й школы находилась частная мужская гимназия Крейман. Она обслуживала в основном богатое купечество. Плата в 500—600 рублей в год за обучение, которая вносилась за каждого ученика, яснее всяких слов подразделяет социальную физиономию состава учащихся этой гимназии. Ученики имели по несколько сот, а то и тысяч карманных денег, заезжали в школу на рысаках и учились больше для диплома, чем для знаний. «Знания» покупались без особого труда. Об этой гимназии известен такой факт: так как в старой школе проходили устные и письменные экзамены в конце года, опасность провалиться была велика. Письменные работы для экзамена высылались из учебного округа в запечатанном сургучом пакете, который директор вскрывал только в начале экзамена в присутствии всей комиссии и учащихся. Однако креймановские гимназисты удивляли всех своими «знаниями» на экзаменах. Секрет был прост, чиновники округа были подкуплены, вопросы или сообщались заранее в гимназию, учителя и репетиторы за хорошую плату готовили «детям» экзаменационные работы и дело шло прекрасно.

Купчик со школьной скамьи приучается к мысли, что все можно купить, диплом или аттестат зрелости выдается не по знаниям, а по карману. В этом примере вся внутренняя гниль царской школьной системы проявляется в особо резкой форме. Школа готовила паразита, вооружая его и знаниями и дипломами. Не везде это проявлялось так же грубо, но по сути ясно было одно. Средняя школа обслуживала командующие классы; богатых чиновников, буржуазию, отражала в себе всю грязь и пороки своего общества и, конечно, не думала о просвещении огромных масс населения.

Во всех школах были к господствующей социальной группе некоторые примеси, например в дворянской гимназии учились дети богатейшей буржуазии, но все они тщательно отгораживались от «низов» — рабочих и крестьян. Школьная система не допускала притока учащихся из рабочих и крестьян.

Такое положение и официально не раз покреплялось. Кому не известен циркуляр о «кухаркиных детях». В 1831 г. в Пскове был закрыта гимназия, потому что в ней оказалось мало дворянских детей. Александр III на докладе, где сообщалось о том, что одна крестьянка стремилась добиться образования для сына, написал: «это-то и ужасно: мужик, а тоже в гимназию лезет». Сословный характер школы был подкреплен законами Российской империи, в которых говорилось об особых школах для «низшего сословия».

Наш Октябрьский район не представлял исключения. Здесь была такая же смесь частных, городских, государственных, мужских, женских гимназий, прогимназий и училищ. Была уже упомянутая частная гимназия Креймана, гимназия Ежовой (в теперешней школе № 20), монастырская гимназия (теперь школа № 18), частная гимназия Александрова (школа № 27), Мариинская гимназия (КУТВ), группа церковных школ и довольно большое количество городских 4-х классных училищ.

Для большинства детей рабочих, кустарей образование кончалось городской школой. Всего в районе обучалось до 10 000 человек. Девочки и мальчики обучались отдельно, причем уровень, размах и качество обучения девочек были значительно ниже, т. к. их готовили не для участия в общественной жизни. Женщина не считалась равной мужчине и ее обрекали на занятия домашним хозяйством.

Очерк типов школ уже ясно показал, что школа выполняет задачи господствующего класса и государства. В обществе буржуазном она углубляет деление общества на классы, вооружает представителей командующих классов знаниями техники, управления государством и тем самым пытается увековечить их господство. Для угнетенных классов преподается извращенная наука, пропитанная религиозным духом, направленная к во-

Фото Е. Микулиной

спитанию покорности господствующим классам.

Как же была построена работа такой школы? Могла ли в такой школе свободно развиваться личность? Как воспитывала такая школа молодежь? Каков был учитель и какова была его роль в школе и обществе?

Из произведений крупнейших русских писателей и других источников бросается в глаза их резко отрицательная оценка старой русской школы. Все утверждают, что школа сама по себе им ничего не дала. Прекрасные стремления к увеличению знаний, к организации, к работе убивались тупым режимом, формальным отношением к запросам молодежи, полицейским духом, царившим в школе. Все лучшее приобреталось помимо школы и наперекор школе. Масса талантливых людей были смяты, задушены этой системой.

Чему учили в школе? Большую часть курсов занимали закон божий, славянский язык, церковная история, греческий и латинский языки и т. д. предметы, совершенно ненужные, отнимавшие массу времени и очень трудные для усвоения. Такие науки, как история, литература преподавались в извращенном виде, направлены были к воспеванию монархизма, царей, монархически настроенных писателей. Даже такие науки, как физика, биология, преподавания которых нельзя было избежать, насыщались религиозным элементом и по существу извращались.

Фото Е. Микулиной

25-я школа. Нулевая группа за занятиями

В школьные библиотеки книги допускались в ничтожном количестве (10% выходивших) и только те, в которых ничего не говорилось о борьбе с угнетателями и воспевались покорность, терпение, мещанские добродетели, зверский шовинизм и национализм. Не менее 30% книг в библиотеках были религиозного содержания.

А знаменитая буква «ять»! Сколько детских слез, труда, позора, наказаний было из-за этой бессмысленной, совершенно ненужной части в алфавите. Зубрили слова (а их было около 200) с буквой «ять» на «бе», на«ве», «де» и т. д. Из слов на «бе» известен даже стишок: «Бедный, белый, беглый бес, убежал бедняжка в лес». Это прямо пророческое стихотворение о «белом, беглом бесе», который после октябрьской революции убежал за границу». Белоэмигрантские газеты этих «беглых бесов» до сих пор свято сохраняют все правила написания буквы «ять».

Не один раз отдельные работники и до революции выдвигали проекты отмены буквы «ять», но они неизменно отвергались, так как отмена буквы «ять» может навести на мысль о том, что все старое можно отменить.

И поэтому из боязни революционных выводов буква «ять» оставалась на страх и мучения учащимся.

Преподавание наук шло в полном отрыве от жизни. Ни о какой связи с предприятиями, с общественной жизнью не могло быть и речи. Учитель и ученик знали только класс. Кое-где преподавался «труд» в виде изящной вышивки. Учебник зубрил по книгам правила, законы, отчитывался в них учителю, не умея зачастую связать их с жизнью и останавливаясь в недоумении перед простейшими явлениями конкретной жизни и природы или общества. Помню, изучив все минералы, я не знал куда отнести речную гальку (булыжник). Окончившие среднюю школу совершенно ничего не понимали в окружающей жизни и беспомощно путались во всем, что не было написано в учебниках.

Одна черта красной нитью проходила во всей работе — это воспитание верноподданичества, уверенности в незыблемости существующего строя, преступности всяких замыслов о свержении его, яростная ненависть к «безбожникам» (революционерам), евреям и т. д. Это

давало свои плоды — огромное количество гимназистов, реалистов и др. заполнило добровольно и по мобилизации ряды белой армии.

Чем же характеризуется облик ученика старой средней школы? Чем жили, интересовались все эти гимназисты, реалисты, семинаристы, гимназистки?

Дети относились к учебе, как к повинности, они мечтали о свободных днях, о каникулах. Даже старательные ученики, проучившись несколько лет в школе, портились и начинали тоже практиковать «сдувалки», «шпаргалки» и т. п. В старой школе до виртуозности была развита система подсказываний, списываний, всевозможных форм обмана преподавателя.

Казенное, формальное в большинстве отношение учителя воспитывало соответственное отношение ученика. Даже горячий интерес учащихся к отдельным наукам угашался этим бюрократическим преподаванием. Ребята старались кое-как ответить учителю; героем считался тот, кто отвечает не зная урока, умело воспользовавшись подсказами, сдувалкой и т. д.

Большая зубрежка и подготовка поднималась перед экзаменами. Работать начинали все, но и здесь шла «лабораторная» работа. В микроскопически-маленькие книжечки списывались решения задач, где только можно отмечались условными знаками отдельные сведения, за пазухи прятались иконы наиболее помогающих на экзаменах святых.

Всем это было известно, продолжалось из года в год, но борьба с этим была невозможна, так как нужно было в корне менять всю школьную систему, весь дух и направление ее работы.

Круг интересов учащихся искусственно сужался. Вся обстановка поощряла, поддерживала и развивала возмутительные с нашей точки зрения качества. Нерассуждающая покорность, благонравие, подчинение и подхалимство перед начальством, религиозность, ханжество, слепая бессознательная дисциплина.

Расцветало нездоровое товарищество, круговая порука, а наряду с этим лицемерие и ябедничество.

О ходе общественной жизни, вопросах общественной работы учащиеся ничего не знали. Тем более они ничего не знали о революционной борьбе рабочих, о работе революционных организаций.

Фото Е. Микулиной

25-я школа. Занятия в I-й группе

Всякие школьные организации строжайше запрещались. Никаких обществ, кружков без ведома начальства организовывать не разрешалось. Для издания самого невинного ученического журнала надо было создавать подпольную организацию.

Замечательные качества молодежи: стремление к знанию мечты о лучшем, восприимчивость к передовым идеям не находили поддержки в школьной среде. Школы выпускали «людей в футлярах», подхалимов, лицемеров, фанатиков религии и всякую мразь, которой так богата была старая Россия.

Об учителе

Как правило, учительство и учащиеся в царской школе были врагами. Одни учили, спрашивали, требовали, наказывали, другие соответственно реагировали. Только отдельные учителя относились к молодежи чутко и культурно, но они часто платились за свой «либерализм». Во всяком случае это не поощрялось. Преобладающим типом был тип учителя-чиновника, бездушного формалиста, требовательного, даже жестокого с учениками.

Учащиеся платили учителям в большинстве случаев таким же враждебным отношением. Оскорбительные клички и прозвища давались всем учителям, о них составлялись стишки, осмеивающие их, в худших случаях их оскорбляли, наливали чернила в калоши, совали в

карманы обидные записки, мазали чернилами стулья.

Еще раз необходимо отметить, что были конечно и школы и учителя с передовыми стремлениями. Работа этих школ и учителей с еще большей резкостью подчеркивала уродство системы в целом.

Конец царской школы

Так выглядела, жила и работала старая — дореволюционная школа. Связанная всеми нитями с господствующим классом и царским строем она была огромным аппаратом по закреплению деления общества на классы, по одурманиванию масс рабочих и крестьян. Школа была неразрывной частью царского государственного аппарата. Поэтому когда затрещали устои царизма, когда пролетарии уничтожали созданную насилием машину угнетения, была ликвидирована и старая школа.

Уничтожая классового врага, Октябрьская революция должна была изгнать его и из такого важного участка, каким является школа, воспитывающая подрастающее поколение.

Борьбу пришлось выдержать не маленькую. Учительство теперешнего Октябрьского района, как и подавляющее большинство учителей городской средней школы, встретили Октябрьскую революцию враждебно. Часть, потому что не понимала огромного значения ее, часть потому, что тесно была связана не только со старой школой, но и со всем прежним государственным строем.

Школа строителей социализма

Мы празднуем 15-летие Октябрьской революции. Ощущение величайшей гордости охватывает всякого, кто посмотрит, что сделано за 15 лет в области школьного строительства, и попробует сравнить это с тем, что было до Октябрьской революции.

В нашем районе вместо прежних гимназий, училищ и школ, обучавших 10.000 человек, сейчас 28 школ, с 36.000 уч-ся школ, составляющих единую систему трудовой политехнической школы, обеспечивающей переход из одной ступени в другую.

В районе уже осуществлено обязательное семилетнее обучение и приступлено к реализации требования программы партии об обучении всех детей до 17 лет в советской политехнической школе. Уже работают 14 восьмых групп в районе с 550 уч-ся. Количество детей рабочих среди учащихся составляет 71%.

В корне изменился социальный состав уч-ся и это одно составляет величайшее завоевание Октября.

В целях обеспечения действительной общедоступности обучения, уничтожения выходов из школ Советское государство развернуло через школы значительную материальную помощь нуждающимся детям. В течение ряда лет не менее 25% учащихся снабжается бесплатно питанием, учебниками, одеждой и обувью.

Диктатура пролетариата ставит своей основной задачей построение социалистического общества. В этой работе школа должна быть средством громадной силы, она должна быть орудием уничтожения деления общества на классы и перевоспитания всего населения в духе идеологии пролетариата. Новому обществу нужен новый человек с новым размахом мысли, с иными качествами и навыками.

В этом направлении советской школой проделана грандиозная работа. Строй школьной жизни, психология и идеология ребят, их интересы, активность, личные качества стали совершенно иными.

Люди труда, воспитанные в атмосфере уважения к нему, как величайшему фактору в жизни общества, рассматривающие труд, как дело чести и геройства, наши ребята растут сознательными строителями бесклассового социалистического общества.

Ученики нашей школы ясно сознают величайшее значение общества для жизни отдельных лиц, охотно подчиняют свои интересы интересам рабочего класса.

Интересы и запросы детей поражают широтой. Наши школьники — это граждане мира, интернационалисты, которые следят за революционной борьбой молодежи и рабочего класса во всем мире и всем сердцем поддерживают ее.

Наши ребята величайшие поклонники науки и техники, организаторы, об-

щественники, энтузиасты, борцы за новый быт.

Такими их делает вся окружающая обстановка и, в первую очередь, школа Эти качества с каждым годом растут и охватывают все больший круг ребят. Взять, например, рост пионерорганизации. В школах Октябрьского района в 1930 г. пионеров было 5031 чел., 1931 г.— 10.536 чел. и в 1932 г. их имеется 20.139 чел.; комсомольцев в 1931 г. 132 чел. и в 1932 г. — 1363 чел.

Как школа добилась этих результатов? Какова ее работа и история? Как живет и работает детвора в нашей школе? Каков советский учитель? В чем заключаются дальнейшие задачи нашей школы?

Школы Октябрьского района как и все школы Советского Союза, прошли за эти годы следующие важнейшие этапы. Этап первый до 1921 года, охватывающий период гражданской войны, второй с 1921—1926 г. — восстановительный период, имеющий особые черты и в школьном строительстве, третий — 1927—1931 гг. реконструктивный период в строительстве, время крупнейших сдвигов в области школ и четвертый после решения ЦК ВКП(б) от 5/IX—31 г. — период строительства подлинно социалистической школы с высокими образцами обучения и воспитания.

Каждый период имеет свои особые завоевания и все они вместе составляют величественный путь строительства социалистической школы, подобного которому по идеям и методам не знал мир.

Главной задачей первого периода до 1921 г. было преодоление сопротивления врагов советской власти, ликвидация всех основ старой школы.

Вместо десятков типов был организован один тип школы под названием «единая трудовая школа». Школа была отделена от церкви. Было ликвидировано преподавание «божественных» предметов, мертвых языков, было упрощено правописание, отменена наконец буква «ять». Эти мероприятия встретили упорное явное и тайное сопротивление школьных властей и части учительства.

Фото Матвеева

15-я школа им. Максима Горького по Вятской улице

Были выпущены новые программы, расширено преподавание физики, химии, биологии, физкультуры и т. д.

Решительно был взят курс на изменение соц. состава школы. Широкой волной входил в стены недоступной прежде школы рабоче-крестьянский молодняк. Изменилась внутренняя организация и управление школы. Наряду с директором, прежде диктаторски управлявшим школой, созданы были школьные советы. В них были привлечены учащиеся, родители, общественные организации.

Терпеливо и упорно велась борьба за учителя, за поворот его в сторону революции и новой школы. Работа дала свои результаты. К наиболее передовой части учителей, организовавших союз учителей-интернационалистов, стала присоединяться и остальная масса учителей. Это было огромным завоеванием.

Нужно отметить неимоверные трудности этого периода. Нехватало топлива, жгли парты, не было учебников, письменных принадлежностей, школа загрязнялась, ремонт не производился, казалось школа не сможет работать. Но уже в этих условиях проявились преимущества новой системы. В обстановке острого недостатка продовольствия, прямо голода, в школах было организовано питание для учеников за счет государства, отменена плата за обучение. Родители—рабочие и трудящиеся, получившие возможность обучать своих детей в средней школе, сами ремонтировали школу, возили дрова, проводя субботники. Школа начала крепнуть.

Нужно отметить еще одну черту этого периода. Резко увеличилось количество учащихся в школах и во многих местах в эти годы были осуществлен начальный всеобуч. Стремились в тогдашних условиях полностью осуществить идеалы единой трудовой школы. Введен был в школу труд (преобладало самообслуживание), организовались в ряде школ мастерские, создались многочисленные кружки и общества.

Второй период, совпадающий во времени с восстановительным периодом, который переживал СССР после окончания гражданской войны, означает новый шаг вперед в школьном строительстве, главным образом, по линии внутренней перестройки школы. Школа получила твердую материальную базу и начала постепенное улучшение зданий, кабинетов, укрепление учебной стороны.

Проводилась планомерная борьба с остатками старой школы, которые заключались в отрыве теории от практики, в отсутствии связи между предметами, в отрыве школы от общественной жизни, в плохой постановке науки об обществе.

Предпосылкой к этому было то, что учительство в большинстве «встало на платформу советской власти».

Реальное выражение борьба против старого нашла в выходе знаменитых программ Гуса. Природа, труд и общество были основными стержнями, вокруг которых организовалось преподавание знаний детям. В изжитии уродств

Фото Микулиной

25-я школа. Работа в слесарной мастерской и обучение полиграфическому производству

строя школы, в перестройке учительства на новый учебный материал — эти программы и вообще работа этого периода имела огромное значение. Особенно много было сделано по приближению школы к жизни и по организации общественной работы школы.

Центральным достижением этого периода была глубокая разработка вопросов коммунистического воспитания. Антирелигиозная работа в школе, интернационально-классовое воспитание, воспитание коллективизма, навыков организованного труда нашли в этот период свое развитие.

За этот период в Октябрьском районе создался ряд школ с крепкими коллективами и серьезными достижениями в работе. Взять хотя бы школу № 15, 25, 16 и ряд других.

Нельзя не сказать и о серьезных ошибках, которые были допущены в этот период, имели немалые последствия для дальнейшей истории школы и были одной из причин, вызвавших известное решение ЦК о школе. Программы были построены на основе комплексного метода, когда за основу изучения брали не тот или иной учебный предмет, а конкретное явление из жизни общества или природы, в связи с которыми и изучались предметы. Это привело к ряду извращений в работе, комплексный метод подавлял собой все и затем естественно перерос в метод проектов, осужденный решением ЦК о школе.

Исключительно огромные завоевания **третьего периода** от 1927 г. по 1931 г., проходившего в полосу реконструкции народного хозяйства, осуществления первой пятилетки. В этот период учительство уже не только стояло «на платформе советской власти», но стало активным проводником идей пролетариата и его партии в школе, стало агитпропом партии, общественной силой большого значения.

За этот период поставлена и осуществлена в два года задача всеобщего начального обучения. В речи тов. Сталина на 16-м партс'езде было указано, что: «главное теперь для нас — это осуществить всеобщее первоклассное обучение». Не только в городах и селах Центральной части СССР, но и в аулах Кавказа, в кочевках Казакстана и ненцем (самоедов), в стойбищах сибирских народностей созданы школы и проводится всеобщее обучение. Это победа всемирно-исторического значения, которая для дореволюционной России считалась невыполнимой.

Фото Е. Мекулиной

25-я школа. Физический кабинет

Достигнуты огромные успехи политехнизации школ. Культпоход, активное содействие местных партийных организаций подняли огромные массы рабочих и трудящихся в помощь школе и за один год были достигнуты такие сдвиги, которые привели в изумление не только иностранцев, но и нас самих. Все школы были прикреплены к предприятиям, получили доступ к изучению производственного процесса непосредственно на предприятии. За один год у нас в районе организовалось 35 мастерских (прежде их было 4), в школах появились механические станки, новый тип учителя, инструктора производственного обучения, технические кружки, кабинеты и выставки. Проделана большая работа по соединению обучения с производительным трудом.

Исключителен рост активности учащихся, рост пионерских и комсомольских организаций, огромный размах общественной практикой работы детей.

Строительство школы под руководством партии стало делом миллионов.

Наряду с этими огромными достижениями оставался неизжитым «коренной

недостаток» нашей школы то, что «школа не дает достаточного об'ема общеобразовательных знаний и не дает для вузов и техникумов достаточно подготовленных людей, знающих основы наук и владеющих техникой. Кроме того оппортунисты правого и «левого» порядка допустили множество извращений в школьной теории и практике; они растворяли школу в производстве, подменяли учебу общественной работе, снижали роль учителя, заменяли органы детского самоуправления пионерорганизацией и т. д.

Историческое решение ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 5 сентября 1931 г., поставив со всей остротой необходимость решительной борьбы на два фронта в области школьного строительства, положило начало новому этапу в жизни школы, определило задачи школы в период непосредственного строительства социалистического общества.

Наши ребята

Таковы коротко итоги 15 лет строительства школы СССР и в нашем районе..

Огромный интерес представляет облик наших ребят — школьников, их направленность, интересы, активность, поведение.

После самого беглого знакомства поражает общественно-политическая направленность интересов наших учащихся, их глубокая убежденность.

Один представитель американской металлической фирмы г. Роч, побеседовав в 25-й школе с ребятами, пражен был тем, что у ребят преобладают, как он выразился, «идеи общего блага, а не личные коммерческие».

Ребята горячие советские патриоты и вместе с тем до мозга костей интернациолисты.

Помню эффект, который произвело на ребят сообщение о революции в Испании. Здесь были и рукоплескания и восторги и одна ученица (это было в 15 школе) заплакала от радости. Мечты о мировой революции, страстное ожидание ее характеризуют общие настроения наших ребят.

Делегация английских учителей в своих впечатлениях о беседе с учениками 25-й школы пишет: «особое восхищение вызвал среди нас проявленный ребятами интерес к политическим и экономическим проблемам и умный тип вопросов, которыми нас забросали ученики».

Я привожу по памяти разговор одной группы иностранцев с ребятами 25-й школы.

В пятой группе делегаты пожелали говорить с учениками. Американец спросил: кто и когда открыл Америку?» Один из учеников рассказал ему о Колумбе. Был задан вопрос — «кто сейчас главный враг Советской России?», ученик сказал, что «Англия», об'яснил почему; а затем через некоторое время, раскрасневшись, попросил перевести иностранцам, что он хочет изменить свой ответ. Он сказал «враг у нас везде, где есть буржуазия, но у нас имеются также и друзья в каждой стране — это рабочий класс и трудящиеся. Ответ вызвал изумление и одобрительные разговоры среди иностранцев.

Затем неожиданно инициатива разговора перешла в руки ребят.

«Много ли пионеров среди детей Америки и почему их преследуют?» спросил один ученик. Американец сказал, что у них пионеров почти нет и конечно их не преследуют, так как в Америке никого не преследуют.

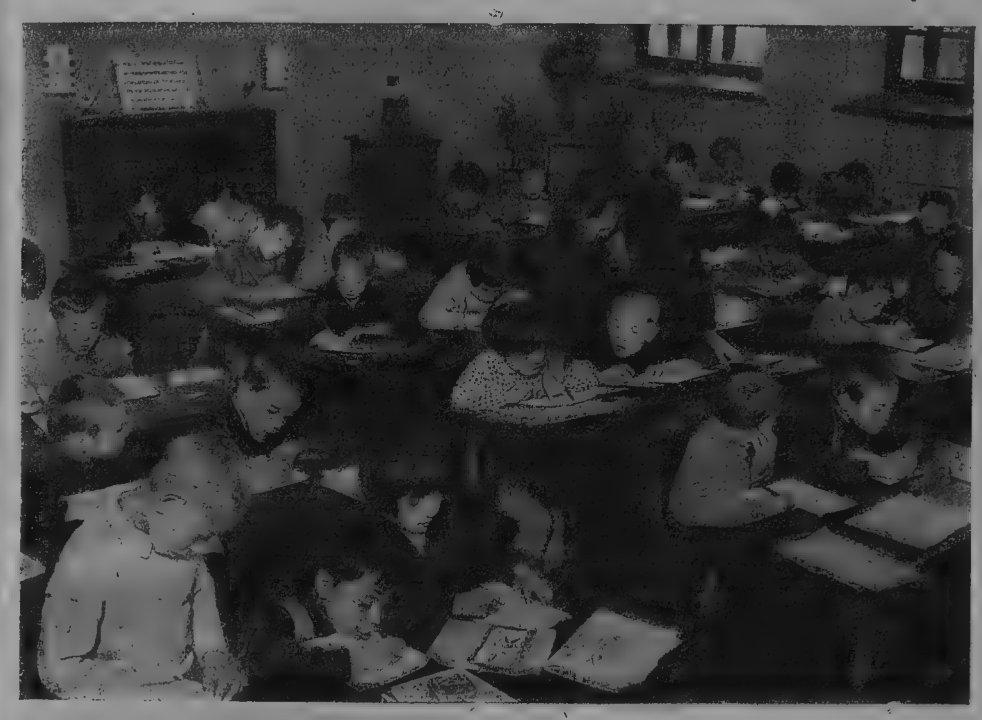
— А Гарри Айзман? — «А почему вы негров преследуете?»—посыпались вопросы. Ребята были возбуждены.

Американец, сославшись на то, что ребята не знают сущность вопроса о неграх, хотел было уклониться от ответа. Мальчик подробно рассказал ему о торговле неграми, о войне в Америке между севером и югом и т. д.

Изумленный американец сказал: «ну если вы это знаете, то я могу сказать следующее: после войны севера с югом осталось еще поколение людей прежних рабовладельцев. Они по привычке иногда проявляют свое господское отношение к неграм, но в государстве негры свободны и равны».

Взбудораженные этим ответом, ребята буквально засыпали его вопросами: «А почему поезда для негров отдельные? А суд Линча? А почему запрещают неграм вход в театры?» и т. д. Звонок прекратил эту беседу. Вероятно американец

Фото Е. Микулиной

25-я школа. Занятия в нулевой группе

чувствовал себя неважно в этой обстановке допроса, но все же впечатление на всю делегацию произвело огромное.

Мы сами иногда не учитываем всю глубину заинтересованности наших ребят общественно-политическим проблемами.

Вспомните кем был прежний ученик, и тогда особенно ощутимым станет огромный путь, проделанный нами. Недаром одна из делегации написала в книге для посетителей: «в лице учащихся мы видели лучших мужчин и женщин будущего».

Можно было бы привести большой список отдельных ребят из этих «лучших мужчин и женщин будущего», которые поражали в 14 лет силой своих убеждений и яркой революционностью.

В 15-й школе, напр., был ученик Белковский Виктор (теперь учится в ФЗУ Тормозного з-да). При изучении по истории, напр. темы «Эпохи реакции после 1905 года», надо было слышать его ответы. Материал темы его волновал. Он не просто отвечал учителю, он всем существом возмущался против царизма, говоря о методах, какими расправлялись с революционерами. Он говорил не для того, чтобы получить «уд», а для того, чтобы изложить свои взгляды и чувства. У него всякое знание переплавлялось в мировоззрение и убеждение, формулируя и обогащая его коммунистические взгляды.

Эта черта вообще многих поражает в наших ребятах. В этой же школе ученик Спицин В. делал доклад о том, как 1-я пятилетка предусматривает укрепление обороноспособности страны. В этом докладе кроме продуманности скользила ненависть к капитализму, уверенность в борьбе с ним и какой-то не ученический призыв к защите СССР.

Такие свойства не единичны, они присущи большинству ребят. Проходят они, Полетаевы, Васильевы, Лимонады, Дрожжины, Царьковы и т. д. и т. п., удивляя учителей, создавая уверенность в том, что Советский Союз получает надежную смену старой гвардии.

Обычным в наших школах стало участие ребят в организации школьной работы, невиданное в прежней школе.

Они не относятся безразлично к тому, что им преподают и как преподают.

Без участия ребят мы не имели бы многих достижений. Ребята участвуют в планировании учебной работы, в учете знаний ребят, в составлении характеристик и оценок.

Взять для примера участие ребят в политехнизации школы, когда началась массовая организация мастерских. Ребята сами организовали сбор инструментов, ходили по заводам доставать оборудование. В 12-ой школе создалась специальная бригада под руководством ученика Осмоловского для содействия политехнизации. Бригада по своей инициативе обходила целый ряд хоз. организаций, добилась такого дефицитного материала, как провода для подводки моторов к станкам. Затем привезли станки с завода и поставили их около школы. Каково же было удивление работников школы на другой день, когда увидели, что станки стоят в мастерских на приготовленных для них местах. Бригада Осмоловского самостоятельно организовала это дело, привлекши к себе на помощь родителей.

Школьная стенгазета, красные уголки борьба за трудисциплину, стопроцентный охват детей школой были бы невозможны без участия ребят.

Интересно поставлена во всех школах так называемая взаимопомощь, когда сами ученики прикрепляют к отстающим для помощи более сильных ребят. Это стало уже обычным в школе. В истекшем году, например, в 15-ой школе группа установила: что один из их товарищей не имеет койки дома, спит на полу, простужается и потому не успевает. Ребята не то купили, не то сделали совместно со своим групповодом А. Боровиковой кровать товарищу и дело пошло лучше.

Организация всякого рода кружков проходит не только при участии, но и под сильным напором со стороны ребят.

Бывший в Москве турецкий министр Ихсан бей, побывав в школе, пишет: «мне доставило огромное наслаждение пребывание в вашей школе, я восхищаюсь живой активностью детей, виденной мной в этой школе».

Одним из уродливостей старой школы, как выше указано, было отношение к учебе, как к повинности. В нашей школе такое дело встречается как исключение. Отошли в область преданий шпаргалки, подсказывания, увиливания от уроков, потому что школа обеспечивает поддержку отстающему, помогает ученику усваивать материал и борется

81-е ясли. Ребята на прогулке

только с сознательным бездельничеством.

Ничего похожего на старую школу нет и во взаимоотношениях наших ребят с учителем. Старые учителя даже удивляются, что так быстро исчезли привычные им по старой школе «каверзы» ребят против учителей. Никакой даже особой борьбы против этого не проводилось. Просто изменились отношения к запросам ребят, школа учитывает интересы их, стремится удовлетворять их, ученик не стыдится и не боится обнаружить свое затруднение или незнание и попросить помощи.

По проведенной анкете в одной из школ ребята в большинстве сказали, что им нравится учитель требовательный, умеющий наладить порядок, но вместе с тем такой, к которому всегда можно обратиться за советом, помощью. Внимательный, чуткий учитель, интересующийся внутренней жизнью ребят, развивающий их, пользуется всегда глубокой привязанностью ребят. Они годами даже по окончании школы пишут ему письма, навещают, обращаются за советами.

Одним из серьезных положительных явлений нашей школы является стимулирование интересов и запросов ребят, расширение их кругозора. Мир ученика необычайно широк. Гибель Амундсена, полет Шестакова в Америку, события в Китае, внутренние вопросы всегда живо волнуют ребят. Поток их вопросов приходится даже сдерживать. В одной школе подсчитано, что через вывешенный в школе ящик вопросов и ответов поступило до 200 вопросов в неделю по самым разнообразным отраслям жизни.

Но с особо напряженным интересом следят наши ребята за всеми моментами социалистической стройки в нашей стране.

Живо бьет ключем изобретательская мысль ребят. Библиотеки недавно сделали попытку организовать чтение детьми технической литературы и собрать работы ребят по технике. Откликнулось около 1800 ребят. Тут выявилось, что больше всего их интересует авиация, радиодело, машиностроение. Было представлено до 300 детских сочинений по технике, отчетов, моделей изобретений. Некоторые работы были настолько замечательны и интересны,

16-я школа по Бутырской улице

что их читали нарасхват. Например радиолекции ученика 28-й школы Сахарова, написанные им с замечательной яркостью и живостью, читались и в районе и в городе и нашли место в материалах детской технической станции.

Тема о наших ребятах неисчерпаема.

Характеристику их могут назвать односторонней, но это будет неверно. Конечно, среди ребят есть и дезорганизаторы, и лентяи. Но большинство их на наших же глазах переделывается в школе при умелой работе с ними. У каждой школы имеются десятки примеров переделки таких ребят. Кроме того положительные качества с каждым годом становится все ярче, потому что вся система нашей школы содействует помощи развертыванию всех заложенных в детях способностей.

Эти качества характеризуют не только ребят, но и показывают вместе с тем завоевания нашей школы. Обликом молодежи мы обязаны в первую очередь нашей школе, которая нашла правильные пути воздействия на ребят.

Исключительно велика также роль пионерской организации. Пионерское воспитание, основанное на организованности, сознательности и яркой политической направленности имеет особо высокие качественные результаты. Наша школа немыслима без пионерорганизации. Вся характеристика нашего ученика в первую очередь относится к его части, которая охвачена пионерорганизацией. Ежегодно увеличивается не только число, но и авторитет пионеров в школе и мы приближаемся :

100% охвату учащихся организаций пионеров.

Наши учителя

Главнейшим завоеванием нашей школы является изменение всего характера школьного обучения, изгнание схоластики, увязка теории с практикой, политехнизация школы и широкая воспитательная работа.

Авторитет науки и обучения особенно высоко укрепился в связи с решением ЦК о школе. Сейчас вся школа живет в атмосфере борьбы за знания, за качество учебы. Борьба за знания поставлена в центр работы детских организаций, в центр соревнования и ударничества.

Решающей фигурой в улучшении качества школьного обучения и воспитания был и остается учитель. Мы имеем сейчас в районе 1 400 учителей I и II ступени. Давно закончена борьба за мировоззрение учителя. Все учительство является вернейшей опорой пролетариата и его партии в воспитании нового поколения.

Сейчас центральной фигурой становится учитель ударник, идеологически выдержанный, высоко образованный и постоянно повышающий свои знания, мастер своего дела и общественник организатор. Такие фигуры не редкость среди старого и среди молодого учительства.

Имена учителей Боровиковой А., Толстова А., Виноградовой, Шевченко, Вейцлер, Воднина, Глазуновой, Тумановой, Карпович, Ганенко, Халявиной, Перетрутовой, Водковой, Суворовой и многих других широко известны в районе.

Тов. Суворова — учительница 18-ой школы, учительствует 2-й год после окончания семилетки и краткосрочных педкурсов. Она является живым доказательством того, что молодежь способна овладеть лучшими приемами работы старых учителей, способна органически слить их с методами ударничества и соцсоревнования, способна поднять дело обучения на очень высокую ступень. Тов. Суворова пользуется исключительным авторитетом и любовью среди своих ребят. Комсомол имеет в ее лице своего передового представителя. Уроки Суворовой отличаются большим мастерством и организованностью. В работу втянуты все ребята. Любой ученик скажет, кто у них в классе плохо читает, пишет и как они им помогают.

Детсад комбината „Известия". Ребята обедают

Прослойка коммунистов и комсомольцев среди просвещенцев незначительна, однако она расположена на ведущих участках (руководящая работа, преподавание обществоведения) и роль ее в работе школы огромна.

Как правило коммунисты — лучшие работники школы. Ряд работников-коммунистов (а их всего-то около 50 человек) пользуются большой известностью и авторитетом в районе. Завшколой № 15—Бобкин, № 2—Максимов, № 28—Михайлов, № 7 — Зламанова, № 5 — Гусев, № 10—Кириков, № 18—Никулин, № 23—Жандзугазова, № 24—Зерюкаева, № 25—Гроза, их помощники по учебной части—Рослова, Белоусова, Федякина и ряд других — все это люди, имеющие огромные заслуги в достижениях нашей школы.

Большинство из них выдвинуты с заводов и фабрик нашего района, отличаются глубочайшей преданностью делу, упорством в работе и пользуются большим авторитетом в школе.

Так на фронте школьного строительства мы строим величественное здание социалистической культуры, воспитываем человека — строителя и члена социалистического общества. В ближайшие годы все население нашей огромной страны будет иметь среднее образование. Это ставит нас на такой уровень культуры, на котором не стоит ни одно из буржуазных государств и о котором в дореволюционное время не смели и мечтать.

Е. Сим

И ТЫЛ — ЭТО ФРОНТ

Из истории „Тимирязевки"

Итак, крестьянин получил «свободу».

Он был освобожден и от крепостных цепей, привязывавших его к помещику и от земли, у которой и от которой кормилась его семья. Из одной кабалы он должен быть итти в другую.

Капитализм, этот ненасытный Молох, отмеривал свои чугунные шаги по патриархальной соломенной Руси.

Старосветские поместья, тихие дворянские гнезда превращались в фабрики товарного зерна. Золотой рекой хлынула черноземная пшеница на хлебные биржи Гамбурга и Антверпена. До чопорных кабинетов петербургских департаментов долетел социальный заказ помещика на потребных его хозяйству управляющих и агрономов — блюстителей земель и карманов.

«Железные дороги открыли многим местностям, до тех пор отрезанным, путь к рынкам для производимого ими хлеба, но за то эти дороги стали привозить в эти местности продукты крупной промышленности, вытесняя ими произведения домашней промышленности крестьян, до тех пор изготовлявшейся ими как для собственного потребления, так и для продажи». (Энгельск ст. 1871—1875 гг.).

«Организованная в 1865 году в знаменитом имении графа Разумовского, Петровская Земледельческая и Лесная академия, — писал студент этой академии В. Г. Короленко, — была ровестницей крестьянской реформы и отразила па первом своем уставе веяния своего времени.» (Короленко, «История моего современника»).

«Правительство было убеждено, что помещики и хозяева вынужденные необходимостью сельского хозяйства пойдут за приобретением знаний» — писал в своем отчете его высокопревосходительство директор Академии. Но помещичьи сынки предпочитали Петровско-Разумовскому такие учреждения как «Яр» и «Петергоф».

Чаяний помещиков, ожидавших ученых капралов для своих помесей, тогдашняя Академии не оправдала.

В день 17 октября 1889 года, на торжественный молебен в честь избавления «августейшей семьи» от угрожавшего им покушения, еле-еле собирается шесть студентов. И можно было увидеть куда показывает стрелка общественного барометра, когда на панихиду памяти Чернышевского, учителя и друга тогдашней молодежи, пришло 100 студентов.

«Никогда и нигде существующее учебное заведение, — констатировал директор, — не возбуждало столько недоразумений, как Петровская академия».

В парке Академии Нечаев убивает провокатора Иванова, а после процесса студентов нечаевцев либеральный устав затрещал под напором реакции. В 1876 году, когда 96 студентов, возглавляемых В. Г. Короленко, подали протест, последовали высылки за репрессии, закончис-

шиеся закрытием Академии. В возобновленной Академии свирепо фильтровался состав, был введен строгий устав и «устройством на такой основе учебного заведения хотели обеспечить переход от крестьянского труда к вольнонаемному в помещичьих хозяйствах» (из отчета директора).

Евреям был категорически закрыт доступ в Петровку. Студентам было велено отдавать честь и вытягиваться во фронт перед преподавателями — реакция свирепствовала во всей своей неприглядной наготе. Таким кулацко-помещичьим гнездом была Петровка перед октябрьскими бурями.

Гнездом, где еще в 1920 году «Совет 18» требовал «автономии школы, бесклассового приема, удаления ячейки и рабфака». Лишь к 1923 году пролетарское студенчество выбивает врага из выборных органов и начинает строить пролетарский вуз.

Ломка Ноева ковчега

В 1930 году партийная организация Академии начинает бой за отраслевую перестройку академического Ноева ковчега. «Комплексное обучение, подготовка агрономов-универсалов, не создает командира полей, знающего технику своего дела», — заявили студенты. «Нам нужен не агроном, знающий все и ничего, а агроном по зерну, по хлопку, по механизации».

Наркомзем разбивает Академию на шесть отраслевых институтов, — которые должны обеспечить социалистические поля большевиками-специалистами. Создается институт механизации и электрификации, на базе факультетов вырастают отдельные институты по мясу, рыбе, агро-химии и растениеводству.

На этом отраслизация не закончилась. В институте растениеводству (МИРТ) были об'единены в общую кучу такие

Студенты Тимирязевки изучают комбайн

Научный работник зернового ин-та, ударник тов. Килочинов

Научный работник зернового ин-та, ударник тов. Каиров

самостоятельные отрасли, как хлопок и зерно, лен и фрукты.

В 1931 году МИРТ разбился на группу институтов, в числе которых выделился зерновой институт им. Тимирязева. Нельзя думать, что это перестройка прошла так просто, как перестраивается взвод красноармейцев.

Часть профессуры, среди которой было не мало авторитетных имен, доказывала что разбить Академию — значит разбить выращенный десятилетиями научный организм, восстановить, который нельзя.

Была и группа непротивленцев. «Делайте, что хотите одни! Вы хозяева — ваша воля», — говорила эта часть, умывая руки и фактически отстраняясь от работы.

Но вместе с штурмовой колонной студентов шли полководцы науки, ее лучшие представители, профессора: Вильямс, Селезнев, Болдырев, Соколов.

И в эти же годы территория Тимирязевки стала плацдармом жестокой борьбы с вредительскими теориями Чаянова и К°.

Борьба осложнялась отсутствием своих научных кадров, своей выверенной методологии.

Партийная организация зернового института, ее секретарь, а сегодняшний директор института т. Кузюрин; аспиранты института совхозного строительства и кафедры организации крупного социалистического хозяйства с ее руководителем проф. Лубяко, — начали планомерное вытеснение врага из идеологических окопов.

Днем лекции, ячейка, семинары, а по ночам ребята, мысль за мыслью штудировали Маркса, Ленина, Сталина, чтобы на завтра, острым скальпелем марксовой науки вскрыть чаяновские гнойники.

Наступление, начатое партийной организацией стало наступлением всей массы пролетарского студенчества.

В этой борьбе шла закалка тех командиров социалистического земледелия, которые сегодня ведут штурм тракторных колонн на тучных полях Кубани и указывают путь социализма и культуры первобытному хозяйству бурят.

Попутно в борьбе с чаяновщиной был дан бой меньшевиствующей агентуре в лице преподавателя полит-экономии т. Гермаидзе Активный проводник тео-

Зерновой институт занятия в физическом кабинете институтa

рий Рубина, Гермаидзе был разоблачен и исключен из партии.

«Выходит, что зерновая проблема является основным звеном в системе сельского хозяйства и ключем к разрешению всех других проблем.»

(Сталин).

Ключ держат руки большевиков

И в те дни когда там, за красным рубежом советского союза с'езд балканских университетов выносит постановление, что высшее образование влечет перепроизводство интеллигенции, наши фабрики инженеров и агрономов работают полным ходом.

Время перелистывает новые страницы человеческой истории. Говоря словами Энгельса кончается пред'история и начинается история человечества.

— «Посмотрите на карту РСФСР», — писал Ленин в брошюре о продналоге.— «К Северу от Вологды, к юго-востоку, от Ростова на Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необ'ятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

Прошла какая-нибудь дюжина лет, кажется незаметная песчинка времени промелькнула в водопаде веков, а карту страны не узнать.

К северу от Вологды — скотоводческие фермы, лесные заводы, апатиты, Мурманский порт и Беломорский канал.

К юго-востоку от Ростова — тракторы разгрызают целину степей края сплошной коллективизации.

К югу от Оренбурга — Турксиб и национальные области и республики.

К северу, к крайнему северу — караваны судов Комсевергпути и новый порт Игарка. Страна подымается. Страна, ее стройка жадно требуют кадров.

Кадры — решают. «Особое внимание партии, советов, колхозной системы должно быть привлечено к проблеме кадров. Колхозное движение приняло такие размеры, которые требуют решительной революционной перестройки всей системы, программ и методов подготовки организаторов, агрономов, инженеров, землеустроителей, техников, финансово-счетных работников и т. д. для колхозного строительства. Должно быть обеспечено решительное увеличение в новых приемах в вузы и техникумы доли колхозников, особенно из батраков и бедноты». (Из постановлений ноябрьского пленума ЦК 1929 года).

На сегодня зерновой институт готовит кадры для северной зерновой зоны. Его задача ускорить переход ее хозяйства из графы потребляющих в производящие.

Институт выпускает: агронома-зерновика, агронома-селекционера семеновода, экономиста-плановика и инженера по технормированию.

Через порог этого учебного года вуз перешагивает после серьезной реконструкции. Красный специалист должен быть прекрасным знатоком своего дела — напомнило последнее решение ЦИК о высшей школе. Теперь 89 процентов учебного плана отдано на общенаучные и специальные дисциплины.

Зерновые культуры, которые в прошлом году (это в зерновом-то институте!), занимали 72 часа теперь расширены до 250 часов. Агрохимия (удобрения, химизация почвы), вместо прежних 90 получила 230 часов и т. д.

Для повседневной практики студентов к вузу прикреплен совхоз «Карачарово», где не раз в году, а тут же в процессе учебы сможет в поле, на пашне выверить получаемые знания студент.

Кафедры пересмотрели свои планы под углом реализации постановления ЦК и СНК о поднятии урожайности. Кафедры земледелия, зерновых культур, удобрения и механизации работают над проблемой включения достижений мировой науки в производство социалистических полей.

Продвинуть на северные поля — пшеницу, провести в культурное состояние бросовые земли, создать учебники для северного земледелия — над этими проблемами работают сегодня кафедры.

Кафедра спецмашин сконструировала сцепку копных грабель с 15 футовым комбайном. Если до этого усовершенствования потери при уборке комбайном составляли около 10 проц., то теперь грабли, идущие вслед за комбайном сберегают еще 7½ кг зерна с одного га.

Теория в этом вузе идет в ногу с практикой, вооружает ее — служит компасом в поисках путей для невиданного в истории перевооружения полей.

В 1918—20 году еще среди научных работников Академии имели хождение такие мысли: «Рабочие в науке не смыслят», «Академия не фабрика, — здесь контроля быть не может».

Теперь вырван куст чаяновщины; за плечами годов остались люди «чистой»

Занятия студентов в лаборатории института

науки типа Дояренко, не пускавшего рабфаковцев на опытные поля, — научные силы идут единым фронтом с партией и пролетарием, пришедшим на учебу.

На линии огня

Слова Ленина: «Если бы могли дать завтра 100 тыс. первоклассных тракторов, снабдить их бензином, снабдить их машинистами (вы прекрасно знаете, что пока это фантазия), то средний крестьянин сказал бы: «я за коммунию», (т. е. за коммунизм)», — воплощены в жизнь. 13 лет отделяют нас от дней, когда писатель эти строки, мы прекрасно знаем, что теперь это не фантазия, а жизнь; а те сотни тысяч тракторов и тысячи диковинных комбайнов, которые атакуют поля коллективизирующейся страны.

Тепличная практика старых студентов осталась за порогом сегодняшней Тимирязевки. Студент зернового института— боец хлебного фронта.

Краснознаменная группа экономистов 3 курса проходила практику в индустриальном совхозе им. Сталина.

Хотя плановики и были посланы на практику не пройдя курса планирования

Метереологическая станция тимирязевского учебного городка

Студенты ин-та на военных занятиях

(вывихи прошлогодней программы), — они, большевики зернового фронта, не спасовали перед трудностями. Практиканты не занимались декламацией, на тему о шести исторических условиях вождя, — они этими условиями вытесняли расхлябанность, бесплановость и ту уравниловку, которая лодыря ставила на одной высоте с отличным работником.

Итоги показали себя новыми тоннами зерна во-время снятым урожаем и сталинские условия, проведенные в работу, отвечали потоками хлеба. План скирдования переваливший за 166 проц. Ударник кассовицы колосовых поднял выработку с 7 до 30—38 га.

Треугольник совхоза им. Сталина вынес товарищескую благодарность практикантам и отметил их «колоссальную работу по составлению планов, борьбе с потерями, расстановке сил».

Студенты Шмыков, Лакненко, Глотов, Белошацкая были премированы.

Так из ковыряния на игрушечном клочке опытного поля практика стала органической частью учебы. Стала стажировкой командиров социалистических колонн, на передовых линиях огня.

Позвоночник вуза

В 1905 году в числе 440 студентов:

ников	90	»
Дворян	97	проц.
Почетных граждан	55	»
Купцов	51	»
Мещан	49	»
Крестьян (кулаков)	47	»

Классовый состав решил поворот школы. Пришедшие в вуз партизаны, организаторы колхозов в Бурятии и лучшие ударники металлургических гигантов — свои боевые традиции внесли в стены вуза. Они не учились, нет, они дрались за науку.

Евреи, татары, чуваши с берегов Суры, зыряне из холодной тундры и обугленный знойными лучами — узбеки — пришли в вузы. Белые, шоколадные и

Радио-лаборатория ин-та

Казаков, нижних чинов и разночинцев	19	проц.
Поповичей	11	»
Иностранцев	6	»
Князей	2	»
Баронов	2	»

В 1932 г. в числе студентов:

Рабочих	28	проц.
Крестьян	20	»
Служащих	30	»
Колхозников	10	»
Батраков	11	»
Членов партии	50	»
Комсомольцев	30	»

Ударник ин-та тов. Храпаль

желтые лица наполняют коридоры и аудитории. Впрочем, разве здесь есть желтые — тут все одного цвета, одной красной трудовой крови. 15 наций прислали своих полпредов в вуз и около трети студентов — националы. Такой состав вуза и его мозг — партийная организация разбившая кулаков и их идеалогов успешно выправляет те левацкие вывихи которые в подготовке специалиста упускали главное — качество. Каждая группа выделила в совет секционера. 100 пропагандистов дал вуз для района, МК, ЦК.

Турецкие гости в тимирязевском учебном городке

От субботников по выгрузке и переборке картошки, — до ответственной

партийной работы в ЦК партии, тянется цепь общественных работ вузовцев.

Они славно оправдывают имя мирового ученого и верного большевика К. А. Тимирязева.

Комсомолец Трубников кончает в 30 году — теперь руководит кафедрой тракторов и автотранспорта.

Коммунист и комсомолец Карагальцев в 1919 году с продотрядами козловских рабочих, наступавший на кулака, отбивавший рейд Антоновских банд и прорыв Мамонтова — сегодня аспирант кафедры спецмашин.

На лагерном сборе этого года тимирязевцы, не имели ни одного дисциплинарного взыскания и командование выразило свою благодарность студентам.

Декадная многотиражка «Тимирязевка» умело переключилась на обслуживание студента и в лагере и на практике. «Два номера получил, — пишет из совхоза т. Космылин. — Начали убирать озимую культуру. Убирать будем 20 тыс. га». Газета приходит на поля, — она является нервом, связывающим практиканта с его вузом.

Проспект вузов

За Михалковским шоссе на аллеях Петровско-Разумовского вырос город-фабрика кадров. Из старой Петровки с ее четырьмя сотнями студиозусов образовался десяток вузов с одиннадцатью тысячами студентов. В сущности здесь к старой пуговице пришили советское пальто. По бокам Лиственничной аллеи стоят шеренгой новенькие здания институтов, академий и лабораторий. Многие из них еще только вылупились из пеленок лесов — они играют румянцем кирпичных щек и новые люди входят в новые здания, в форты советской науки.

Только за этот год страна получила от Тимирязевки урожай в 195 специалистов. Тимирязевка стала ударным вузом и сегодня сотни ее ударников дерутся за то, чтобы «самим стать специалистами, хозяевами своего дела».

6

«Наша партия, боровшаяся на протяжении десятков лет с капиталистической эксплоатацией рабочих масс, после Октябрьской революции сломала не только аппарат буржуазно-помещичьей власти, не только экспроприировала банковский и торгово-промышленный капитал, но и сломала буржуазно-купеческо-домовладельческое господство в городском хозяйстве. Партия и пролетарская диктатура и здесь не ограничились только заменой аппарата старого городского самоуправления новым аппаратом — советами рабочих депутатов, — партия повернула городское хозяйство лицом к пролетариату, лицом к его текущим нуждам и к его историческим задачам».

(Л. КАГАНОВИЧ)

Д. Николаев

КАК ВЫПОЛНЯЮТСЯ РЕШЕНИЯ ПАРТИИ О ГОРОДСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В ОКТЯБРЬСКОМ РАЙОНЕ

Старая, дореволюционная Москва волею нашей партии и рабочего класса со дня Октябрьской революции превращается в культурно-политический центр Союза, всесоюзную кузницу кадров, центр научной мысли, в столицу мирового пролетариата.

За годы революции проделана большая работа по новому жилищному строительству, улучшению всего коммунального хозяйства Москвы.

Июньский пленум ЦК партии (июнь 1931 г.) констатировал, что „на основе достижений партии и советской власти и в результате правильной политики и практической работы Московской организации городское хозяйство Москвы также достигло серьезных успехов“, но в то же время отметил: „Между тем развитие городского хозяйства отстает от роста рабочего и трудящегося населения столицы и его потребностей. Это отставание особенно обострилось в результате крупнейших недостатков в работе Московского коммунального хозяйства. Именно следствием этих недостатков явились прорехи в трамвайном сообщении, недочеты жилищного хозяйства, плохое проведение дорожных и подземных работ, крайне неудовлетворительное состояние города и т. д.“.

Исходя из этого, пленум ЦК дал конкретную развернутую программу мероприятий по улучшению и развитию городского хозяйства Москвы в области улучшения жилищного хозяйства, нового строительства и ремонта, энергетического хозяйства, городского транспорта, дорожного и подземного хозяйства, водоснабжения, благоустройства и санитарного состояния города и т. д.

Как выполняются эти директивы ЦК?

Уже приступлено к строительству метрополитена, начаты работы по соединению Москвы-реки с Волгой с прокладкой канала протяжением в 127 *км*. Значительно увеличены автобусное движение и таксомоторный парк. В 1928 г. было

Ул. М. Горького. Асфальтированная мостовая

„Восток-кино." Площадь Свердлова

163 автобуса, в 1932 г.—933; такси в 1928 г.—120, в 1932 г.—916. Увеличено количество вагонов и расширены пути трамвая, что характеризуется следующими данными. Длина трамвайного пути равнялась в 1913 г. 301 *км*, в 1931 г.—480 *км* в 1932 г.—571 *км*. Количество вагонов составляло в 1913 г. 1256, в 1931 г.—1987, в 1932 г.—2803. Большая работа проделана в области дорожного строительства, озеленения города.

Отстроены и пущены в эксплоатацию десятки новых домов. Проведенный большевистскими темпами ремонт старого жилищного фонда в значительной мере оздоровил жилищное хозяйство столицы. Выросла целая сеть культурно-социальных учреждений, в частности школ, контингент учащихся в которых составлял в 1914/15 г. 115 251 человек, а в 1931/32 г.—311 043 человека. Поэтому совершенно правильным является постановление третьей московской областной и второй городской конференций ВКП(б) (январь 1932 г.), констатирующее, что „Московская организация на основе дальнейшего ускорения темпов индустриального развития области и Москвы достигла в истекшем году значительного подъема темпов развития городского хозяйства Москвы и городов области и решительного сдвига в деле превращения Москвы в достойную столицу пролетарского государства" (К а г а н о в и ч).

Эти достижения в области городского хозяйства, вполне естественно, нашли свое отражение и в нашем районе.

Вырос целый рабочий городок на Сущевском валу, принадлежащий нашему РЖСКТ; закончен и пущен в эксплоатацию новый дом для рабочих чугуноли-

тейного завода имени Войкова; развернуто большое жилищное строительство в районе станции Подмосковная и на Песцовой улице. Тысячи рабочих вселены в новые, капитально оборудованные дома. В текущем году из общей программы районного строительства в 8 млн. руб. жилищное строительство и надстройки составляют сумму в 3 млн. руб. Старые казармы на фабриках им. П. Алексеева и „Пролетарский труд“ переоборудованы в удобные жилища для рабочих.

Большая работа за 1931 и 1932 гг. проделана по ремонту старого жилищного фонда. Об'ем ремонта по району в 1931 г. составлял 1800 тыс. руб., в 1931 г.—3433 тыс. руб. Капитальный ремонт в этом году в большей мере был сосредоточен на приведении в должный порядок отопительной системы и внутреннем ремонте домов. Это характеризуется следующими данными по домам, находящимся в ведении домтрестов:

Ремонт центрального отопления в 1931 г.—131 тыс. руб., в 1932 г.—171 тыс. руб., рост 131%.

Ремонт канализации и водопровода в 1931 г.—24,9 тыс. руб., в 1932 г.—57,1 тыс. руб., рост 229%.

Ремонт фасадов в 1931 г.—122 тыс. руб., в 1932 г.—137,6 тыс. руб., рост 112,7%. Ремонт крыш в 1931 г.—30,7 тыс. руб., в 1932 г.—140 тыс. руб., рост 173%.

Общий об'ем ремонтных работ по домтрестам вырос с 802,5 тыс. руб. в 1931 г. до 1537,8 тыс. руб. в 1932 г., или на 191,6%

Имеется ряд достижений в деле благоустройства района: увеличение водопроводной и канализационной сети; увеличение площади усовершенствованных мостовых с 240 000 *кв. м* в 1931 г. до 263 000 *кв. м* в 1932 г.; устройство в 1932 г. тротуаров протяжением 1 500 *кв. м*; расширение площади зеленых насаждений с 716,1 *га* в 1931 г. до 718,6 *га* в 1932 г., с посадкой по району деревьев в 1931 г.—12 832, в 1932 г.—15 187; поставлено вновь 1011 осветительных точек в 1932 г. и 1167 точек—в 1931 г., чем улучшено освещение района. Значительно улучшилось дело очистки района от мусора и нечистот.

В работу по улучшению санитарного состояния района втянута общественность; организовано 1673 здравячейки, в которых активно работает 7100 человек.

Медицинская помощь продвинута ближе к рабочим путем организации здравпунктов непосредственно на предприятиях, в бараках и общежитиях. Так если в начале 1931 г. было 16 здравпунктов, то в 1932 г. их имеется 58.

Новые жилые дома по Сущевскому валу и в Петровско-Разумовском

Число больничных коек увеличено по сравнению с 1931 г. (в 1931 г. было 255, в 1932 г. 315), количество мест в яслях возросло с 830 коек в 1931 г. до 915 коек в 1932 г.

За 1931—1932 гг. вновь организованы психиатрические амбулатории, детская амбулатория, детский санаторий на 50 коек, санаторные ясли на 55 коек, молочная кухня. К пятнадцатилетней годовщине Октябрьской революции приурочивается открытие ночного профилактория для рабочих на 100 коек, санатория для пионеров на 75 человек, яслей при фабрике «Пролетарский труд» на 100 коек и при комбинате «Братцево» на 60 коек.

В нашем районе имеется 29 школ, которые в текущем году все отремонтированы. Охватили они в этом учебном году учебой 35 678 человек против 30 000 человек в 1931 г. Заканчивается строительством новая школа в Лихоборах; капитально переоборудуется 12-я школа имени пятнадцатилетия комсомола. Сетью детсадов на 1 января 1932 г. было охвачено 4 200 человек; за первое полугодие 1932 г. открыто вновь 19 детсадов с охватом 907 человек.

Весь приведенный фактический материал говорит о том, что в деле выполнения решений июньского пленума ЦК наш район имеет определенные достижения, но еще предстоит большая работа по полной их реализации. Под испытанным руководством нашей партии, мобилизуя на выполнение стоящих в области реконструкции городского хозяйства задач широкие трудящиеся массы района, райсовет будет еще упорнее работать над проведением в жизнь этих задач.

Хлебозавод № 2, отстроенный в 1931 г.

С. Гинзбург

От купецкой Москвы к социалистическому городу

Старая Москва была буржуазно-дворянским городом. Она заселялась по классовым признакам.

В центре — торговые помещения, соборы, причудливый лабирант дворянских домиков с римскими портиками и колоннами и купеческих особняков, пышных и оляповато богатых. Они были окружены чахлыми садами и высокими заборами, защищающими от непрошенных взглядов. Они охранялись городовыми, — откормленными и жирными бородачами, похожими на «в бозе почившего императора» Александра III.

На окраинах — хибарки мастерового люда, фабрики, городские свалки. Сады заменяют немощеные улицы, заросшие травой и испещренные ухабами и непросыхающими лужами.

Кино „Центральный“—Страстная площадь

Новое здание комбината „Известий“ ЦИК С

В центре — особняки; на окраинах — рабочие казармы. В центре — рестораны, театры и соборы; здесь — кабаки приветливо, приглашающие оставить в них жалкую получку, алчные попы, пытающиеся обещаниями загробных блаженств взять у рабочего то, что оставил ему хозяин на полуголодную жизнь.

В октябре 1917 года рабочие разрушили созданные буржуазией границы внутри города. Рабочие выгнали буржуазию из особняков и заняли их сами. В октябре рабочие начали перестраивать Москву на свой лад.

Не «первопрестольный» город, а пролетарская столица, не соборы и кафешантаны, а робичие клубы и театры. Не классические гимназии, куда не допускались «кухаркины дети», а советские трудовые школы, рассчитанные, в первую очередь, на рабочую молодежь, перед которой раньше закрывались двери к учебе.

Буржуазия оставила нам плохое наследство. Лабиринт улиц и переулочков старой Москвы, дома сжимающие даже в центре узкие булыжные мостовые, затрудняли движение. Трамваев было мало, и пути не доводились до рабочих окраин. Коммунальных сооружений тоже нехватало, они были рассчитаны преимущественно на удовлетворение нужд господствующих классов. Телефонная станция, водопровод, канализация обслуживали, главным образом, центр. Большинство школьных зданий, бань и больниц опять-таки было в центре.

В послереволюционные годы московский пролетариат принялся за перестройку городского хозяйства. Июньский пленум ЦК дал мощный толчок коммунальному строительству. Город стал решительно менять свое лицо, превращаясь в подлинно образцовую столицу пролетарского государства.

Изменил свой облик Октябрьский район. Главные магистрали покрылись асфальто-бетонной одеждой усовершенствованных мостовых. Появились быстрые и красивые автобусы, торопливо пробегающие московские улицы. Среди них появляется все больше и больше голубых экспрессов автозавода им. Сталина и солидных и тяжелых машин Ярославского завода. Почти в два с половиной раза увеличилось количество трамваев, выросло общее протяжение трамвайных путей. На улицах появились буровые вышки и шахты будущей московской подземки — метрополитена.

Исчезли ухабы, ямы и лужи — постоянное свойство московских мостовых. Дома заново окрашены и оштукатурены. Снесены заборы, оберегавшие сады от непрошеного постороннего народа. Сады принадлежат всем. Каждый трудящийся может в них отдыхать.

Район принарядился. Он растет вширь и ввысь. Да, ввысь! Толстые крепостные стены барских особняков в одном сослужили нам службу. Они выдерживают два, три, четыре этажа надстроек. Мы надстраиваем Москву. Если подсчитать среднюю высоту домов в районе в этом и предыдущем годах, то нетрудно убедиться, что она увеличилась на много.

Надстройка домов создает району дополнительный жилфонд, не требующий больших вложений. В самом деле — не нужны фундамент и крыша. За короткий срок — один, два месяца можно выстроить много удобных и уютных квар-

Кино „Малая Дмитровка“

Новые жилые дома для рабочих Октябрьского района, отстроенные за последние годы: 1. Общежитие Свердловского комвуза (Миусская пл.) 2. Рабочие дома по Бутырскому валу. 3. Дома по Тихвинской ул. 4. Дома по Песцовой ул. 5. Надстройка дома.

Страстная площадь и улица М. Горького. Вновь осфальтированные мостовые.

тир. Старая московская картина — одноэтажные дома рядом с шести-семи этажными громадами отходит в прошлое.

В рабочих казармах сто процентов детей болело туберкулезом. Скученность, грязь, ужасающая беднота вызывали эпидемии, повальные болезни. Нельзя теперь узнать рабочие жилища. На месте старых казарм при фабриках им. П. Алексеева и Пролетарский труд выросли новые, образцовые рабочие общежития. Они не одиноки в районе. С ними рядом надо поставить громадное жилстроительство районного РЖСКТ на Сущевском валу, новый дом рабочих завода им. Войкова. К ним уже скоро присоединятся дома на Песцовой улице и станции Подмосковной, находящиеся еще в стройке.

Мы перекраиваем улицы, улучшаем движение, надстраиваем дома. Район приобретает нарядный вид. Нет пятен на зданиях — они все заново выкрашены, нет осыпавшейся штукатурки — проведен капитальный ремонт.

Старая Москва ночью была погружена в темноту. Слабое мерцание газовых рожков не освещало города: оно только помогало не заблудиться во сне. В самом деле, зачем было освещать Москву Городской Думе? Показать ее нищету, выщербленные мостовые, валяющиеся повсюду отбросы?

Мы осветили Москву, осветили Октябрьский район. Газовые рожки почти повсеместно заменены мощными электрическими лампами.

Нет больше во дворах куч мусора, распространяющих зловоние на весь город. Грузовики и электробусы чисто и аккуратно забирают весь мусор и отправляют его не на свалку в черные районы, как было раньше, а на мусоросжигательные станции.

Новый жилой рабочий дом по Новослободской улице, № 62.

Надстройка жилого дома для рабочих ф-ки „Пролетарский труд"

Да, район изменился до неузнаваемости. Кто узнал бы в образцово чистом Октябрьском районе уголок той Москвы, которую рабочие взяли в свои руки всего лишь 15 лет назад.

Но дело заключается не во внешней нарядности. Дело решается тем, как обслуживаются трудящиеся района коммунальными сооружениями, коммунальным строительством. Невелика была бы наша заслуга, если бы мы придали району только внешний блеск.

Обслуживание трудящихся изменилось до неузнаваемости.

Окраинные улицы района, заселенные преимущественно рабочими, до последних лет были лишены водопровода и канализации. Отхожие места — выгребные ямы заменяли уборные, водоразборные колонки — краны в кухнях и ванных комнатах. Зимой в лютые морозы хозяйки вынуждены были ходить за водой. Часто водоразборные колонки замерзали. Тогда приходилось тащиться целый квартал за ведром воды. Проклиная час своего рождения, хозяйки брели за водой невесть куда, порой в такие дни, когда ручка ведра примерзала к руке. Они имеют теперь эту воду у себя дома. Водопроводная и канализационная сети расширены и охватили почти все дома района.

Каждое дерево, каждый метр зеленого газона — на улучшение здоровья трудящихся. Озеленение города не при-

Новыс
Октяб
ные з.
житие
(Миус
по Бу
Тихви
цовой

хоть, оно нужно не для красоты. Его цель та же, что у домов отдыха, больниц, санаториев.

Старая Москва по количеству зеленых насаждений стояла на одном из последних мест среди крупных европейских городов. Она будет на первом. 13 тысяч деревьев было посажено в Октябрьском районе в прошлом году, — 15 — в этом, хотя еще время осенних посадок только начинается. Разбит новый сквер на окраине. Капитально отремонтирован, оправдывающий свое название Угольный сквер, расположенный на оживленной Каретно-Садовой.

Город перекраивается. Москва купеческая и дворянская умерла. На ее месте, из нее вырос новый, другой пролетарский город. Этот город создается не частными, обывательскими интересами, не анархически и хаотично, а планово.

Мы строим новую столицу по большевистскому плану, строим образцовый социалистический город. Такой город, который предоставляет трудящимся возможность плодотворной работы и здорового отдыха. То, что сделано, а сделано очень много, — это только начало. Через пять лет район на 80—90% будет покрыт усовершенствованными мостовыми. Будет снесено много старых ветхих домов и они заменятся новыми удобными и красивыми зданиями. Тротуары будут обсажены аллеями декоративных деревьев. Выростут новые громадные с сверкающими окнами здания школ, улицы будут расширены, исчезнет давка в трамваях. Под землей будут пробегать электрические поезда-метро, перевозящие москвичей на работу. Вырастут новые скверы и бульвары. В районе мощной магистралью пройдет широкая громадная улица Ново-Тверская, уступающая по красоте только Аллее Ильича.

Увидим ли мы все это через пять лет? Трудно ручаться. Кто знает может быть мы просчитались? Может быть этот грандиозный план не будет выполнен в пять лет? Но сомнение законно. Возможно, что план будет выполнен не в этот срок, а в . . . . четыре или три года. Ибо трудно учесть энтузиазм рабочего класса.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Н. АНДРЕАСЯН — 15 лет диктатуры пролетариата . . . 7
ПЕТР ЛЬВОВ — На баррикадах 15
М. РАМЗИН — Памятные дни 21
Н. КЕРОДА-ТАТАРСКИЙ — Три живых свидетеля . . 27
С. ЕВЛАМПИЕВ — Промышленность района 31
Н. РИНКУС — История Тормозного 39
Абр. БЕЛЕНЬКИЙ — Биография завода 53
В. ЦЫГАНОВ, М. ЗИНОВЬЕВА — Из истории фабрики им. ткача П. Алексеева 70
Мих. ЛУЧАНСКИЙ — От тюремной мастерской к заводу одежды 78
А. МОСКВИТИН — Рожденная Октябрем 84
Еф. ЗОЗУЛЯ — Исключительный вечер 90
Мих. ГРИНБЕРГ — Мастер Бутыгин 105
П. ВОРОБЬЕВ — Так было 111
Н. ШАТИЛОВ — Говорят массам 114
Н. ИЗГОЕВ — Будни 119
А. ДЕМИН — Об одном из острейших орудий партии . 127
ПАВЛОВ, ЯКОВЛЕВ — Под руководством партии Ленина 133
В. БЕЛИКОВ — Трое 137
А. КОШЕЛЕВА — Культура и быт 139
В. ЦВЕТКОВ — От пьяного трактира — к цеху питания . 142
А. ЮРИН — С коммунистическим знаменем в руках . 150
А. КОТОВ — В новой квартире 154
Е. ВИЛЕНСКИЙ — На страже здоровья 159
П. ХОЛМОГОРЦЕВ — Новое и старое 167
Е. СИМ — И тыл — это фронт 182
Д. НИКОЛАЕВ — Как выполняются решения партии о городском хозяйстве в Октябрьском районе . . . 190
С. ГИНЗБУРГ — От купецкой Москвы — к социалистическому городу 194

Цена 3 руб.

Н
О
н
ж
(М
п
Т
ц

